

18+

Николай Семёнов-Мерьский

*Жизнь и Смерть Владимира
Ульянова-Ленина*

Том 1

Николай Семёнов-Мерьский
**Жизнь и Смерть Владимира
Ульянова-Ленина. Том 1**

«Издательские решения»

Семёнов-Мерьский Н. С.

Жизнь и Смерть Владимира Ульянова-Ленина. Том 1 /
Н. С. Семёнов-Мерьский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510636-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Роман-исследование «Жизнь и смерть Владимира
Ульянова-Ленина» посвящён 150-летию со дня рождения Ленина. Задача
автора заключалась в изложении событий жизни Ленина без идеологического
фимиама и восхищения. Дана трактовка событий на основе общеизвестного
материала, не принятого официальной «Ленинианой». Читателю
предоставляется право самому делать выводы о событиях в жизни Ленина
и общества. Том 1 даёт события из жизни Ленина с 22 апреля 1870 года до
начала гражданской войны 1918 года.

ISBN 978-5-00-510636-0

© Семёнов-Мерьский Н. С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	61
Глава 10	74
Глава 11	88
Глава 12	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Жизнь и Смерть Владимира Ульянова-Ленина Том 1

Николай Степанович Семёнов-Мерский

*Посвящается 150-летию, со дня рождения Владимира Ильича
Ленина.*

© Николай Степанович Семёнов-Мерский, 2020

ISBN 978-5-0051-0636-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-0635-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Рождение и юность. Семья

Начнём с рождения и семьи. Советские идеологи, издав официальное 5 издание «Биография В. И. Ленина», в 1972 году, постарались в происхождение В. Ульянова затащить его предка из крепостных крестьян Нижегородской губернии, который умудрился перебраться на жительство в Астрахань и стать там мещанином, и портным по профессии.

Родился Володя Ульянов 10 (22) апреля 1870 года, в Симбирске, ныне город Ульяновск. Он явился на свет четвёртым ребёнком их восьми детей, в семье статского советника, дворянина, инспектора народных училищ Симбирской губернии, Ильи Николаевича Ульянова, происходившего из мещан Астраханской губернии и супруги его, Марии Александровны, урождённой Бланк. Илья Николаевич в 1886 года, 1 января, получив орден Св. Станислава 1-й степени, получил и потомственное дворянство. Двое из восьми детей умерли во младенчестве. Второй брат, Александр, был казнён через повешение, в 1887 году, за подготовку покушения на жизнь императора Александра III. Сестра Ольга, скончалась в возрасте 19 лет в Санкт-Петербурге, от тифа. Все дети семьи Ульяновых стали революционными деятелями и занимали, впоследствии, должности в Советском правительстве и партийных органах. В 1882 году, Илья Николаевич был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени, который давал право на личное дворянство. Всего он был награждён пятью орденами. Получил звание действительный статский советник, в 1877 году, это был гражданский чин 4-го класса, давал право на потомственное дворянство. Соответствовал чином генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте, титуловался, «Ваше превосходительство». Государственный деятель, педагог, сторонник всеобщего равного для всех национальностей образования. Умер на службе, 12 января 1886 года, в возрасте 55 лет, от кровоизлияния в мозг.

Остальные дети:

– Старшая сестра, Анна Ульянова-Елизарова (1864—1935) – 71 год, написала книгу воспоминаний о В. И. Ленине. Умерла 19 октября 1935 года в Москве. Похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде, рядом с матерью, мужем и младшей сестрой Ольгой. Привлекалась, в качестве соучастницы по делу брата Александра в подготовке покушения на императора Александра III. Была приговорена к пяти годам ссылки, которые отбывала в Кокушкино, село в Казанской губернии, в котором находилось поместье её деда по матери. До Февральской революции 1917 года занималась нелегальной партийной деятельностью, под руководством Владимира Ульянова. Участвовала в подготовке Октябрьского переворота 1917 года.

В 1918—1921 годах – заведующая отделом охраны детства в Наркомсобесе, потом в Наркомпросе. Один из организаторов Института партии и Института В. И. Ленина.

До конца 1932 года – научный сотрудник Института Маркса – Энгельса – Ленина, секретарь и член редакции журнала «Пролетарская революция».

Собственных детей у Елизаровых не было. Был приёмный сын Георгий и воспитанник, Николай (Цзян Цзинго), старший сын Чан Кайши, в будущем президент Китайской Республики (1978—1988), на острове Формоза, переименованного в Тайвань.

– брат Александр (1866—1887) – приговорен к казни через повешение, за подготовку покушения на императора Александра III.

– сестра Ольга (1868—1869) – умерла в младенчестве.

– сестра Ольга (1871—1891) – умерла от брюшного тифа в Санкт-Петербурге, в 19 лет. Похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде, рядом с ней похоронили мать, в 1916 году, и старшую сестру Анну.

– брат Николай (1873—1873) – умер в младенчестве.

– младший брат Дмитрий (1874—1943) – 69 лет. Революционер и советский партийный деятель, младший брат Владимира Ильича Ленина.

Окончив Самарскую гимназию в 1893 году, Дмитрий поступил на медицинский факультет Московского университета. Став студентом, он начал заниматься революционной деятельностью в нелегальных марксистских кружках московского «Рабочего союза».

В ноябре 1897 года был в первый раз арестован, по делу «Союзного совета объединенных землячеств» и «Рабочего союза», был исключён из университета и просидел год в тюрьме. Впоследствии до 1917 года он арестовывался неоднократно. В 1901 году окончил медицинский факультет Императорского Дерптского университета. В Первую мировую войну был мобилизован в армию, служил военным врачом, вёл революционную работу. После Октябрьского переворота вёл активную борьбу за советскую власть в Крыму. Был Наркомом здравоохранения и социального обеспечения, председателем Совнаркома Крымской Советской Социалистической Республики. В 1920 – 1921 годах член Крымского обкома РКП (б) и Ревкома. С 1921 года Дмитрий Ульянов стал жить в Москве, где работал в Наркомздраве, Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, Коммунистическом университете трудящихся Востока, в научном секторе поликлиники Сануправления Кремля, а также вёл работу в Центральном музее В. И. Ленина.

В 1930-х годах, вместе с сестрой Марией Ульяновой, написал воспоминания о Ленине, неоднократно публиковавшиеся впоследствии. В 1941—1942 годах жил на родине в Ульяновске, затем в Москве. Делегат XVI и XVII съездов ВКП (б). Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

– младшая сестра Мария (1878—1937) – 59 лет, участница российского революционного движения, советский партийный и государственный деятель, младшая сестра Ленина. Поступила в 1896 году на двухгодичные курсы в Москве. После их окончания получила диплом домашней учительницы. Вела пропаганду в рабочих кружках, доставляла нелегальную литературу, была связной.

Несколько раз была арестована, выслана под надзор полиции в Нижний Новгород. В 1908—1909 годах жила в Париже и училась в Сорбонне, где получила диплом учительницы французского языка. Летом 1915 года отправилась на Западный фронт с лечебно-питательным отрядом. В 1917—1929 годах входила в состав редколлегии «Правды». Один из организаторов рабкоровского и селкоровского движения.

Член бюро ЦК РСДРП (б) с 1917 года. Член Центральной контрольной комиссии ВКП (б) в 1925—1934 годах, член Президиума ЦК ВКП (б), 1932—1934 годы. Член Комиссии советского контроля при СНК СССР, с 1935 года. Член ЦИК СССР с 1935 года.

Мария Ильинична Ульянова скончалась 12 июня 1937 года. Тело было кремировано в Донском крематории, а урна с прахом захоронена в Кремлевской стене.

Отец Владимира, Илья преставился рано, в 55 лет, когда Володе Ульянову было 16 лет. Всей семьёй управляла мама. Пережили Ленина только трое, из шести выживших детей семьи Ульяновых. Высших партийных почестей, кремации и захоронения в Кремлёвской стене удостоилась только младшая сестра Мария.

Мама, Мария Александровна, урождённая Бланк. Родилась в 1835 году, в Санкт-Петербурге, в семье, в то время, полицейского врача, Александра Дмитриевича Бланка – крещёного еврея. В семье у Александра Дмитриевича Бланка родилось 5 дочерей и 1 сын. По материнской линии у Владимира Ульянова было 30 двоюродных братьев и сестёр. Когда Марии было 12 лет, её отец приобрел поместье в селе Кокушкино, в 40 километрах от Казани. Поместье занимало 462 десятины земли, что в пересчёте на гектары равно 503 га земли, и имело 15 дворов, 40 крепостных крестьян мужского пола. В семье Бланка произошла трагедия, сын Дмитрий, надежда отца, будучи студентом-юристом Казанского университета, покончил жизнь самоубийством, причина самоубийства не была установлена. После реформы 1861 года поместье сократилось на 130 га, земля отошла освобождённым крестьянам, делали помещика Бланка беднее и свадьбы его пяти дочерей, всех надо было наделить приданым. После смерти Александра Дмитриевича в 1870 году, остатки поместья были разделены между всеми его наследниками. Трагедии, ранняя гибель членов семьи, имели место и в семье Ульяновых, скорее всего, из-за наследственности, полученной детьми и по линии отца, и по линии матери.

Мария Александровна стала супругой Ильи Николаевича в 1863 году, в Пензе. Оба они служили, как тогда говорили, учительствовали в Пензе. Она имела домашнее провинциальное образование, которое позволило ей сдать экзамены на учителя иностранных языков для начальных школ. Поскольку отец её, постепенно разорялся, выдав замуж трёх её старших сестёр, Марии Александровне пришлось «искать место», а вместе с тем и жениха. Для Ильи Николаевича, брак с Марией Александровной Бланк, принёс быстрый рост в служебной карьере, поскольку тесть его, Александр Дмитриевич Бланк, имел связи в Санкт-Петербурге и по своей линии, и по линии своей умершей жены. Александр Дмитриевич воспитывал своих детей, вступив в гражданский брак с сестрой его умершей жены, Екатериной. Дети звали её тётушкой, хотя она стала для них матерью.

В 1869 году, Илья Николаевич, был принят на службу во вновь учреждённую организацию, инспекция народных училищ, инспектором, с переездом на жительство, по месту службы, в город Симбирск, губернский город на волжском берегу, с населением 27 тысяч человек. За 8 лет службы, Илья Николаевич выслужил чин действительного статского советника, что соответствовало воинскому званию генерал-майор, стал титуловаться «Ваше Превосходительство», получил пять орденских наград. Карьера у него проходила успешно, каждый год продвижение вверх на два разряда и по награде. По смерти Ильи Николаевича, в 1886 году, Мария Александровна, в этом же году, стала получать пенсию, в связи с кончиной супруга, в размере 100 рублей в месяц.

В 1869 году, в Симбирской губернии, включавшей 10 уездов и свыше полутора миллионов населения, числилось 462 народных училища с количеством учащихся свыше 10 тыс. человек, из них не более 90 училищ, соответствовали норме, остальные пребывали в жалком состоянии или числились только на бумаге, финансирование их осуществлялось не государством, а местными сборами и благотворительностью состоятельных граждан.

Здесь, в Симбирске и родился Володя, 22 апреля, в 1870 году. В Симбирске, в Мариинской женской гимназии, учились старшая сестра Анна и сестра Ольга. В мужской классической гимназии обучался Владимир Ульянов. Фёдор Михайлович Керенский, отец Александра Керенского, был одновременно директором обеих гимназий, и женской, и мужской. Две семьи, Ульяновых и Керенских, встретились и познакомились в Симбирске, были дружны, помогали друг другу. Симбирск позже, при советской власти, был переименован в Ульяновск.

В 1878 году семья Ульяновых купила и переехала в собственный дом в Симбирске, на Московской улице. Девять лет до этого, они снимали помещения в частных домах. Дом был куплен за 4 тысячи рублей и записан на Марию Александровну. При доме был большой зелёный двор и обширный фруктовый сад. Участок при доме тянулся на целый квартал, и калитка, в заборе сада, давала возможность выйти на Покровскую улицу, проходившую параллельно Московской. Рядом протекала река Свияга, где дети Ульяновых купались в жаркие летние месяцы. Кроме надворных построек – конюшни, каретника, бани и других хозяйственных построек, на участке при доме был небольшой флигель, который сдавался в найм.

Александр Фёдорович Керенский, родился 22 апреля, 1881 года, тоже в Симбирске, на 11 лет позже Владимира Ульянова. День рождения совпадает день, в день у обоих, 22 апреля. Мама Александра, Надежда Адлер, дворянка «немецко» -русского происхождения.

Предки Александра Керенского, по женской линии его матери, расписаны до 15 века, от московских купцов Калмыковых, родом из Астрахани. Предки по линии деда, отца его матери, в девичестве Адлер, в свободном доступе отсутствуют, нет предков. Отец Надежды Адлер был полковник, военный топограф, числился при Генеральном Штабе, имел дворянское звание. Это наводит на размышление, почему-то была необходимость их, предков Адлера, сокрыть. Это «сокрытие», привело к многочисленным спекуляциям о наличии еврейской крови в роду матери Керенского, вплоть до версии об усыновлении Александра Керенского Надеждой Адлер от осуждённой к смерти, за участие в покушении на императора Александра 2-ого, террористки Гесси Гельфман.

Папа Александра, из семьи священнослужителей, переучившийся в Казанском университете на историка-филолога, ставшего преподавать русскую словесность, педагогику, латинский язык. Владимир Ульянов, после окончания гимназии, имел в своём аттестате золотого медалиста, после гимназии, единственную оценку 4, по логике, поставленную ему преподавателем и одновременно директором гимназии, Фёдором Керенским.

Семьи Керенских и Ульяновых в Симбирске связывали дружеские отношения, у них было много общего в образе жизни, положении в обществе, интересах, происхождении. Фёдор Михайлович, после того как умер Илья Николаевич Ульянов, принимал участие в жизни детей Ульяновых. В 1887 году, уже после того как был арестован и казнён его брат Александр, он дал Владимиру Ульянову положительную характеристику, в которой подтверждал благонадёжное поведение Владимира в гимназии, хотя лично проводил с ним беседы, чтобы Владимир прекратил в гимназии разговоры с гимназистами, об «угнетённых классах». Эта характеристика позволила Владимиру быть зачисленным в Казанский университет, несмотря на то, что он был братом государственного преступника и зачислению в университет не подлежал.

Александр Керенский, в детстве, перенёс туберкулёз бедренной кости. После операции мальчик полгода был вынужден провести в постели и затем долгое время не снимал металлического, кованого сапога с грузом.

В 1899 году Александр Керенский с золотой медалью окончил Ташкентскую гимназию, куда по работе был переведён его отец, и поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Глава 2

Учёба в Казанском Университете. Начало революционной деятельности

Непререкаемым авторитетом для Володи Ульянова, по жизни, был его старший брат Александр, который был на 4 года старше его. Володя старался во всём ему подражать. В юности Владимир Ульянов порывает с религией, срывает с себя нательный крестик. Владимир много читал художественной литературы и произведения революционных демократов, Белинского, Герцена, Чернышевского и других. В своих гимназических сочинениях он начал писать про угнетённые классы России, чем вызвал тревогу со стороны директора гимназии Фёдора Керенского, который провёл с ним беседу по этому вопросу.

Семья Ульяновых получила два тяжёлых жизненных удара друг за другом, подряд. В январе 1886 года, в возрасте 54 лет, скончался его отец Илья Николаевич, от кровоизлияния в мозг. В марте 1887 года был арестован брат Александр, студент С.-Петербургского Университета, по делу о покушении на жизнь императора Александра III, и его сестра, Анна, так же, как и Александр, учившаяся в С.-Петербурге, на высших женских, Бестужевских курсах, поэтому, же делу. Анна с курсов была отчислена. Александр был вовлечён в члены террористической организации, которую создали два студента, Шевырёв и Лукашевич, назвавшие её, «Террористическая фракция Народной Воли». Целью организации они объявили убийство императора Александра III, в шестую годовщину гибели его отца, императора Александра II, во время панихиды, 1 марта. Весь «заговор» проходил под контролем полиции. Активных участников было арестовано 74 человека, на суд попало 15 человек, приговорили к казни пятерых. Руководители «заговора», Шевырёв и Лукашевич, от своего участия в покушении отказывались, Александр Ульянов всё «дело» взял на себя, хотя его просто «подставил» Шевырёв, который перед проведением покушения, сослался на нездоровье и уехал лечиться в Крым, а проведение покушения поручил Александру Ульянову. Шевырёв всё-таки, был осужден на казнь, а Лукашевич получил 18 лет каторги, которую прошёл и вышел на свободу. Мать, Мария Александровна встречалась с сыном в процессе следствия по делу, о покушении на жизнь государя императора, Александра III. Сын и мать имели сильное портретное сходство, как говорили, «были похожи, как две капли». Мать просила его, подать прошение о помиловании, но он доказывал матери, что нельзя просить о помиловании у того, кого соби­рался убить. Но всё же Александр исполнил её просьбу и, уступив мольбам матери, написал прошение о помиловании, в котором, написал, что это прошение нужно его матери, а не ему. Мария Александровна пришла к выводу о психическом нездоровье Александра. По словам Марии Александровны, при последнем прощании с Александром, она благословила его своим крестом, он к нему приложился, мать ему сказала, мужайся.

20 мая, 1887 года, Ульянов, Шевырёв и ещё трое участников покушения были повешены во дворе Шлиссельбургской крепости по приговору суда. Студенту Лукашевичу заменили казнь на ссылку, присяжные и родственники постарались. Перед казнью Александр Ульянов выглядел спокойным.

О своих братьях, Анна Ульянова-Елизарова написала в своих «Воспоминаниях», «Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь последовавшего за ним брата, Владимира».

Но брат Владимир отверг путь личного террора самодержцев, который избрал его брат Александр. По легенде, изложенной в официальной биографии, со слов из воспоминаний младшей сестры Марии, будто бы Владимир сказал, «не таким путём надо идти». В будущей своей революционной деятельности, Владимир Ульянов, став Лениным, сам лично ни в каких

террористических акциях не участвовал и вёл себя настолько осторожно, что за всю свою длительную революционную жизнь, ни разу не осуждался к тюремному заключению.

Владимир Ульянов, не смотря на испытанные потрясения, от казни брата, отлично сдал выпускной экзамен в гимназии, на золотую медаль. Единственная четвёрка в его аттестате была по Логике, поставленная ему преподавателем и директором гимназии Фёдором Керенским, другом семьи.

В июне 1887 года, Семья Ульяновых покинула Симбирск, продав свой дом с усадьбой, на улице Московской. Семья в начале поселилась в усадьбе отца Марии Александровны, в селе Кокушкино, в сорока километрах от Казани, а потом переселилась в Казань, где Владимир Ильич поступил на юридический факультет университета.

Поступил он не сразу, как брат государственного преступника, Александра Ульянова, ему пришлось предоставлять характеристику с места обучения, из гимназии. Директором гимназии был друг их семьи, Фёдор Михайлович Керенский. Он выдал Владимиру Ульянову соответствующую «мудрую» характеристику, в которой он делал упор на примерное поведение и православную религиозность Ульянова, хотя Владимир не носил нательного креста, писал сочинения «об угнетённых классах» и был замечен в нежелательных беседах с товарищами. В этой «мудрой» характеристике, Фёдор Керенский не указал на все эти факты в поведении гимназиста Владимира Ульянова что позволило ему, Владимиру Ульянову, быть зачисленным в Университет.

13 августа, 1887 года на вторичном прошении Ульянова о зачислении в Университет, после предъявления характеристики, появляется резолюция: «Принять». На первом прошении была резолюция, «Запросить характеристику из гимназии». С этого дня Владимир Ульянов становится студентом и подает новое прошение, об освобождении его от платы за обучение, как члена семьи без кормильца. На факультете просьбу поддержали, и 8 сентября правление университета включило его в списки лиц «православного вероисповедания», нуждающихся в данной льготе «на основании свидетельств о бедности, баллов по аттестатам зрелости и характеристики из гимназии». По смерти Ильи Александровича, перед этим скоропостижно скончавшегося, в чине действительного статского советника, соответствовавшего воинскому званию генерал-майор, Мария Александровна получала денежную пенсию в размере 100 рублей в месяц и денежное вспомоществование от Казанского учебного округа. 12-го сентября списки утвердили и отправили далее по инстанции. Но, в Петербурге Ульянова из «льготников» исключили, память о его брате Александре, государственном преступнике, была еще свежа, так что за обучение пришлось платить, и даже значительно больше, чем в предыдущие годы.

Именно в это время, в июне, министр просвещения Делянов издал циркуляр, вошедший в историю как «циркуляр о кухаркиных детях», который в несколько раз повышал плату за обучение в университетах, что закрывало доступ в гимназии детям «низших сословий». Тогда же утвердили и Университетский устав, лишавший университеты остатков автономии и запрещающий сходки, собрания и любые студенческие организации. Одновременно существенно расширились права «инспекторов студентов», которые фактически выполняли полицейские функции надзора и сыска за студентами.

Занятия в Университете, Владимир посещал не столь исправно, как в гимназии. В ноябре он присутствовал на лекциях лишь 8 дней. Гораздо больше его привлекала та студенческая жизнь, которая буквально бурлила в университете.

Сразу, после зачисления в Университет, Владимир дал расписку, в которой, согласно существовавшим тогда правилам, обязался «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо нелегальных, запрещённых сообществах, а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения ближайшего начальства. Но формальная рас-

писка нисколько не помешала Владимиру Ульянову сразу же вступить во все запрещённые сообщества, упомянутые в расписке.

В это время в университете функционировало 8 нелегальных землячеств-кружков, пользовавшихся среди студентов огромным авторитетом и влиянием. Землячества поддерживали связи с аналогичными организациями в Петербурге, Москве и других университетских городах. Землячества имели свои библиотеки с нелегальной литературой. И наиболее крупным среди них являлось как раз симбирское землячество. В его работе Владимир принял активное участие и сразу был избран представителем Симбирского землячества в Совет землячеств университета, сразу попал в лидеры, ещё не показав себя.

В работе землячества участвовали и те, кто уже находился в поле зрения полиции и вступление Владимира в землячество было сразу зафиксировано полицией.

Протест против указанных «нововведений Делянова» начался в университетах России, с самого начала 1887 учебного года. Особого накала «Протест» достиг в ноябре. 23—25 ноября выступление московских студентов было жестоко подавлено полицией и казаками. Двоих студентов убили. В ноябре начались волнения и в Казани.

Алексей Максимович Горький, которому было 19 лет, работал в этот период своей жизни в Казани, пекарем. Он дал в своих воспоминаниях, «Мои университеты», портрет тогдашнего активного студенчества, «шумное сборище людей, которые жили в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета, они по вечерам сбегались в лавочку Деренкова, со всех улиц Казани, для яростных споров и тихого шепота по углам. Приносили с собой толстые книги и, тыкая пальцами в страницы их, кричали друг на друга, утверждая истины, кому какая нравилась. Я понимал, что вижу людей, которые готовы изменить жизнь к лучшему, и, хотя искренность их захлебывалась в бурном потоке слов, но, не тонула в нем. Часто мне казалось, что в словах студентов звучат мои „немые думы“, и я относился к этим людям почти восторженно, как пленник, которому обещают свободу».

4 декабря 1887 года, в актовом зале Университета состоялась протестная сходка студентов. Сходка требовала изменения университетского устава, разрешения организации студенческих обществ, возвращения ранее исключенных студентов, наказания виновников в их исключении. Владимир Ульянов находился в первых рядах протестующих. Уходя со сходки, Владимир Ульянов, в числе прочих, оставил на выходе свой студенческий билет.

Но уже 5 декабря, Владимир Ульянов был отчислен из Университета, ему было воспрещено проживать в Казани и 7 декабря, он был выслан в Кокушкино, Лаишевского уезда, в дедушкино имение, под негласный полицейский надзор. Ночь с 4 на 5 декабря он, вместе с зачинщиками сходки, провёл в тюремной камере. Университетское образование завершилось, после 3-месяцев беспокойных занятий.

В 1887 году в Казанском университете обучалось 918 студентов. В сходке участвовали 256 студентов, а уволили по прошению и исключили – 164. Элемент всеобщности протеста, по отношению к общей студенческой массе, составил 18%.

В «ссылке», у дедушки в деревне, Владимир Ульянов изучает политическую, экономическую, статистическую литературу. В библиотеке поместья была книга Чернышевского «Что делать?». Для Владимира Ульянова, она стала настольной книгой революционера. Особенно ему в память врезалась цитата, «Политический вождь должен быть решительным и, раз поставив себе определенную цель, идти беспощадно до конца», так он и действовал, даже ещё не став вождём.

Родственники, тётушки, привозят Владимиру из Казанских библиотек, затребованные им книги и журналы. Изучал он и университетский курс. Через год, его семье и ему, разрешили поселиться в Казани, по прошению матери, в котором она просила разрешения переехать

семье в Казань, из-за необходимости лечения сестры Анны. Но в Университет, к обучению, Владимира Ульянова не допустили.

В апреле 1889 года, Мария Александровна вновь предпринимает попытку добиться разрешения на выезд Владимира за границу, для продолжения учебы. Владимир проходит медицинское обследование и 29 апреля получает справку, подписанную профессором Казанского университета Котовщиковым о том, что Владимир Ульянов страдает болезнью желудка и нуждается в лечении щелочными водами за границей.

К месту рассказать о рационе питания в семье Ульяновых. Несмотря на педантичность в отношении приема пищи, в целом домашнее питание в семье Ленина не было идеальным. На столе практически отсутствовали супы, их считали «вульгарными», для простолюдинов. Хлеб подавался по расписанию, в будни к обеду, черный, к ужину и чаю, белый, в выходные и праздники, ситный. Хлеб из муки, просеянной сквозь сито, очень вкусный, пушистый, с тонкой золотой хрустящей корочкой, мякиш великолепен, хлеб «царский».

Дежурным продуктом на столе Ульяновых были яйца. Яичница, зажаренный в яйце вымоченный в молоке белый хлеб, яйца вкрутую, яйца всмятку, все это регулярно употреблялось в пищу. Мясо готовили редко, и во избежание долгой возни с жаркой, его чаще всего отваривали. Распространенной едой были бутерброды, с маслом или с волжской копченой рыбой. В детстве Ленин не знал вкуса сладкого. Его мать считала, что сладости, это женский продукт, и мужчинам его есть неприлично. В соответствии с таким питанием, уже с 17 годам, у Владимира Ульянова, была приобретена болезнь желудка.

Соответствующее прошение о выдаче загранпаспорта, для лечения, подается губернатору. И уже 14 июня следует категорический отказ, «Лечиться можно и на Кавказе». В выдаче заграничного паспорта, Казанский губернатор ему отказал.

По решению административного отдела кабинета министерства императорского двора, имя Владимира Ульянова вносится в секретную книгу лиц, коим навсегда запрещалась государственная служба.

Владимир Ульянов, как старший сын, в семье без кормильца, получает освобождение от воинской повинности, призыв на воинскую службу, который происходил при достижении возраста 21 год, ему не угрожал.

В Казани, на квартире Марии Павловны Четверговой, на Старо-Горшечной улице, сложился ново-народовольческий кружок, входивший в Сабунаевскую организацию. Сабунаев, народоволец, вернувшийся из ссылки, объявил себя «новым» народовольцем, пытался создать организацию, в которую вошли бы все протестные силы тогдашнего российского общества. Использовали квартиру Четверговой и студенческие «кружки саморазвития» Федосеева. Захватывал сюда и Владимир Ульянов, которого с хозяйкой квартиры более всего сближала любовь к Чернышевскому. Они часами обсуждали произведения Чернышевского.

Зимой 1888—89 года, на квартире Четверговой, Владимир Ульянов услышал доклад присяжного поверенного Михаила Мандельштама, о «Капитале» Маркса. Будущий левый кадет, развивал в своём докладе взгляды группы «Освобождения труда» Плеханова, упоминая при этом и работу Карла Маркса «Капитал». Михаил Мандельштам приезжал в Казань нелегально, из Симбирска где он жил в это время, поскольку ему было запрещено проживание в городах, имеющих Университеты. Основная группа слушателей кружка, были студенты Казанского университета и Ветеринарного института, но приходила и молодежь, неизвестная Мандельштаму. В тогдашней Казани, в кружках, в целях конспирации, фамилии участников оставались неизвестными друг другу, посетители называли себя псевдонимами. Лишь позже, Мандельштам узнал, что в числе его слушателей, в Казанском кружке на квартире Четверговой, в зиму и весну 1888—89 года у него бывал Владимир Ульянов.

Занятия в кружке саморазвития, проводились по программе Николая Евграфовича Федосеева, которая стала популярной в Поволжье и получила название «Казанская программа».

Максим Горький, тоже посещал кружок Федосеева и получил эту программу от Николая Евграфовича, непосредственно.

Каталог «Казанской программы» Федосеев разрабатывал, знакомясь с работами Маркса у местного статистика Павла Николаевича Скворцова, одного из пионеров российского марксизма, первым начавшим критику народничества в официальной прессе.

Павел Николаевич писал свои статьи для «Волжского вестника», «Казанского биржевого листка», в столичные издания, и его выводы о путях развития капитализма в России, о дифференциации российского крестьянства, наносившие удары по признанным столпам народничества, имели самый широкий резонанс, особенно в Поволжье. А когда в 1893 году Скворцов сумел переслать некоторые свои статьи Энгельсу, его авторитет в российской марксистской среде еще более возрос. Сам Скворцов представлял из себя по виду «юродивого». Он вел жизнь «умственного пролетария», перебиваясь изо дня в день случайной работой, заменяя обеды табаком и прогулкой. Он производил странное впечатление, на сталкивавшихся с ним людей, своим неопрятным видом, скромной, небрежно напяленной рубахой, окруженный облаками табачного дыма, постоянно суетящийся над своими статистическими исследованиями. Он подходил к марксизму как к Евангелию, которое открыло ему «истину».

Владимир Ленин стал посещать кружок саморазвития, организованный Федосеевым, на квартире Четверговой, давней народоволки, вернувшейся в Казань из ссылки в Вятскую губернию, откуда родом был Федосеев.

Николай Евграфович Федосеев, родился в городе Нолинске, Вятской губернии, 27 апреля 1869 года, в семье судебного следователя. Он был всего на год старше Владимира Ульянова. В 1880 году он поступил в первую Казанскую гимназию, где успешно учился, переходя из класса в класс с наградой первой степени. Уже в 5—6 классе гимназии он изучал классиков русской литературы, много читал по истории и социологии. Федосеев группировал вокруг себя молодежь. На его квартире часто собирались товарищи, которые читали запрещенные цензурой книги и обсуждали злободневные вопросы общественной жизни. За юношей установили слежку. На его квартире был произведен обыск. В декабре 1887 года Федосеева, исключили из гимназии «за политическую неблагонадежность, вредное направление мыслей и чтение неподобающих книг».

После исключения из гимназии Федосеев углубляется в революционную работу, настойчиво изучает общественные науки, приступает к изучению марксистской литературы и подготавливает создание революционной организации. На жизнь он зарабатывает частными уроками.

В кружках Федосеева изучалась марксистская литература. Члены кружков, знавшие немецкий язык, переводили её на русский, чтобы дать возможность ознакомиться с ней всем слушателям кружка. Федосеев изучал произведения Маркса и Энгельса в подлинниках.

В «Кружках» изучались и произведения, изданные группой «Освобождение труда», в частности работу Плеханова, «Наши разногласия».

Федосеев попытался издавать марксистскую литературу, была нелегально издана на русском языке работа Фридриха Энгельса «Развитие социализма – от утопии к науке», которая печаталась на гектографе.

Федосеев организовывал кружки двух уровней, начального и высшего. На начальном уровне он свою роль ограничивал устройством их, назначением руководителя кружка, вручением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела. Высшим уровнем он руководил лично сам. Владимир Ульянов занимался в кружке начального уровня, в котором Федосеев не преподавал, поэтому с Федосеевым в Казани Владимир Ульянов не познакомился.

Владимир Ульянов, не пошёл к народникам и эсерам, проповедовавшим индивидуальный террор, он стал пророком массового террора, апостолом которого был Моисей, призвавший, от бога, «казни Египетские» на Египетский народ. Так же, только «казни революционные», Владимир Ленин, отвергавший Бога, устроил для Российского народа.

В начале мая 1889 года, семья Ульяновых переезжает на жительство на хутор, близ деревни Алакаевка, купленный по доверенности, полученной от Ульяновых, женихом Анны Ильиничны Ульяновой, Марком Тимофеевичем Елизаровым. Хутор, близ деревни Алакаевки, Богдановской волости Самарского уезда и губернии, представлял из себя 83,5 десятины земли или 91 гектар по метрической мере, большей частью непахотной и мельницу, сдававшуюся в аренду местному крестьянину Алексею Евдокимову. Прежнему владельцу хутора, золото-промышленнику Серебрякову, было уплачено 7 тысяч 500 рублей серебром, то есть все деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске, и часть накоплений. В сегодняшних ценах эта сумма соответствует 11,4 миллиона рублей.

В июле, в Казани, был арестован Федосеев, с некоторыми участниками своего «кружка» по изучению марксизма. Благодаря отъезду из Казани, и посещению кружка начального уровня, в котором Федосеев не преподавал, Владимир Ульянов избежал ареста. Владимир Ульянов живёт в Самаре тем, что даёт уроки, но и мама рядом, доходы от поместья идут, мама ведёт хозяйство, всю семью кормит, всем помогает, за мамой, как за каменной стеной.

Глава 3

Жизнь в Самаре. Сдача экзаменов в С.-Петербургском университете. Смерть сестры Ольги. Начало трудовой деятельности

Купив Алакаевку, Мария Александровна Ульянова, решила, что избавляет этим семью и Володю от нежелательных знакомств с социалистами, и надеялась увлечь Владимира работами по хозяйству. Но рядом с Алакаевкой, в трех верстах, на хуторе Шарнель, на участке в 100 десятин земли, расположилось поселение студенческой коммуны, под названием «Борская колония». Поселенцы стали захаживать к Ульяновым в гости. Количество знакомых социалистов только добавляется.

А когда, 5 сентября, Ульяновы переезжают из Алакаевки в Самару, количество такого рода знакомых начинает расти с каждым днем.

Но, уйдя от ареста в Казани, семья Ульяновых так и не избежала полицейского надзора. Из сообщения Самарской жандармерии в Департамент полиции, «4-ого, минувшего мая, прибыла, состоящая под гласным надзором полиции, дочь действительного статского советника Анна Ульянова на хутор при деревне Алакаевка. Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Мария, брат Владимир, состоящий под негласным надзором полиции, и бывший студент, сын крестьянина, Марк Тимофеевич Елизаров, человек сомнительной политической благонадежности». У Ульяновых Елизаров состоял в качестве доверенного по делам и управляющего их хозяйством. Брат Дмитрий, в это время проживал в Самаре, учился в гимназии.

С Александром и Анной Ульяновыми Марк познакомился еще в Петербурге, в поволжском землячестве, когда учился в университете. В 1886 году, после его окончания он проработал год в столице, а в 1887 году вернулся в Самару, где поступил на службу в Казенную палату. Роман с Анной у него начался еще в С.-Петербурге. И вот теперь, после приобретения Алакаевки, Марк и Анна решили сыграть свадьбу. 28 июля, в соседнем селе Тростянки, Владимир присутствовал при их венчании в храме, в качестве свидетеля.

Владимир, не имея возможности, поступить в университет ни в России, ни выехать за границу, он решил получить разрешение на сдачу экзаменов, за университетский курс, экстерном.

28 октября 1889 года, в который уже раз, Владимир пишет министру просвещения Делянову. Ульянов подаёт прошение, с просьбой разрешить ему сдавать экстерном экзамены при любом российском высшем учебном заведении, ссылаясь на крайнюю нужду в каком-либо занятии, чтобы поддержать своим трудом семью.

Фактически, Владимир Ульянов, пока была жива мама, вплоть до 1916 года, получал всегда от неё денежные переводы, а также от сестры Анны, в том числе и когда проживал за границей.

Прошения о допуске к экзаменам направлялись по положенной форме, со всеми титулованиями лица, к которому обращаешься и были подписаны, дворянин Владимир Ульянов. Министр отклонил прошение, в очередной раз, и в конце декабря 1889 года Самарское полицейское управление вручило отказ Владимиру.

Тогда Мария Александровна решает включить в действие свои родственные связи в С.-Петербурге. В мае 1890 года она едет в С.-Петербург, где подает прошение в Департамент полиции и добивается приема у министра просвещения. 19 мая министр Делянов пишет резолюцию, «Можно допустить к экзамену в Университетской комиссии». А в конце июля приходит и разрешение на сдачу экзаменов экстерном, при Петербургском университете.

Уже в августе 1890 года, вместе с сестрой Ольгой, Владимир едет в С.-Петербург. Ольга поступает на Высшие Бестужевские женские курсы, а Владимир наводит справки о порядке сдачи экзаменов. Именно тогда Ольга и знакомит его с Василием Водовозовым, в свое время он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми, в 1887 году его выслали в Шенкурск, за революционную деятельность, и теперь он приехал в С.-Петербург, тоже для сдачи экзаменов экстерном.

Нужные справки, Водовозов, ему дал и провел Владимира на экзамен экстерном, который Водовозов тогда сдавал. На экзамене была большая толпа народу, человек около 400, Ульянов затерялся в ней и просидел несколько часов слушая, запоминая и делая пометки.

Владимир Ульянов, хотел закончить курс юридического факультета одновременно со своими казанскими однокурсниками. Со всей энергией, присущей ему, Владимир Ульянов взялся за подготовку к экзамену. Для этого надо было освоить за полтора года тот объём знаний, который его однокурсники усваивали четыре года. Летом, в Алакаевке, он занимался в саду, устроил себе там «рабочий кабинет», в котором занимался с утра до темноты.

Беспросветная нужда крестьян, живших в Алакаевке, неизбежно порождала конфликты вокруг аренды земли, голодная крестьянская скотина нередко заходила на хуторские посевы, а судиться с крестьянами за потравы никому из Ульяновых ни малейшего удовольствия не доставляло. Мать Ульяновых хотела, чтобы Владимир занимался в деревне хозяйством. А когда у Ульяновых украли корову, то решили, что с этим «фермерским опытом» надо кончать, и на следующий год сдали всю землю в аренду некоему Крушвицу.

5 сентября Ульяновы переезжают из Алакаевки в Самару. На протяжении последующих четырех лет Алакаевка стала для Ульяновых «летней резиденцией». Преобладающим элементом здешнего ландшафта была степь. Но именно под Алакаевкой начинался, так называемый, «Муравельный лес», где было много лесной малины. А дальше шёл, «Гремячий лес», где можно было и поохотиться. Семья регулярно жила летом на даче, не забывая востребовать с Крушвица арендную плату, так Алакаевская земля приносила семье Ульяновых ренту.

Так уж случилось, что Самара была излюбленным местом высылки и поселения, после отбытия наказания, многих видных народников. Здесь в это время жили такие ветераны народничества, как Иван Краснопёров, пытавшийся поднять крестьянское восстание в Казанской губернии в 1863 году, Николай Долгов, осужденный по «Нечаевскому делу» в 1871 году, Василий Филадельфов и Александр Ливанов, привлекавшиеся по известному «процессу 193-х» в 1878 году, Григорий Клеменц, проходивший по «делу 1 марта 1881 года», Мария Голубева-Яснева, входившая в группу «якобинцев» Зайчневского.

Появление в Самаре Ульяновых, вызвало в этой среде всеобщее сочувственное внимание. Ульяновы сразу же произвели на местных, «протестующих против царизма», большое впечатление, которое усиливалось и ореолом мученичества, который окружал казненного незадолго перед тем Александра Ульянова, и этот «ореол» распространился и на семью Ульяновых.

Было здесь много и народнической молодежи, студентов, высланных за участие в беспорядках, среди них появились и «марксята», как их называли народничества. Владимир Ульянов попал в место, где постоянно шли разговоры, обсуждения и споры по разнообразным вопросам теории и практики разнообразных «учений» по свержению царизма в России. Принимал в них участие и Владимир, постепенно формируя свою «марксистскую» платформу, переоборудовав её под решение своих задач, сделать упор на вооружённое восстание и зарождавшуюся в его уме мысль о необходимости массового террора для достижения и защиты завоёванных результатов.

Владимир Ульянов спокойно и уверенно защищал, и развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно для спорящего, если тот был из категории «свой». Часто и много он говорил о «захвате власти, это была излюбленная тема у «самарских якобин-

цев». При этом, Владимир Ульянов объяснял, что власть захватывает не «народ», что народ не есть нечто цельное и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами.

Шумных студенческих сборищ с танцами, с бесконечным «трепом» на политические темы, заканчивавшиеся пьянками, он избегал. Уже в эти годы, у него стала проявляться вполне определенная черта, Владимиру Ульянову была чужда всякая богема, интеллигентская распушенность, и в его присутствии фривольные разговоры, грубые шутки были невозможны. В это время Владимир Ульянов получил своё первое прозвище, «Старик».

Была у Владимира и попытка хождения в народ. В Самаре, вечерами, на спусках к Волге, разжигались костры. Бурлаки, грузчики, рабочие, прихватив «пол-диковинную», так называли в народе полбутылки водки, и пива, ужинали арбузами, воблой, варили уху. К такой компании рабочих, можно было подсесть и чужому, прохожему человеку, вступить в разговор, что однажды и совершил Владимир Ульянов. Познакомился он с каким-то чернорабочим, которого начал «пропагандировать». Рабочий был уже в хорошем настроении, после «пол-диковинной» и пива, слушал рассказ Владимира об эксплуатации и угнетении, согласно кивал головой. Владимир Ульянов привел его к себе на квартиру, чтобы рабочему прочесть одну брошюру. Попили чаю, Владимир читал брошюру и за каким-то делом вышел в другую комнату. Когда он вернулся к знакомцу, то не нашел уже его в комнате, он ушёл. Вместе со знакомцем «ушло» и пальто Владимира, с вешалки в прихожей.

Сдавать экзамены экстерном в Казанском Университете, где заканчивали обучение его однокурсники, Владимир Ульянов не стал, несмотря на то, что в финансовом плане была бы хорошая экономия денежных средств. Официальные биографы Ленина, объясняют это тем, что близкий его знакомый по Самаре, Аполлон Шухт, дал ему адреса марксистов в С.-Петербурге, чтобы через них запастись марксистской литературой. Кроме этого, Владимир Ульянов стремился познакомиться с революционерами столицы.

В 1891 году Владимир Ульянов в весеннюю и осеннюю сессии ездит в С.-Петербург, для сдачи экзаменов экстерном на юридическом факультете. Одновременно, он помог жене Шухта, своего самарского знакомого, Юлии Григорьевне с детьми, переехать из Самары в С.-Петербург, где он и навещал её в Царском Селе.

Примечание: Шухт Аполлон Александрович, 1860 года рождения, потомственный дворянин и его жена Шухт Юлия Григорьевна, в девичестве Гиршфельд, имели наследственную усадьбу в Царском селе. Родители Шухта входили в круг прислуги Императора, и были знакомы лично с Императором. Сам Аполлон, в 1871 году поступил учиться в подготовительный класс Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. Проучившись в гимназии 4 года, он выбывает из неё в 1875 году, в Николаевское кавалерийское училище из кавалерийского училища переходит на учёбу в строительное училище. В 1887 году, за участие в студенческой организации «террористическая фракция народной воли», организации, в которой участвовал и Александр Ульянов, Аполлон Александрович, по повелению императора Александра III, был сослан в Западную Сибирь, под надзор полиции. Вслед за мужем в ссылку последовала и его жена Юлия Григорьевна вместе с двумя малолетними дочерьми, Татьяной и Евгенией. После окончания ссылки, в 1890 году, и в связи с запрещением Шухту жить в Царском Селе, он переехал на жительство в Самару.

Сдача экзаменов экстерном представляла немалые трудности. К «экстернистам» профессора относились с особым недоверием и предубеждением, спрашивая и пытая их гораздо серьезнее, чем студентов, кроме того, экстерны не могли знать хорошо местных требований, и им для одинакового со студентами ответа надлежало проделать гораздо большую работу, чем студентам. Экзамены все были платные. Экстернам редко-редко удавалось получать при сдаче удовлетворительные отметки.

4 апреля 1891 года, сдав предварительное письменное сочинение по уголовному праву и уплатив 20 рублей в пользу испытательной комиссии, Владимир Ульянов является на экзамен по истории русского права. Его билет, «Положение холопов обельных по „Русской правде“ и холопов всех категорий московского времени». Оценка за ответ, «весьма удовлетворительно», в то время высший балл. На следующий день, экзамен по государственному праву, «Сословные учреждения дворянства и крестьянское самоуправление». И опять «весьма удовлетворительно». Экзамены для него, оказываются очень легкими, обедать Володя приходит каждый день, сообщала в письме от 8 апреля, Ольга Ульянова, успокаивая мать.

10 апреля, политическая экономия и статистика. Вопросы, о формах заработной платы и о германском статистике и государственном праве Конринге.

Через неделю, 17 апреля, экзамен по энциклопедии и истории философии права. Вопрос, «Сочинения Платона о законах».

24 апреля, история римского права. Вопрос, законы, издаваемые выборными властями. И по каждому из этих предметов вновь высший балл, «весьма удовлетворительно». На этом весенняя сессия закончилась.

8 мая скоропостижно скончалась сестра Ольга. Владимир Ульянов хоронит свою младшую сестру Ольгу, курсистку женских Бестужевских курсов, которая умирает от болезни, невыносимой в мирное время, в интеллигентной среде, от брюшного тифа. Единственное объяснение, привычка домашнего житья, употребление сырой воды и некипяченого молока. В Симбирске воду пили сырую, волжскую или ключевую, молоко, парное, от соседки-молочницы. В Петербурге же, и того, и другого, нельзя было делать.

Жизнь продолжалась. Новая сессия экзаменов началась в сентябре. После письменного сочинения на тему из области права, первым устным экзаменом было уголовное право.

Владимиру достались вопросы, о защите в уголовном процессе, о краже документов.

Следующий экзамен, через неделю, из римского права. Вопросы, о дарении, отношениях, из него вытекающих, и о влиянии времени на происхождение и прекращение прав.

В октябре, третий и четвертый экзамены, по гражданскому и торговому праву, вместе с судопроизводством. Вопросы, об исполнении, купле-продаже, поставке, то есть о видах передаточных договоров и о торговых книгах. Пятый и шестой экзамены, по полицейскому и финансовому праву. Вопросы, соответственно, о науке полиции и ее содержании и о государственном бюджете и его составлении, и исполнении.

В ноябре, два последних экзамена, по церковному и международному праву. Вопросы, об истории русского церковного законодательства и о праве нейтралитета. За сочинение и все устные экзамены этой сессии Владимир вновь получил высшие оценки и из 134 экзаменовавшихся, кончил первым в этом выпуске.

15 ноября 1891 года юридическая Испытательная комиссия С.-Петербургского университета присудила Владимиру Ульянову диплом первой степени, соответствующий степени кандидата права.

С конца января 1892 года, Владимир Ульянов был зачислен помощником присяжного поверенного, по просьбе самарского присяжного поверенного Андрея Николаевича Хардина, знакомого семьи Ульяновых ещё со времени их жизни в Нижнем Новгороде, где Илья Николаевич некоторое время работал учителем математики и физики в мужской гимназии. В Самаре, Владимир Ульянов подружился с Хардиным и частенько играл с ним в шахматы.

В присяжные поверенные принимались лица возрастом старше 25 лет и надо было уже иметь, перед этим приёмом в присяжные, стаж работы не менее 5 лет помощником присяжного поверенного или в судебных органах, при наличии высшего юридического образования. Помощник присяжного поверенного, был адвокат-стажёр, который должен был покупать сви-

детельство частного поверенного у суда, и мог быть отстранён судьёй от ведения дела, в случае каких-либо нарушений законодательства со стороны помощника присяжного. Помощник присяжного поверенного занимался гражданскими делами общей юрисдикции, не являлся чиновником, а вносил взносы со своих вознаграждений в фонд той коллегии помощников присяжного поверенного, в которую он был принят. Помощник поверенного выполнял функции частного поверенного. С марта, Владимир Ульянов начал выступать в Самарском окружном суде. В течении 1892 -1893 годов он «выступал» в Самарском суде 20 раз, то есть примерно 1 раз в месяц. Подзащитными, его были, в основном, крестьяне-бедняки и ремесленники. Работа была без вознаграждения, платить подзащитным адвокату было нечем, поэтому и помощнику поверенного мало чего доставалось.

Владимир Ульянов за время своей адвокатской работы выиграл только два дела, которые касались лично его. Первое, он возбудил иск к соседским крестьянам в Алакаевке, за потраву своих посевов ихней скотиной и второе, против перевозчика через Волгу в Сызрани, который вернул их с Елизаровым, переправлявшимися в Сызрани через Волгу на нанятой лодке, в месте организованном данным перевозчиком для коммерческой переправы. Заставил их переправляться через Волгу по своей организованной переправе.

Поскольку работа в адвокатуре занимала немного времени, Владимир Ульянов всю свою энергию и силу воли направил на изучение марксизма и активную подготовку к предстоящей революционной деятельности.

«Ветераны» ворчали на молодежь и по-своему были правы. Молодежь действительно была уже «не та». В конце 80-х годов, опыт хождения в народ, аресты и ссылки, уже не вызывали энтузиазма в сторонниках народничества. Народники к этим годам успели разочароваться в «прирожденной преданности» крестьянства коммунистическим идеям. Чувство неудовлетворенности народничеством, точно характеризовало настроения радикальной молодежи.

Но что-то, а уж ворчание «ветеранов» менее всего пугала Ульянова и его друзей, они принадлежали к числу тех, кому «лезть за словом в карман», не приходилось. Их представитель, Владимир Ульянов, не упускал случая скрестить полемические шпаги с любыми оппонентами, не взирая ни на какие авторитеты.

В двадцатых числах декабря 1889 года, в Самару приехал ново-народовец, как он сам себя называл, Михаил Сабунаев, группа которого была занята собиранием сил разгромленной царским правительством «Народной воли», для организации революционных действий. Для встречи с Михаилом Васильевичем, которому уже исполнилось 45 лет, собралось человек 12—15 молодежи. Сабунаев зачитал им проект программы «Союза русских социально-революционных групп», и пояснил, что «ново-народническую партию надо считать переходной или, вернее, партией, объединяющей народовольцев, народников, социал-демократов и прочие оппозиционные группы в единое целое для борьбы с царским правительством. А поскольку, их практическая программа действия среди фабрично-заводских рабочих нисколько не разнится от программы марксистов, социал-демократов, то они готовы сгруппироваться и под знаменем марксизма». Как предстояло бороться с царским правительством, на этом особо не останавливались.

Главным оппонентом Сабунаева выступил на этом собрании Владимир Ульянов. Он решительно отверг возможность объединения народников с марксистами на столь неопределенной платформе.

В 1891 году в России начался голод. И хотя он охватил лишь 17 губерний Поволжья и Черноземного центра с населением около 30 миллионов человек, голод стал проявлением глубокого общенационального кризиса, сравнимого по значению разве что с поражением в Крымской войне.

Сбор хлебов оказался в этом году наполовину ниже, чем в предшествующие, тоже весьма скудные, годы. А поскольку недород совпал с полным истощением крестьянского хозяйства, страдавшего от безземелья, кабальной аренды, непосильных налогов и выкупных платежей, кабатчиков и мироедов, голод стал следствием не столько погодных условий, сколько социально-экономических процессов, происходивших в российской деревне после 1861 года.

Дальше началась обычная российская история. Получив ссуду на закупку продовольствия для голодающего сельского населения, расторопные «земцы» передали закупки продовольствия спекулянтам-хлеботорговцам. В той же Самаре, они втридорога переплатили купцу Шихобалову, почти 1,5 млн рублей за 12 тысяч пудов порченой муки, оказавшейся непригодной для выпечки хлеба. С оставшимися миллионами, для закупки хлеба в южных губерниях, направили члена губернской управы Дементьева. После двухмесячного пребывания на юге, он зерно доставил, но опять-таки, как писал «Волжский вестник», с солидной, до 30%, примесью сорняков, песку и даже мелких камешков.

Нечто похожее происходило и в других губерниях. Так что ссудная помощь оказалась растроченной с большими потерями. Даже в апреле 1892 года, когда выдача ссуд приобрела наибольший размах, помощь получили лишь 11,8 млн человек, то есть около трети пострадавшего населения. От еще более худшего, Россию уберег транспорт муки, прибывший в губернию весной 1892 года из Америки, и финансовая помощь английских квакеров, которых привезли в Самару граф Гейден и князья Петр и Павел Долгоруковы.

Параллельно и в противовес «официальной» помощи, с лета 1891 года, стала организовываться общественность. Начало положил Лев Толстой, который, при всем своем неприятии благотворительности, стал создавать в Тульской губернии бесплатные столовые, для голодающих.

Поначалу правительство решительно выступило против помощи общественностью. Правительство поддержала и наиболее реакционная часть дворянства. Даже знаменитый лирический поэт Афанасий Фет и тот заявил, что крестьяне не нуждаются в благотворительности, ибо бедствуют единственно только по своей лености и склонности к пьянству. Но когда общественная помощь, несмотря на противодействие, приобрела достаточно широкий размах, Александр III, 17 ноября 1891 года, издал на имя своего сына и наследника Николая, рескрипт. В нем, он публично признал сам факт недорода хлебных произведений, и учредил «Особый комитет» для руководства всем делом общественной благотворительности, во главе с будущим государем Николаем II, который опирался в деятельности комитетов, прежде всего на губернаторов.

Позицию марксистов в начале, 1892 года сформулировал Георгий Плеханов, в статье «Всероссийское разорение» и в письмах «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Не осуждать надо ту молодежь, тех добровольцев, писал Плеханов, кто полагает, что можно «вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти люди бесстрашно исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них?» Нет! Социалисты должны идти дальше и направить свои усилия на борьбу с причинами народного бедствия. Если у правительства и буржуазии есть хлеб и деньги для благотворительности, создающей лишь иллюзию помощи, то у социалистов есть только слово. Они не могут накормить голодающих, но они должны разоблачать всю правительственную политику, всех чиновных казнокрадов и лихоимцев, паразитирующих на людском горе. Социалисты обязаны способствовать росту классового сознания трудящейся массы города и деревни, правильному пониманию причин нынешнего голода, чтобы народ мог вырвать свою судьбу из рук царских чиновников, завоевать политические права, и прежде всего всеобщее равное и прямое избирательное право. Только созданный таким образом Земский собор сформирует правительство, способное удовлетворить народные нужды, и даст русскому земледельцу возможность сеять хлеб, а не голод. Именно для этого социал-демократы станут добиваться «полной экспропри-

ации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность. Ну а если крестьяне захотят поделить ее между общинами, и в том не вижу я беды. Россия, заключает Плеханов, спасет себя революцией. Только лозунги, обещания и перспективы. Этим было озвучено программное требование Социалистического Интернационала, по национализации земли государством.

Несмотря на неисчислимые толпы нищих, плач и стенания на каждом шагу, на ежедневно описываемые в газетах ужасы в голодающих районах, либеральное общество продолжало то же обычное течение жизни, которое наблюдалось в Самаре до голодных дней. Балы, концерты, танцевальные вечера шли своим чередом, с той только разницей, что теперь иногда концертировали или танцевали в пользу голодающих. Своим чередом устраивались и «журфиксы», вечера приёма гостей, с танцами, чаем и колбасой.

Само крестьянство, к этому времени развития капитализма в России, уже социально расслоилось. Статистики выделяли три основные группы в крестьянстве. Первая, зажиточные крестьянские семьи, засевающие более 25 десятин на двор. Численно она составляет около 20 процентов жителей деревни. Вторая, средние хозяйства, обрабатывающие от 10 до 25 десятин пашни. Их доля среди общинников равна примерно 40 процентам. И третья группа, крестьяне бедные, то есть мало сеющие, до 10 десятин, или не сеющие вообще, которых среди жителей села также насчитывается около 40 процентов.

Примечание: десятина в метрической системе мер составляет 1,09 гектара.

Во многих местностях образовалось «новое крепостное право». Господами являлись уже не помещики, а управляющие их поместьями, местные кабатчики, кулаки и мироеды, грубые полуграмотные хищники, грабящие и спаивающие народ с беспощадной последовательностью, захватывавшие землю за долги.

Господам российским народовольцам, демократам, либералам и иже с ними марксистам, не когда было бороться за права трудовой массы населения, включая беднейшее крестьянство. Их больше влекли к себе масштабные проекты, казнь самодержца, свержение правительства, революция, всеобщее избирательное право, самых продвинутых, вооружённое восстание и массовый террор.

Глава 4

Завершение Самарского период. Переезд в С.-Петербург. Ссылка в Шушенское

Российская интеллигенция, дабы не попасть в разряд «неблагонадежных», всегда старалась сочетать самую бурную общественную деятельность с казенной службой. После получения университетского диплома эту проблему надо было решать и Владимиру Ульянову.

В свое время, получив «генеральский чин», действительного статского советника, Илья Николаевич сшил для надлежащих визитов фрак. Подобных визитов оказалось немного, и после его смерти этот, почти новенький фрак, висел в шкафу. Теперь его извлекли оттуда, примерили, хотя отец был фигурой помельче сына Володи, фрак Владимиру Ульянову пришлось впору. Теперь, направляясь в Окружной суд для выступлений, в качестве помощника присяжного поверенного, он каждый раз облачался в сию одежду отца. Но это была частная практика, казённой службы Владимир Ульянов так и не получил, был в списке лиц, запрещённых к приёму на государственную службу.

3 часа 30 минут пополудни 5 марта 1892 года, Владимир Ульянов впервые занимает место за адвокатским столиком.

В 1892 году Владимир Ульянов организует первый в Самаре кружок по изучению Марксизма. В него вошли 6 человек, включая самого учителя, Скляренко, Семёнов, Кузнецов, Лебедева, Беляков. Изучали произведения Маркса, «Капитал», Энгельса, «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», работы Плеханова и других марксистов, что можно было достать в Самаре. Кроме изучения работ Маркса, Энгельса и Плеханова, все члены кружка стали заниматься пропагандой марксизма.

В апреле 1893 года Владимиру Ульянову исполнилось уже 23 года. В это время, весной, свои анализы по статистике крестьянского хозяйства и выводы, Владимир Ульянов изложил в статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была первая из сохранившихся работ Владимира Ульянова по марксизму. В этой статье он проанализировал материал работы Постникова, «Южное-русское крестьянское хозяйство». Ульянов критикует автора за непоследовательность и методологические ошибки, даёт марксистскую характеристику положения русской деревни, разбивает народнический миф, об особом, неизменном укладе крестьянского хозяйства. Пытаясь опубликовать статью в журнале «Русская Мысль», Владимир Ульянов получил отказ. В декабре 1892 года за аналогичную статью Павла Скворцова, закрыли достаточно умеренный журнал «Юридический вестник», и редакторы журналов были начеку. Вукол Лавров, редактор журнала «Русская мысль», писал Чехову: «Теперь, когда цензура насторожилась и смотрит на нас взором аспиды и василиска, я опасаясь, как бы не вышла какая-нибудь пакость». Поэтому, видимо, когда Владимир Ульянов послал в «Русскую мысль» свою статью о книге Постникова, он получил вежливый отказ. Эта статья Владимира Ульянова, была опубликована впервые в 1923 году, в Советской России.

И мысль о том, что время неумолимо идет вперед и используется оно отнюдь не лучшим образом, видимо, не раз приходила в голову Владимиру Ульянову. Хардин, внимательно следивший за работой своего помощника, считал, что со временем из Ульянова выйдет отличный «цивилист», адвокат, специализирующийся на гражданском праве. А пока, пусть занимается мелкими уголовными делами, которые дадут ему и судебный опыт, и интереснейшие жизненные наблюдения. Дела мелкие кражи, семейные конфликты. Ульянов добивался наказания по минимуму. Чтобы стать полноценным адвокатом, присяжным поверенным, надо было отработать в должности помощника, не менее 5 лет.

Впрочем, все образовалось как бы, само собой. В июне 1893 года, младший брат Дмитрий успешно сдал гимназические экзамены, и решено было, что поступать Дмитрий будет в Московский университет. А стало быть, и семье надо перебираться на жительство в Москву. Исключение из этого составил лишь Владимир.

Он не захотел основаться в Москве, куда направилась вся его семья, вместе с поступающим в Московский университет младшим братом Дмитрием. Москву, жители С.-Петербурга называли большой деревней, в ней было много провинциального, а Владимиру Ульянову был нужен промышленный центр. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном С.-Петербурге. Чтобы взяться вплотную за революционную работу, необходимо было поселиться самостоятельно, не в семье, членов которой он скомпрометировал бы.

24 апреля и 12 мая Владимир последний раз выступил в суде и уехал в Алакаевку. 23 июля был составлен договор о продаже за 8 тысяч рублей хутора и мельницы их соседу, помещику Данненбергу. Но эта сделка сорвалась, и Алакаевку перекупил местный купец Данилин. 12 августа Ульянов вернулся в Самару и через четыре дня подал прошение председателю Самарского окружного суда, в котором он просил выдать ему справку о том, что он состоял в аналогичной должности в Самаре, намереваясь причислиться в помощники присяжного поверенного в округе С.-Петербургской судебной палаты.

Возвращаясь в С.-Петербург, Владимир Ульянов сделал остановку в Нижнем. Здесь, в мансарде дешевой гостиницы, которую называли «У Никанорыча», в августе 1893 года и произошла первая его встреча с Павлом Скворцовым. В Казани, в 1887—1889 годах, они так и не встретились. В 1889 году Павел Скворцов перебрался в Нижний Новгород, опять работал в земстве статистиком, по-прежнему писал в «Волжский вестник» и столичные журналы. Вокруг него и здесь сложился марксистский кружок, через который прошли Ванеев, Сильвин, Мицкевич, Леонид и Герман Красины, Владимирский, Гольденберг-Мешковский, многие из тех, с кем позднее придется сотрудничать Владимиру Ульянову.

В этой маленькой мансарде, насквозь прокуренной, вспоминал Михаил Григорьев, участвовавшего в данной встрече, у них с Владимиром Ульяновым, разговоры шли в течение шести часов.

Михаил Григорьев, один из первых руководителей марксистских кружков в Нижнем Новгороде.

В первых своих работах, написанных еще в Самаре, Ульянов формулирует идею экспроприации помещичьего землевладения и национализации земли, которые создали бы демократическую почву для расцвета «фермерских отношений» и подъема благосостояния всего населения.

Когда Ульянов высказал эти свои идеи Скворцову, Павел Николаевич взорвался и назвал его «ревизионистом», ибо он твердо знал, в последней главе первого тома «Капитала» говорится нечто прямо противоположное тому, что утверждал этот лобастый юноша.

Много лет спустя, в 1929 году, Павел Николаевич Скворцов, в беседе с историком Бешкиным сказал, что спор шел у него с Владимиром Ульяновым главным образом о «развитии русского капитализма». Ссылаясь на Энгельса, Скворцов утверждал, что разложение общины и «освобождение» крестьян от земли является единственным реально существующим вариантом дальнейшего развития. Этот путь прошли европейские цивилизованные страны, и иного, как бы это ни было прискорбно, не дано. Плеханов так же был достаточно близок к этой позиции. «Социал-демократы», писал он в 1892 году, «не должны думать, что им легко будет предупредить предсказываемую Энгельсом экспроприацию крестьянства от земли. Всего вернее, что это им не удастся. Но ответственность падет за это не на них, а последствия этого послужат опять-таки им на пользу». Важно отметить, что если Плеханов считал все-таки возможным для социал-демократов стремление «предупредить экспроприацию крестьянства», то Павел Скворцов любую попытку препятствовать данному процессу, оценивал, как реакционную.

От своего учителя, профессора Зибера, Павел Николаевич унаследовал и некоторую однобокость восприятия марксистской теории. Народник Березин писал, что Скворцов в разговоре с ним заявил, что его интересует больше теоретическое решение вопроса, а не практика революционного движения, и производил впечатление «человека не от мира сего».

Обвинение в «ревизионизме» привело Ульянова к еще одному весьма существенному выводу, который он также сформулировал в своих работах, теория Маркса, дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России.

Владимир старался расширить круг общения. Он переписывался с Федосеевым и, в частности, передал ему во Владимирскую тюрьму свою рукопись, с подробным разбором книги Николая Францевича Даниельсона, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в начале 1893 года. Даниельсон русский экономист, публицист-народник, издатель, переводчик «Капитала» Карла Маркса на русский язык и автор первого завершённого перевода трёх томов «Капитала», один из идеологов и теоретиков либерального народничества.

Петру Маслову, одному из руководителей выступления студентов Казанского университета в 1887 году, Владимир послал в Уйский поселок, в Оренбургском крае, свою рукопись, с обстоятельным анализом работ Воронцова, «О развитии капитализма в России». Но более всего он стремился получить выход на страницы прессы.

После Нижнего Новгорода, Владимир Ульянов сделал остановку в городе Владимире, для свидания с Федосеевым.

Встречу со связным Владимир Ульянов ожидал у стойки буфета железнодорожного вокзала. Пришёл за ним на вокзал, член Федосеевского кружка Николай Львович Сергиевский. Николай Сергиевский, встречавший Ульянова на вокзале, вспоминал, «в назначенный час я пришел на вокзал и, окинув взором почти пустой буфет тут же заметил около условленного столика маленького человека со всеми приметам Владимира Ульянова. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В. И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной. Первое время мы шли почти молча. Я с любопытством наблюдал его. Маленький, щупленький, скромный, аккуратен и, что называется, прилично, но без претензий одетый человек, ничем не обращающий на себя внимание среди обывателей. Этот защитный цвет мне понравился. Все та же, что и теперь, рыжеватая бородка клинышком, усы по тому времени не стриженные, татарский разрез глаз и примечательный череп, тогда еще покрытый, хотя и крайне небогатой растительностью. Того лукавого выражения лица, которое потом уже, после ссылки, обратило на себя мое внимание, тогда я не заметил. Вероятно, в тот период оно еще отсутствовало. Осторожный, пылливо озирающийся, наблюдательный, сдержанный, при всей своей, мне уже известной по письмам, темпераментности, В. И. представлял собой полнейшую противоположность Н. Е. Федосееву. Ого, думал я, если пламенный, отчаянный Н. Е. сложит свою буйную голову, то этот сложит голову общего врага».

Сергиевский отвёл Ульянова на Ново-Конную площадь, ныне улица 10 Октября. Здесь в одноэтажном деревянном домике с мезонином, где Мария Гопфенгауз сняла квартиру для Федосеева, Владимир Ульянов ждал его несколько часов. Вернувшаяся Мария Германовна, безуспешно хлопотавшая о выходе из тюрьмы Федосеева, хотя бы на несколько часов, сообщила, что жандармы освобождения Федосееву не дали. Откладывать отъезд до следующего дня Ленину было нельзя и, прекрасно запомнив дорогу, благо идти было рядом, Владимир Ульянов один ушел на вокзал и уехал в Москву.

В Москву из Самары, с 1891 года переехала и поселилась семья Ульяновых в связи с поступлением в Московский Университет Дмитрия Ульянова. Будучи в Москве, Владимир

Ульянов работал в читальном зале библиотеки Румянцевского музея и встречался с местными марксистами, Винокуровым, Мицкевичем, Рязановым, Лядовым, Прокофьевым.

Но С.-Петербург был лабораторией революционных идей, центром жизни, движения, деятельности, и Владимир Ульянов, желавший посвятить себя революции, стремился в С.-Петербург.

Основания для самых радужных надежд у Владимира были. Еще в 1891 году, когда он весной и осенью приезжал в столицу для сдачи экзаменов в университете, по рекомендации Аполлона Шухта, Ульянов познакомился с преподавателем аналитической химии Технологического института Людвигом Юльевичем Явейном, и заведующим химической лабораторией Александровского чугунолитейного завода при Николаевской железной дороге Альбертом Эдуардовичем Тилло.

Оба они, еще с начала 80-х годов, лично знали Фридриха Энгельса, Вильгельма Либкнехта. И это уже само по себе, должно было произвести огромное впечатление на молодого марксиста. Мало того, еще в Казани Владимир мечтал прочесть книгу Энгельса «Анти-Дюринг», в которой, как ему говорили, «поставлены все принципиальные вопросы марксистского мировоззрения». Но ни в Казани, ни в Самаре книги не было. А здесь, в С.-Петербурге, ее просто взяли с полки домашней библиотеки и вместе с новейшими номерами немецких социал-демократических журналов дали для прочтения и конспектирования

Именно в это время С.-Петербург все более выдвигался как центр нарождавшегося массового пролетарского движения, которое, по убеждению марксистов, должно было освободить Россию от царизма. Именно тогда, в начале 1891 года, во время забастовки судостроителей завода «Новое адмиралтейство», социал-демократическая группа Бруснева, имевшая достаточно широкие связи со столичными рабочими, установила контакт и со стачечниками. Владимир был в это время в Самаре. Но 12 апреля 1891 года, когда умер писатель-шестидесятник Николай Васильевич Шелгунов, Владимир Ульянов находился в С.-Петербурге.

Статьи Шелгунова по рабочему вопросу имели большой резонанс, и его похороны превратились в политическую демонстрацию. На демонстрации преобладали студенты, курсистки, пришли гимназисты и реалисты. Присутствовал сам Михайловский и другие знаменитости. Но самым неожиданным стало появление нескольких десятков рабочих. И среди множества венков был и их металлический венок с темно-зелеными дубовыми листьями и лентой с надписью, «Указателю пути к свободе и братству».

31 августа 1893 года Владимир Ульянов приезжает в С.-Петербург. Через два дня, он был зачислен помощником присяжного поверенного, по ходатайству присяжного поверенного Волькенштейна, с 3 сентября 1893 года. Судебными делами Ульянов практически не занимался, всё своё время и все свои силы он посвящал революционной работе. Вскоре он вступил в марксистский кружок, состоящий из студентов Технологического института, Радченко, Кржижановского, Старкова, Леонида Красина, Ванеева, Запорожца и других.

в Петербурге Владимир Ульянов не порывал и с адвокатской практикой, готовил защитительные досье для Волькенштейна, своего патрона, человека яркого, свежего таланта, нередко выступавшего по делам политического обвинения, принимал его клиентов, устраивал консультации по вопросам права для рабочих, бывал на шумных многоречивых собраниях молодых петербургских адвокатов, что регулярно проходили в канцелярии съезда мировых судей, выступал в судах с защитами.

Итак, Владимир Ульянов, почти четыре года за адвокатским столиком.

В ночь на 9 декабря 1895 года, помощник присяжного поверенного округа Санкт-Петербургской судебной палаты Владимир Ульянов, был арестован, по делу за активное участие в антигосударственной организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

За эти 14 месяцев, что он находился в тюрьме, шло расследование, осужден он ещё не был, находился в статусе задержанного, поэтому тюремного режима ему не досталось.

В камеру ему приносили хлеб, молоко, минеральную щелочную воду, как больному с хроническим гастритом, о справках и облегчении режима позаботилась мама Мария.

Мать, Мария Александровна, родилась и воспитывалась в протестантской среде немцев, где культивировались немецкие традиции. С детства в семье у Ульяновых, строгий распорядок дня, в том числе и питания. Завтрак в будни, в 8 часов утра. В праздники, в 12. Обед в будни, в 14 часов, в праздники, в 16. Ужин ежедневно в 20 – 21 час.

Еда русско-немецкая. Супы молочные, растительные, крупяные, но редко, русские кислые щи, считавшиеся «тяжелыми» и «грубыми». Редко, сравнительно с волжскими возможностями, и русская уха, иногда летом. Вообще супы не доминировали, интеллигентность не допускала следовать столь «вульгарному» блюду. Это относилось и к хлебу. Черный хлеб употреблялся лишь в будни, к обеду. К чаю, ужину полагался белый. В воскресные дни и праздники на столе появлялся ситный. А ведь именно в ситном и в черном хлебе содержатся редкие витамины группы «В» и «Е», необходимые для активной жизнедеятельности. Их Владимир Ульянов практически не получал, поэтому и вырос он щуплым и низкорослым.

Мощными, огромными и несокрушимыми, его стали изображать статуи, которые делались советскими скульпторами согласно принципам социалистического реализма и партийности в искусстве.

Мясных блюд готовили мало. Да и то говядину, которую лишь отваривали, а не жарили, отваривать было легко, и отварная пища считалась «легкой», «полезной», а жарить, надо было много времени и уметь. О ботвинье, окрошке, солянках, рассольниках и кальях, тип рассольника из мяса или рыбы на огуречном рассоле, распространенных в Центральной России, в семье даже и не слышали. Среди горячих блюд доминировала яичница, а из немецких, «армериттер», моченный в молоке белый хлеб, поджаренный слегка на сковородке на сливочном масле и залитый яйцом. Крутые яйца и яйца всмятку по воскресеньям были обычным блюдом за завтраком и ужином. Другим дежурным блюдом были бутерброды, совсем уже немецкое в то время «кулинарное изделие». Бутерброды делались либо просто с маслом, либо с хорошей копченой рыбой, с осетриной, с балыком, с севрюгой. Именно копченая и соленая красная рыба была единственным сравнительно ценным пищевым компонентом, который получал в детстве Владимир Ульянов. Она имела огромное значение как источник фосфора.

Стоило Владимиру на два-три года лишиться даже такого несовершенного домашнего стола, когда он был студентом Казанского университета, как он приобрел «болезнь желудка», в связи с чем ему было рекомендовано пить щелочные минеральные воды. Мама впоследствии предъявляла эти справки-рекомендации по судебным инстанциям, для облегчения приговоров и решений судов.

В феврале 1897 года власти вынесли окончательное решение по его делу. Владимир Ульянов приговаривался к ссылке сроком на три года, с отбыванием ее под надзором полиции в восточной части Сибири. Однако сообщать ему об этом решении не спешили, и он провел в тюрьме еще две недели. Наконец он был вызван к прокурору, где и узнал, какое ему назначено наказание. Он только был рад приговору. Его могли приговорить к каторжным работам или к длительному тюремному заключению. Через несколько дней он узнал, что его матери удалось выхлопотать для него другое место ссылки. Теперь он должен был проследовать на поселение в южную часть Сибири, а не в восточную, где были сильные холода. Мать добилась, через родных и знакомства в С.-Петербурге, чтобы Владимиру Ульянову разрешили ехать в ссылку на свои деньги, а не в арестантском вагоне с другими осужденными, и под конвоем охраны.

На сборы, в путешествие поездом в глубь России, ему было дано три дня. Выйдя из тюрьмы, он сразу же сел в поезд и поехал в Москву, к своей семье. В Москве он побыл с родными, посетил знаменитую Румянцевскую библиотеку, где подобрал себе для работы необходимые материалы, и даже успел побывать на нелегальном собрании. У него осталось неприятное впечатление от посещения нелегального собрания. Он обнаружил, что за те полтора года, что он провел в тюрьме под следствием, марксизм претерпел изменения. Марксизм был заменен теориями некоего Бернштейна, который считал, что рабочее движение добьется значительно большего успеха, если будет бороться за экономические права рабочих с помощью профсоюзов, а не путем революции.

До Тулы Владимира сопровождала мать с двумя сестрами. Никакого конвоя не было, и его принимали за обыкновенного пассажира. Он вез с собой около сотни книг, чемодан, набитый одеждой, и тысячу рублей денег наличными. Согласно инструкциям, он должен был доехать до Красноярска, и по прибытии туда ждать дальнейших указаний. В Красноярске он был предоставлен самому себе. Поселился в доме у Клавдии Поповой, которая помогала революционерам, сосланным в Красноярский край. Два месяца он жил у нее в доме. В это время он посещал библиотеку, которая принадлежала купцу Юдину. В ней насчитывалось восемьдесят тысяч томов разных изданий, помимо книг, там хранились подшивки газет и журналов, начиная с XVIII века. Подолгу гулял, совершая прогулки на большие расстояния. Иногда заходил в городскую читальню, чтобы просмотреть московские газеты, которые приходили в Красноярск с опозданием на одиннадцать дней. Так прошла зима, в ожидании прибытия конвоя из Москвы.

Пришла весна, 16 апреля, на красноярский вокзал прибыл поезд с остальными осужденными по его делу. Это были те, кто не мог заплатить за собственный проезд по железной дороге. Ульянов встретил этап и даже ухитрился обстоятельно побеседовать с Николаем Федосеевым, которого отрядили выполнять роль носильщика, это была их первая и последняя встреча. После этого арестанты проследовали в места своей ссылки. Что касается Владимира Ульянова, то 17 апреля, прожив ещё целый месяц в Красноярске, он узнал, что его отправят в Минусинск, а пароходы по Енисею еще не ходили. Оба города, Красноярск и Минусинск, стояли на Енисее, и он полагал, что его скорее всего отправят в Минусинск по реке. Прошла еще неделя, и он уже точно узнал, где ему предстояло провести годы ссылки. Примерно в пятидесяти километрах южнее Минусинска находилось село Шушенское, туда-то и должны были его доставить. Места к югу от Минусинска славились как «Сибирская Италия». Ни один из ссыльных революционеров, арестованных одновременно с ним, не был туда направлен. Мартова и Ванеева послали в Туруханск, на север, Старков, Кржижановский и Лепешинский обосновались в Минусинске. Дело в том, что во всех бумагах и ходатайствах, направляемых в высшие инстанции его матерью, говорилось, что ее «несчастный» сын страдает от туберкулеза и ему предписан умеренный климат, поэтому Шушенское, единственное подходящее для него место.

Село стояло не на самом Енисее, а на берегу одного из его притоков. Километрах в двух начиналась тайга, а на горизонте возвышались Саянские горы. Это были благодатные места для охоты. По берегам реки и в сосняке было полно дичи, а в тайге водились медведи, олени, дикие козы, белки, соболь. Отдаленность от города дарила еще одно преимущество, все было страшно дешево. Там можно было прожить на восемь-девять рублей в месяц, что соответствовало сумме денежного содержания, установленного для него приговором.

Больше всего его радовало то обстоятельство, что, живя в Шушенском, он будет один, никто не будет мешать ему работать с литературой.

12 мая 1897 года его затянувшееся в Красноярске ожидание закончилось. В комнаты, которые он занимал, явились два жандарма и приказали ему проследовать за ними, на пароход. Судно было тихоходное, оно часто и надолго причаливало к берегу, поэтому он почти на целую неделю опоздал с прибытием в Минусинск, а затем в сопровождении жандармов трясся в карете до Шушенского, где был сдан местному приставу.

Глава 5

Жизнь в ссылке, в Шушенском

В поезде на Красноярск, в купе, к Владимиру Ульянову в Самаре, был посажен новый пассажир, так он и познакомился с Владимиром Михайловичем Крутовским. Владимир Крутовский принадлежал к семье сибирского золотопромышленника. За время обучения в медико-хирургической академии в С.-Петербурге, Крутовский сблизился с видными деятелями народнического движения Анненским, Якубовичем, Иванчиным-Писаревым, входил в ближайшее окружение редакции журнала «Русское богатство». Вместе с женой Лидией Симоновной, урожденной Гоштовт, выпускницей Высших женских Бестужевских курсов, он являлся почитателем теоретика либерального народничества Михайловского. Крутовский возвращался домой в Красноярск из Самары. В Красноярске он работал в комиссии по медицинскому освидетельствованию политических ссыльных. Он научил Владимира Ульянова подать губернатору прошение, «об освидетельствовании состояния здоровья». Сам же он взял на себя хлопоты провести это дело в нужном направлении. Медицинская комиссия, «нашла» туберкулезный процесс в легких Владимира Ульянова и сочла необходимым назначить местом ссылки южную часть губернии, то есть Минусинский уезд.

Примечание: Владимир Михайлович Крутовский, умер в тюремном застенке в СССР, в 1938 году, в возрасте 82 лет, не изменив своим народническим взглядам, приобретёнными им в молодости, в С.-Петербурге.

Вскоре Ульянов, в одном из своих писем, сообщает матери, «назначением своим я очень доволен, ибо Минусинск и его округ лучшие в этой местности и по превосходному климату, и по дешевизне жизни. Я назначен в село Шушенское. В селе есть волостное правление, почта ходит правильно, два раза в неделю».

От С.-Петербурга, до Шушенского почта «шла» 11 суток. За постой ссыльный должен был платить хозяину 4 рубля, корова в Сибири тогда стоила 2 рубля. Ссылному, казна платила содержание от 8 до 9 рублей в месяц.

Квартиранту выделили комнату в 14 квадратных метров, в которой поставили стол, несколько стульев, деревянную кровать, а потом навесили полки для книг, книг было привезено более 100 единиц.

За ссыльным сразу же был установлен гласный полицейский надзор, и урядник дважды в день, утром и вечером, приходил проверять его. Без разрешения этого надзирателя, Владимир Ульянов не имел права покидать село. Надзор осуществлял бывший фельдфебель Заусайлов, в обязанности которого входило также проверять корреспонденцию ссыльного. Фельдфебель Заусайлов поручил надзор за ссыльным хозяину квартиры, с которым Владимир Ульянов подружился. Хозяин его квартиры держал местный кабак и со временем перестал придерживаться строгостей к постояльцу. Стал отпускать постояльца на охоту с местным жителем, Сосипатычем, как прозвали его местные, а правильно, Иваном Осиповичем Ермолаевым. В округе была «богатая» охота, много дичи, дикие козы, а в горах и в тайге, белки, соболи, медведи, олени. Ходил Владимир Ильич с местным жителем Мартьяновым и в Саяны, поднимались они на вершину горы малый Борус, высотой 2200 метров. А это не один и не два дня пути, в тяжёлых условиях снежного высокогорья.

Владимир Ульянов под любыми предлогами старался побывать в Минусинске, когда туда съезжались социалисты, отбывавшие ссылку во многих селах Сибири. На каждую поездку требовалось разрешение минусинского исправника, а он не всегда его давал, и Владимир, нарушая правила, но предупредив хозяина, уезжал в город. За одну такую отлучку, без разрешения

начальства, ему было сделано строгое внушение, и даже сообщили об этом губернатору Енисейского края.

Крупская, в своих письмах описывала холостяцкую жизнь Владимира Ульянова, «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое „жалованье“, восьмирублевое пособие, имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья. Правда, обед и ужин был простоват. Одну неделю для Владимира Ильича за бивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест, как съест барана, покупали дополнительно на неделю мяса. В общем, ссылка проходила неплохо».

К мясу и котлетам добавлялся картофель, огурцы, кислая капуста, свекла, а в качестве десерта сибирские ватрушки. Четыре месяца спустя, после начала ссылки, в письме к матери, Владимир Ульянов уже хвастался, здесь все нашли, что я растолстел за лето, загорел и выгляжу совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь. Сразу все самарские, питерские болезни, следствие несбалансированного питания и юношеский гастрит, были им забыты.

Вместе с Владимиром Ульяновым в Шушенском отбывали ссылку социал-демократ из Польши Проминский, и рабочий Путиловского завода, финн Энгберг. Ульянов близко сошелся с ними. Энгберга он знакомил с основами марксизма. У Проминского было пятеро детей. Приходя к ним, Ленин стремился их порадовать по мере своих возможностей. В письмах домой он просил послать ему книжки для детей с картинками. Владимир Ульянов вёл в Шушенском жизнь, насыщенную разнообразным общением, физической нагрузкой, совершал выходы на охоту и походы в Саяны.

Одновременно с Ульяновым, к ссылке была приговорена и Надежда Крупская. Ее сослали в Уфимскую губернию. Надежда Константиновна и Владимир Ильич начали ходатайствовать о том, чтобы ей, как будущей супруге, позволили отбывать наказание в Шушенском. Власти пошли молодым навстречу, и разрешение было предоставлено. Владимир Ульянов с нетерпением считал дни до приезда Надежды Константиновны. Будучи еще в Петербурге под следствием, Владимир Ульянов признался ей в своих «чувствах». А в одном из писем, отправленных из Шушенского, он сделал Надежде предложение, стать его женой. На что Надежда Константиновна, которая тоже любила Ленина, в шутку ответила, ну что ж, женой, так женой, не ведала во что попадет, а кто ведаёт?

Надежда Константиновна приехала в Шушенское, чтобы стать супругой Владимира Ульянова, 7-ого мая 1898 года, в этот день Владимир был на охоте. Комната Владимира Ильича была не велика. Надежда приехала в Шушенское с мамой, Елизаветой Васильевной. Вернувшись с охоты под вечер, Владимир удивился, в его комнате горел свет. Состоялась радостная, долгожданная встреча, особенным сюрпризом для Ульянова стало прибытие с Надеждой её мамы, его будущей тётцей. Мама, Елизавета Васильевна, настояла на венчании Надежды и Владимира. Хозяева, у которых проживал Ульянов, уступили молодым остальную часть избы. Единственным человеком, который безбоязненно и с удовольствием регулярно критиковал Владимира Ульянова, была его тётца, Елизавета Васильевна. «Эк, вас разнесло-то, батенька», сообщила ему, его будущая тётца, при первой встрече. Поскольку Владимир был невысоким и довольно шуплым, его полнота особенно бросалась в глаза.

Ссылка в Шушенское, для Владимира Ульянова стала, после прибытия Надежды и её мамы, настоящим гастрономическим раем. Жил он на полном пансионе, который включал в себя настоящее сибирское пятиразовое питание. В рацион входили щи, грибной суп, отварная рыба, телятина, пироги, пельмени, шаньги. Его обязанностью было только, сесть за стол, и всё это поглощать.

На столе у Владимира и прибывших к нему, его жены и тётчи, не переводились свежая рыба, лучших лососевых сортов, молодое мясо, лесная дичь, ягоды, грибы, мед, домашние соленья, овощи, свежесдобленный хлеб и конечно, любимые им куриные яйца. Как показало

дальнейшее, яйца и всё, что содержало холестерин, пора было бы ограничить в рационе, но привычки питания, заложенные с детства, в семье, требовали своего удовлетворения.

Владимиру Ульянову приходили и продуктовые посылки от мамы Марии. Мать отправляла ему в ссылку пряники, халву, варенье, мармелад, урюк.

После приезда невесты и её мамы, Владимир Ульянов перебрался в более просторное жильё, состоящее из нескольких комнат, которые они сняли у вдовы Петровой. Надежда Крупская прибыла в Шушенское при условии, либо официально выйти замуж за ссыльного, либо вернуться на прежнее место ссылки, в Уфу. В царской России признавались «законными» только церковные браки, на этом настаивала и мама Надежды. Владимир Ульянов, ярый атеист с молодости, не носивший нательного креста, был вынужден согласиться на венчание. Владимир Ульянов и Надежда Крупская венчались в Петропавловском храме села Шушенское, о чём была сделана соответствующую запись в церковной метрической книге. До процедуры венчания, жениху и невесте, надо было пройти подготовку к исповеди, исповедоваться и получить «Исповедальное свидетельство». Кроме того, брачующиеся, должны были представить своих родителей, если их не было, брали «посажённых родителей» на время венчания и свадьбы. А процедура венчания многочасовая, с церковным облачением супруга и супруги, произнесением супружеской клятвы, вслед за чтением её попом и многочисленными прославлениями Господа Бога. Кольца им сделал из медных пятак местный кузнец. Владимир Ульянов все эти условия для вступления в брак выполнил, своё «безбожие» он преодолел, любовь, теща и закон, великая сила.

В избе, по новому месту жительства, состоялась свадьба, на которую собрались товарищи по партии, местные крестьяне. Все хотели увидеть новобрачных и отметить бракосочетание, выпить за благополучие молодой пары. Девушки восхищались роскошной длинной косой Надежды Константиновны, которую по старинному русскому обряду, в день замужества, полагалось расплести и больше не заплетать, удивлялись ее тоненькой хрупкой фигурке и красоте. Жених рядом с ней выглядел невзрачным.

После венчания и свадьбы, молодые завели свое небольшое хозяйство, огородик во дворе, около дома посадили цветы, хмель.

Надежда Константиновна привезла Владимиру Ульянову и новость, о прошедшем в Минске, 13—15 марта, I объединительном съезде РСДРП, на котором было провозглашено образование новой партии, Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это известие очень порадовало Владимира Ульянова. То, к чему он упорно стремился, стать членом партии, которая сделает революцию, свершилось. Правда на съезде в Минске, его имя ни в каких документах не упоминалось. Партия точно была социалистическая, входила в состав членов Социалистического Интернационала, но с рабочими в этой партии, в России, был недобор. В России это была партия разночинной интеллигенции, которая обещала рабочим всяческое благоустройство их будущей жизни, но главное обещание, освободить их, рабочих, от капиталистической эксплуатации, ликвидировать наёмный труд, захватить политическую власть в руки рабочих.

Примечание: Социалистический интернационал, Социнтерн, международная неправительственная социал-демократическая организация, со штаб-квартирой в Лондоне. Была создана на базе I Интернационала, 1864 года.

Подготовка к объединительному съезду социалистов России, началась в конце 1896 года, Виленская группа начала переговоры о съезде с петербургской и киевской организациями, после чего были отправлены два делегата в Швейцарию для переговоров с заграничным Союзом русских социал-демократов, и летом 1897 года, в Цюрихе, был выработан проект объединения в одну партию.

Идея созыва съезда была подхвачена киевскими социал-демократами. Киевская группа «Рабочее дело», начав переговоры с петербургской, Виленской и Иваново-вознесенской орга-

низациями, пыталась собрать съезд в Киеве, в 1897 году, но так как в назначенное время прибыли лишь представители от С.-Петербурга и Москвы, решено было считать съезд несостоявшимся и собраться лишь на частное заседание. Было решено развернуть подготовку съезда и наладить издание общерусской социал-демократической «Рабочей газеты», №1, которой вышел в Киеве в августе, №2, в декабре 1897 года. Газета освещала рабочее движение в России, призывала местные социал-демократические кружки и группы сплотиться в единую пролетарскую партию.

Киевское совещание обсудило вопрос о созыве съезда и поручило заняться его организацией киевской группе, которая предложила участвовать в съезде Петербургскому союзу (фракции «стариков»), Киевскому и Московскому союзам, Екатеринославской группе, Литовской социал-демократической партии, Бунду.

Примечание: Бунд или «Союз», еврейская социалистическая партия, действовавшая в России и Восточной Европе с 90-х годов XIX века, до 40-х годов XX века. Бунд, считал себя единственным представителем интересов многочисленного, на российских землях, еврейского рабочего класса.

Однако, из-за возникших разногласий на съезд не были допущены социал-демократы, издававшие газету «Рабочая-мысль» в Петербурге, представители Иваново-вознесенской, Одесской и Николаевской социал-демократических групп, как не вполне устойчивые и недостаточно конспиративные. Не были посланы приглашения организации «Рабочее знамя» в Белостоке, и Польской социалистической партии, ввиду поставленных ею неприемлемых условий. Не пригласили и «Союз русских социал-демократов за границей», опасаясь, что его делегаты также не смогут соблюсти требования конспирации. Харьковская социал-демократическая группа отказалась участвовать в работе съезда, заявив о несвоевременности создания партии. Послать делегата на съезд планировала Литовская социал-демократическая партия, но затем отказалась.

Съезд был проведён в Минске, там находился Центральный Комитет партии Бунд. Все организационные хлопоты взяли на себя члены Бунда Евгения Гурвич и Павел Берман. Председателем съезда был назначен Эйдельман, а секретарями, Вигдорчик и Тучапский.

Делегатами съезда были 9 делегатов, представлявших наиболее крупные социал-демократические организации России, Петербургский, Московский, Екатеринославский и Киевский «Союзы борьбы», лидер Георгий Плеханов, а также группу «Рабочей газеты» и Бунда. От «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в съезде участвовали 4 человека, Степан Радченко, Петербургский союз, Александр Ванновский, Московский союз, Павел Тучапский, Киевский союз и Казимир Петрусевич, Екатеринославский союз, от Бунда, Шмуэль Кац, Арон Кремер и Абрам Мутник, а также 2 человека от Киевской «Рабочей газеты», Борис Эйдельман и Натан Вигдорчик. Всего состоялось 6 заседаний. В целях конспирации протоколов не велось, записывались только резолюции. Основным был вопрос об образовании партии. Съезд провозгласил создание марксистской рабочей партии и принял решение назвать её Российской социал-демократической рабочей партией, РСДРП, то есть партией наднациональной, партией пролетариата всех национальностей России. В единогласно принятом решении указывалось, что все «Союзы борьбы», группа «Рабочей газеты» и Бунда «...сливаются в единую организацию под названием „Российской социал-демократической рабочей партии“». Съезд избрал ЦК РСДРП в составе 3-х человек, Степана Радченко, от Петербургского «Союза борьбы», Бориса Эйдельмана, от группы «Рабочей газеты» и Арона Кремера, от Бунда. Официальным органом партии была объявлена «Рабочая газета», издававшаяся в Киеве. «Союз русских социал-демократов за границей» признавался частью партии и её представителем за рубежом. Съезд поручил членам ЦК составить «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» с изложением ближайших политических задач партии. В «Манифесте», написанном Петром Бернгардовичем Струве, в частности говорилось, чем дальше на восток Европы, тем,

в политическом отношении, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата. Представители пролетариата в РСДРП были все разночинцы-интеллигенты, мелкопоместные дворяне, служилые чиновники, все были пролетариями «умственного» труда.

«Манифест» и решения съезда, напечатанные отдельным листком, в апреле 1898 года, в Бобруйской подпольной типографии Бунда, были восприняты революционными социал-демократами России как документы исторической важности и получили одобрение Ленина, который в это время находился в Шушенском, в ссылке. После съезда социал-демократические организации и союзы приняли название, комитеты РСДРП.

Однако I съезду РСДРП не удалось преодолеть идейной, организационной и национальной разобщенности социал-демократического движения. Он не смог выработать ни Программы партии, ни Устава. Партия, как единая централизованная организация, на съезде не родилась. Положение усугублялось тем, что сразу же после съезда, многие партийные организации были разгромлены, 8 из 9 делегатов съезда, в том числе члены ЦК, арестованы, типография и готовый к печати №3 «Рабочей газеты», захвачены полицией. Весь процесс создания РСДРП проходил под полицейским надзором.

Для охоты, кроме берданки, у Владимира Ульянова, имелся револьвер у ссыльного, Путиловского рабочего, финна Оскара Энгберга. Ульянов уговорил Энгберга приходить ночевать к себе, и он обучал Владимира Ульянова стрелять из револьвера.

Позже, от брата Дмитрия, Владимир с нарочным получил для себя новое ружье, централку Франкотти. Опробовали централку прямо во дворе, стреляли в мишень, закреплённую на заборе. Бой ружья испытателям понравился, заряд ложился кучно.

Крупская привезла Владимиру коньки из Петербурга, германской марки «Меркурий». Ульянов, «обучил диковинному занятию всех местных детей, устроив на Шуше каток. Оскар катался плохо и очень неосторожно, так что падал без конца, я вовсе кататься не умею, для меня соорудили кресло, около которого я и старалась держаться. Володя катался отлично», писала в своём дневнике Надежда Крупская, 15 декабря 1898 года.

Новый 1899 год, последний год ссылки Владимира Ульянова, ссылки встретили у четы Кржижановских в Минусинске. Поездка была разрешена, с 24 декабря 1898 года по 2 января 1899 года. Владимир и Надежда были в Минусинске. Среди гостей кроме Ульяновых были Лепешинские, Ленгники и ещё человек 16.

Вместе с Крупской, Ленин занимался переводами иностранных текстов, жена помогала Владимиру переписывать его работы. В Шушенском Ленин закончил книгу, «Развитие капитализма в России». За 3 года ссылки им было написано более 30 работ, в которых Владимир Ульянов наметил пути революционной борьбы, разработал тактику и программу будущей Партии, критиковал «экономистов». В Шушенское Владимир Ульянов выписывал больше пяти газет и журналов российских и три журнала из Германии, «Архив Социального Законодательства и Статистики», «Социальная Практика», «Новое Время». Кроме этого, Владимир Ульянов постоянно заказывал и получал, через родных, тюки журналов, газет, русские, немецкие, французские книги, нелегальные издания. Для оплаты этих расходов, требовались постоянно деньги, сотни рублей. Ульянов, регулярно просит деньги у матери, с обещанием возврата долгов со своих гонимых за переводы иностранных книг, и просит пересылать, просимые у матери суммы, на имя его тётки, Елизаветы Васильевны. Впрочем, Елизавета Васильевна и все свои собственные доходы тратила на жизнь семейства в Шушенском.

Вечерами Ленин и Крупская с удовольствием читали русских классиков, Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Прислуживала семье революционеров, по дому в три комнаты, 13-летняя местная селянка. Ульяновы всегда имели чистоту комнат, вкусную и свежую пищу, стирку и починку белья. В Шушенской ссылке, Владимир Ульянов заметно прибавил в весе, о чем его супруга неоднократно упоминала в письмах домой, называя его настоящим сибиряком. Молодожены проводили много времени с ружьями в лесу и на болотах. Владимир Ульянов уделял серьезное внимание физкультуре и активному отдыху. Зимой он упражнялся на коньках по специально залитому для него катку. Причем, развлечение это было доступно далеко не всем, но материальное положение Ленина позволяло ему подобные забавы. Ленин хорошо играл на гитаре, развлекая уютными вечерами компании односельчан.

Возможность не задумываться о хлебе насущном, превратила трёхгодичное пребывание Ульяновых в ссылке, по выражению его же супруги Надежды, в полную приятностями дачную жизнь.

В январе 1900 года Ленин получил извещение из полицейского департамента о завершении ссылки, и о том, что «министр внутренних дел воспретил ему, после окончания ссылки, проживать в столичных и университетских городах и крупных рабочих центрах».

Чтобы быть ближе к столице, Ленин решил поселиться в Пскове.

Отъезд был назначен на утро 29 января. Расставание с Шушенским получилось трогательным и теплым. Владимира Ульянова и его семью пришли проводить крестьяне и оставшиеся ссылные. Поздним вечером они прибыли в Минусинск. Так закончилась трехлетняя ссылка Ленина, похожая больше на творческий отпуск, с общим оздоровлением и укреплением организма.

Глава 6

Отъезд из Шушенского. Псков. Подготовка к изданию политической газеты «Искра». Отъезд за границу

В начале января 1900 года Департамент полиции послал Владимиру Ульянову извещение, что министр внутренних дел воспретил ему после окончания ссылки проживать в столичных и университетских городах и крупных промышленных центрах. Утром 29 января 1900 года, Владимир Ульянов с женой и тёщей оставляет село Шушенское, что на реке Шуше, при впадении её в Енисей. За время ссылки в Шушенском, накопилось очень много книг и журналов, увозили 15 пудов, 240 кг, только литературы. Ружья, обмундирование, мебель и прочие предметы домашнего уюта, что смогли распродать. Пришлось уезжать из Шушенского на четырёх санях, одни сани были загружены литературой и не проданным имуществом.

Поздно вечером, караван с семьей прибыл в Минусинск. Несколько дней вынужденного ожидания в Минусинске. К обозу присоединились семьи Старкова и Сильвина. Двинулись в дорогу целым обозом, был сильный мороз, обоз составил более десяти саней. Двигались без остановок, днём и ночью, по Енисею, когда достигли Сибирского тракта, сменили лошадей на почтовой станции и двинулись на железнодорожную станцию в Ачинск, где сели в поезд. На посадку в Красноярск решили не ехать, чтобы не оплачивать багаж при посадке, а багажа было много, у всех. Сибирская ссылка закончилась, начинался новый этап жизни.

По дороге из Ачинска, семья остановилась в Уфе, место ссылки Надежды Крупской, её срок ссылки ещё не закончился. Надо было устроиться Надежде Константиновне и Елизавете Васильевне, оставить с ними накопленное в ссылке имущество. Ссылка Крупской, ещё продолжалась, и она вернулась на место её отбытия, в Уфу. Устройство на жительство в Уфе Крупской, это была официальная причина для объяснения с жандармерией, чтобы задержаться в Уфе на несколько дней. В первые же дни пребывания в Уфе, Владимир Ульянов встретился с социал-демократами, Цурюпой, Крохмалем, Свидерским, обсуждались вопросы финансирования и распространения социал-демократической литературы. Владимир Ульянов познакомил их с планом создания революционного печатного органа. На первом плане были не личные удобства при проживании в ссылке, а революционная работа.

Примечание: Цурюпа – работал в это время управляющим имениями князя Вячеслава Кугушева, в Уфимской губернии. Князь, так же участвовал в русском революционном движении. При Советской власти Цурюпа был членом ЦИК СССР 1—4 созывов, членом ЦК ВКП (б), 1923—1928 годов. Он один из инициаторов введения в стране продовольственной диктатуры, которая была введена декретом ВЦИК от 13 мая 1918, один из организаторов продотрядов. В октябре 1917 года организовал отправку эшелонов с хлебом в Петроград из Уфы. Умер в Крыму в 1928 году от паралича сердца, в возрасте 58 лет. Был кремирован, урна с его прахом, в Кремлёвской стене.

Примечание: Вячеслав Кугушев, князь-революционер, финансировал РСДРП деньгами от доходов и продажи своих имений. Перечисляемые суммы исчислялись сотнями тысяч рублей. В 1910 году женился вторым браком на сестре Цурюпы. Погиб в 1944 году в Москве, попал под трамвай, в возрасте 82 лет.

Примечание: Виктор Крохмаль, адвокат, делегат от Уфимской организации на 2-м съезде РСДРП. После 1903 один из лидеров меньшевиков. В октябре 1904 кооптирован меньшевиками в ЦК РСДРП. Участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 в Москве. На Стокгольмском объединительном съезде, 1906 год, избран членом ЦК РСДРП. В 1908 экстерном

окончил юридический факультет Харьковского университета. В мае 1917 года, на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП избран членом Объединённого Комитета РСДРП. В 1917 году, входил в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, по расследованию противозаконных действий представителей царского режима, следственной комиссии бюро ВЦИК по расследованию июльского восстания большевиков в Петрограде, Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Корнилова. С 1918 работал управляющим Петроградской конторой Центросоюза. В 1921 жил в Петрограде, работал юрисконсультom в Центросоюзе. Местными чекистами характеризовался как «кооператор» и «активный» партийный работник. В 1921 году был арестован, однако в ноябре того же года освобожден. С марта 1922 года работал юрисконсультom Петроградской областной конторы Всероссийского кооперативного банка. В августе 1922 года включен в составленный ВЧК список лиц, подлежащих высылке из Петрограда, высылка была отменена. С марта 1930 года работал юрисконсультom в Ленинградском управлении «Совколхозстроя». В декабре 1930 года вышел на пенсию. Скончался в возрасте 60 лет в Ленинграде, в 1933 году. Похоже на то, что был личным информатором Ленина во Временном Правительстве и тайным агентом ЧеКа, поэтому был «неприкасаемым» и выжил во время чисток от «врагов народа». Информация о причине смерти и месте захоронения отсутствует. Возможно, что сменил документы или уехал за границу, а может просто «ликвидировали».

Примечание: Свидерский, поступил в 1897 году в Петербургский университет, учился на юридическом факультете, активный участник социал-демократического движения. Позднее примкнул к большевикам. На государственной службе не был, работал журналистом в социал-демократических изданиях. Стал с 1901 года руководителем Уфимского опорного пункта «Искры». После Февральского переворота, с июля 1917 года председатель Уфимского Совета РКСД, член президиума Уфимского комитета РСДРП (б). С февраля 1918 года работа в Советских органах власти в Москве, 10 мая 1933 года погиб в автомобильной катастрофе в Риге, в возрасте 55 лет, будучи послом СССР в Латвии. Похоронен на Красной площади, у Кремлёвской стены.

Из Уфы, Ленин едет в Москву и останавливается там, не смотря на полицейский запрет для Ульянова, появляться в Москве. В Москве он встречается с Лалаянцем, представителем Екатеринославского комитета РСДРП, участником I съезда РСДРП в Минске. Из Москвы Владимир Ульянов едет в С.-Петербург, совершает второе нарушение полицейского запрета на посещение столицы. В С.-Петербурге, он встречается с революционеркой Верой Засулич, которая представляла Плеханова по вопросам издания общерусской марксистской газеты и журнала за границей. Приехал в Псков Владимир Ульянов в конце февраля 1900 года. Уехал он из Шушенского 29 января 1900 года. Время в пути составило около 30 суток.

Псков был выбран Владимиром Ульяновым не случайно, не только из-за близости Пскова к С.-Петербургу, но и потому, что в Пскове обосновался его старый знакомец и его помощник по партийным делам в ссылке, в Красноярске, Пётр Красиков. Пётр, будучи студентом юрфака Петербургского университета, стал активным участником марксистского движения в России, лично был знаком с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Знакомство его с ними состоялось в период его пребывания в Женеве, в 1892—93 годах. В Красноярск Пётр Красиков был сослан, после своего возвращения в Россию из Швейцарии. Красноярск был местом проживания его родителей и местом его рождения. Пётр Красиков стал товарищем Владимира Ульянова, входил в круг его семьи и находился рядом с Лениным до последних дней его жизни.

Для заработка и легального прикрытия, Владимир Ульянов брал работу в губернском статистическом управлении Пскова. Из Пскова, он разворачивает широкую деятельность по налаживанию связей с социал-демократами в разных городах России и проведению совещания

в Пскове, с вопросом о программе и задачах будущих периодических органов партии, газеты «Искра» и журнала «Заря».

Совещание в Пскове было проведено с 29 марта по 3 апреля. В нём приняли участие Степан Радченко, секретарь ЦК РСДРП, Мартов, приехавший в Псков из ссылки в Туруханском крае, Щеколдин и Потресов, основатели РСДРП, Стопани, представитель «Северного Союза Рабочих» и деятели «легального марксизма», Струве и Туган-Барановский. Последние двое, не вписывались в группу Искровских конспираторов. Но Ленин, практиковавший создание союзов в своих целях, использовал их денежные средства, их опыт, их таланты, в печатном деле, чтобы «завтра», когда станет не по пути, расстаться с ними. Это и произошло, в последствии.

Тотчас, после псковской встречи, Потресов выехал в Германию, по издательским делам. Тысячу рублей, на первый номер газеты «Искра», Потресову пожертвовала вдова сенатора Александра Калмыкова, знавшая Потресова с детства. Выручали средства, собранные заграничными и российскими социал-демократическими группами содействия «Искре». Имея широкие контакты среди немецких социал-демократов и российской эмиграции, Потресов вел активную работу по подготовке к изданию в Германии газеты «Искра», стал членом её редакции.

Между апрелем и июлем в 1900 году, Владимир Ульянов совершил турне по России. Вот его путь, Рига, май, С.-Петербург. В С.-Петербурге был задержан полицейским на улице и заключён в тюрьму, провёл в заключении 10 суток, оправдался, что ехал к маме в Подольск, под Москвой. Был доставлен, в сопровождении чиновника, к исправнику Подольского уезда, за государственный счёт. В Подольске провёл неделю, за это время в Подольск приезжали многие социал-демократы, из Москвы, для получения паролей и шифров для получения и транспортировки нелегальной литературы. Вместе с мамой Марией Александровной и сестрой Анной, поехали в Уфу, к его супруге, Надежде Константиновне Крупской, на поезде доехали до Нижнего Новгорода, где сделали остановку для проведения совещания с местными социал-демократами и для подготовительной работы по доставке и распространению нелегальной литературы, устройство опорных пунктов по распространению «Искры» и «Зари». Из Нижнего Новгорода, семейство Ульяновых отправилось на пароходе, первым классом, по рекам Волге, Каме и Белой до Уфы. Пробыли они в Уфе, более двух недель. Здесь главной целью была встреча с представителем князя-революционера Кугушева, Цурюпой, источником финансирования социал-демократов. Из Уфы, Ленин продолжил поездку на пароходе, один, Мария Александровна и Анна остались с Надеждой Константиновной в Уфе. По рекам Белой и Каме, Ленин на пароходе вернулся в Самару, из Самары переехал в Сызрань. Заручившись везде поддержкой местных социал-демократов, создав опорные пункты по распространению будущей газеты, Владимир Ульянов, отбыл за границу, перед этим сделав остановку в Смоленске, где он встречался с Иваном Бабушкиным, по вопросу создания и распространения политической газеты, которая будет способствовать росту и укреплению социал-демократической партии.

Примечание: Иван Васильевич Бабушкин родился 3 января 1873 года, в Леденгском уезде Вологодской губернии, в крестьянской семье. Летом 1891 года, поступил слесарем в паровозо-механическую мастерскую на Семянниковский завод в Санкт-Петербурге, где проработал до 1896 года. В 1894 году, он начал заниматься в рабочем марксистском кружке, руководимом Лениным. На следующий год Бабушкин уже был привлечён для работы в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Он стал организатором новых рабочих кружков и библиотек, проводил работу не только с рабочими своего предприятия, но и на Александровском и Стеклянном заводах.

В январе 1896 года был арестован, в феврале 1897 года, сослан в Екатеринослав, за участие в работе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В Екатеринославе продолжал революционную деятельность, помогая организовать местное отделение «Союза». Активно сотрудничал с ленинской «Искрой», был корреспондентом и агентом газеты. Под его руководством, в октябре 1901 года, была создана Орехово-Богородская организация РСДРП, первая в стране признавшая «Искру» своим центральным органом.

В 1902 году бежал из Екатеринославской тюрьмы и переправился в Лондон. В октябре того же года вернулся в Россию, участвовал в дискуссиях с «экономистами» и «зубатовцами», взаимодействовал с рабочими организациями.

В 1903 году Бабушкина снова арестовали и сослали в Верхоянск, Якутия. Был амнистирован в 1905 году.

Во время революции 1905 года был членом Иркутского и Читинского комитетов РСДРП, работал в газете большевиков «Забайкальский рабочий». Был одним из руководителей Читинского вооружённого восстания, с Виктором Курнатовским, Антоном Костюшко-Валюжаничем.

31 декабря, 1905 года покинул Читку. Вместе с пятью товарищами сопровождал состав с оружием для рабочих Иркутска. Состав был захвачен экспедицией генерала Александра Меллер-Закомельского, направленной для восстановления порядка, на станции Слюдянка.

5 января, 1906 года Бабушкин и его товарищи, телеграфисты Ключников, Савин, Ермаев и Бялых были расстреляны по приговору военно-полевого суда на станции Мысовая, ныне город Бабушкин, Бурятия.

Наиболее вероятна версия, что Владимир Ульянов выехал за границу по подложному заграничному паспорту, ярославского дворянина Николая Ленина, который ему предоставил руководитель «Северного Союза Рабочих», Щеколдин. После этого, Владимир Ульянов стал подписывать свои политические работы «Н. Ленин», потом просто «Ленин».

Примечание: Бывший ярославский дворянин, Николай Ленин, по паспорту которого Владимир Ульянов выехал за границу, в 1918 году, был застрелен, в овраге близ деревни, где он проживал как крестьянин, в местной общине, обрабатывая выделенный ему общиной участок земли. Застрелен он был, присланным работником местного ЧеКа, в соответствии с утверждённым списком «врагов народа». Местные крестьяне, помогли чекисту закопать убитого, там же, в овраге.

Первый номер «Искры» был набран в Мюнхене, в декабре 1900 года, при участии Потресова, ничего не понимавшими по-русски, немецкими рабочими-типографами. У газеты не было главного редактора. Она выпускалась шестью соредакторами, включая трёх представителей эмигрантской группы первого марксиста России Георгия Плеханова. Так как члены редакции жили в разных городах, то фактически газетой заправлял Мартов. Владимир Ульянов в это время возвращался из ссылки в Шушенское.

Уже через год после Второго съезда РСДРП, в 1904 году, Мартов употребил термин «ленинизм». Под ним он понимал стремление к «гипертрофии централизма», «искусственному подавлению всякой оппозиции», «систематическому давлению сверху на все элементы, представляющие самостоятельность». А незадолго до своей кончины Мартов придет к выводу, что в России «никогда не было диктатуры пролетариата», а «была и есть диктатура партии над пролетариатом».

Раскол на большевиков и меньшевиков на Втором съезде привёл к полному разрыву прежних дружеских отношений между Лениным и Мартовым. Троцкий свидетельствовал, на съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадолго. «Дружба» Ленина с Плехановым закончилась в 1907 году, после Штутгартской конференции Социалистического Интернационала,

на которой Плеханов ввёл Ленина в круг международной социал-демократии. Одновременно, Ленин потерял Мартова, навсегда.

Меньшевики, к ним примкнул и Потресов, оказались изгоями российской социал-демократии. С 1901 года Ленин оказался нелегально за границей, и в России появился только через 16 лет, в 1917 году. Газета «Искра» в конце 1903 года оставалась за меньшевиками, и издавалась без Ленина ещё два года.

В начале нового 1902 года, Струве приехал в Мюнхен, чтобы наладить контакты с редакторами «Искры». Ульянов-Ленин наотрез отказался от этой встречи с ним. Струве стал ему уже опасен, потому что Струве был автором «Манифеста РСДРП», для первого номера «Искры», конкуренты для Ленина, среди коллег, становились врагами. Переговоры же с эсерами, у Струве прошли успешно. Последние не видели в либералах соперников и продемонстрировали явное стремление к сотрудничеству с ними, в борьбе с самодержавием.

Глава 7

Издание газеты «Искра». II съезд РСДРП

Приехав в Швейцарию, Владимир Ульянов встретился с Павлом Аксельродом в Цюрихе и с Георгием Плехановым в Женеве. Переговоры по созданию и изданию Центрального Органа РСДРП проходили в дискуссионной обстановке. До выработки проектного соглашения по выпуску газеты, было принято решение образовать редакцию Центрального Органа из пяти человек, Плеханов, Аксельрод, Потресов, Засулич, Ульянов. Для принятия решения, по делам газеты, каждый участник группы имел при голосовании один голос, Плеханов имел при голосовании, 2 голоса. Все участники являлись соредакторами. Чтобы законспирировать издание газеты, было принято решение выпускать её в Германии, а не в эмигрантском центре, в Швейцарии. Выпуск первого номера проходил в Мюнхене, там Ульянов жил под фамилией Мейера, а потом стал жить по паспорту на имя болгарина Иорданова.

В апреле 1901 года, после окончания Уфимской ссылки, в Мюнхен приехала Надежда Константиновна Крупская, вместе с мамой Елизаветой Васильевной. Устроились на жительство в пригороде Мюнхена, Швабинге, где сняли квартиру. Обзавелись обстановкой, прикупили подержанной мебели. Помощь в издании газеты оказывали германские социал-демократы, Клара Цеткин, Адольф Браун, Дитц, Юлиан Мархлевский, польский социал-демократ. Первый номер «Искры» был напечатан, в декабре 1900 года в Лейпциге. Первая попытка переправить газету в Россию оказалась неудачной, 3000 экземпляров первого номера газеты были обнаружены и изъяты на границе. Со второго номера «Искра» печаталась в Мюнхене. Занимался отправкой газеты в Россию, Владимир Ульянов, кроме этого поручили ему решать вопросы финансирования выпусков и вести переписку с корреспондентами газеты в России.

В 1900 году начался мировой экономический кризис, который ухудшил экономическое положение рабочих, что привело к массовой безработице в промышленных центрах. В России стали проходить демонстрации протеста против безработицы, с лозунгами «Долой самодержавие». «Искра» пробуждала недовольство рабочих и населения России, политикой самодержавия. Кризис продолжался до 1903 года.

С конца 1901 года, Владимир Ульянов стал подписывать свои работы псевдонимом «Н. Ленин», а потом просто «Ленин».

Перепечатка номеров «Искры» была организована и в России, в Кишинёве, в Екатеринославе, в Баку. Большие партии газеты переправляли морскими судами, легче было спрятать от досмотра, малые партии газеты, везли агенты «Искры», укрывая их в своём багаже.

Началась подготовка партийных документов, Программы и Устава, к предстоящему II съезду РСДРП. Разгорелась идеологическая борьба по каждому пункту этих важных для партии документов. Ленин стремился создать партию революционную, партию диктатуры пролетариата, свергающую самодержавие, часть соредакторов «Искры», стремилась к «реформизму», в рамках существующей системы власти. Для принятия текстов партийных документов, была образована согласительная комиссия, которая на заседании в Цюрихе, в отсутствие Ленина, приняла «реформистскую» редакцию партийных документов.

Окончательный вариант проекта программы РСДРП, был опубликован в июне 1902 года в №21 газеты «Искра», который вышел в Лондоне. Весной, 1902 года, издание газеты «Искра», было перенесено из Германии в Англию, в Лондон. Ленин с Надеждой Крупской и тещей, переехали в Лондон, где они жили под фамилией Рихтер. Сняли две комнаты в небольшом доме рядом с Британским музеем.

До этого, в феврале 1902 года, Ленин опубликовал свою работу «Что делать?», в которой разъяснил суть разногласий между революционными социал-демократами и социал-демократами других направлений. В этой работе Ленин конкретно разъяснил, какая партия необходима пролетариату. Партия должна состоять из двух частей, первая часть, узкий круг руководящих работников, профессиональных революционеров, вторая часть, широкая сеть местных партийных организаций и сочувствующие им трудящиеся массы. Ленин всё, что он замыслил под диктатурой пролетариата, изложил конкретно и подробно. В чём задача такой партии, он тоже изложил в работе «Что делать?». Задача партии разрушить могучий оплот европейской и азиатской реакции. Под разрушение были намечены и Азия-Россия и Европа. Ленин, попав за рубеж, стал мыслить в мировом масштабе, вышел за рамки преобразования только России.

В конце июня 1902 года, Ленин съездил во Францию, встретиться и отдохнуть вместе с мамой и сестрой Анной, которые приехали на северное побережье Франции, в местечко Логиви.

В течении 1902 года Ленин выступал с рефератами, направленными против социалистов-революционеров, эсеров, в городах Европы, Париже, Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе, Льеже, Лондоне.

В феврале 1903 года, он организовал и вел занятия в пригороде Парижа, в Русской партийной школе общественных наук, в Лонгжюмо.

Ленин, издаёт ряд брошюр для крестьян, в которых разъясняет задачи партии РСДРП, «отберём все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии, и устроим социалистическое общество». Все это излагалось кратко, обобщённо и туманно. Крестьянам не разъяснялось, что земли отберут и у них, предоставив им только возможность на ней, на земле, работать для прокормления пролетариата.

II съезд РСДРП состоялся в июле-августе 1903 года.

Всего было 37 заседаний, 13 заседаний в Брюсселе, и 24 заседания в Лондоне. В Брюсселе съезд открылся в мучном складе, но был выдворен из Бельгии, правительством. Съезд переехал для продолжения работы в Лондон. Были представлены 26 организаций, группа «Освобождение труда», русская организация «Искры», Комитеты РСДРП Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Одессы, Николаева, Екатеринославский, Саратов, Тифлиса, Баку, Батуми, Уфы, Донской комитет, Тулы, заграничный комитет Бунда, ЦК Бунда, Петербургская рабочая организация, Крымский союз, Союз горнозаводских рабочих, Северный рабочий союз, Сибирский союз, «Заграничная лига русской революционной социал-демократии», «Союз русских социал-демократов за границей», группа «Южный рабочий». Всего участвовало 43 делегата с 51 решающим голосом, так как многие комитеты не могли прислать нужного числа депутатов, некоторые депутаты имели по два мандата, и 14 делегатов с совещательным голосом, представлявших несколько тысяч членов партии.

Разногласия на съезде начались с проблемы Бунда. Бундовцы требовали автономии внутри партии, с правом вырабатывать собственную политику по проблемам евреев, а также признание Бунда единственным представителем среди трудящихся евреев. Ленин от имени «искровцев» организовал выступления евреев Юлия Мартова (Цедербаума) и Льва Троцкого (Бронштейна), которые были сторонниками ассимиляции евреев в России, и были против даже партийной автономии евреев. В результате съезд принял резолюцию против автономии Бунда в составе РСДРП.

Ленин считал национализм пережитком феодализма и боролся за ассимиляцию национальностей и однородность партии, хотя в комитетах РСДРП продолжали существовать фракции «Поалей Цион», «Рабочие Сиона». Данная фракция существовала во всех российских партиях, социалистического, марксистского уклона, кроме монархических.

Ленин настоял на том, чтобы в редакционном проекте были ясно сформулированы основные положения марксизма о диктатуре пролетариата, в этом вопросе Плеханов проявил колебания. «Экономисты» Акимов (Владимир Махновец), Пиккер (Александр Мартынов) и бундовец Либер выступили против включения в программу пункта, о диктатуре пролетариата, ссылаясь на то, что в программах западноевропейских социал-демократических партий этот пункт отсутствует. Лев Троцкий заявил, что осуществление диктатуры пролетариата возможно лишь тогда, когда пролетариат станет большинством «нации» и когда партия и рабочий класс будут «наиболее близки к отождествлению», то есть сольются. Характеризуя взгляды оппонентов как социал-реформистские, Ленин говорил, что «они дошли до оспаривания диктатуры пролетариата». Ленин резко выступил против попытки «экономистов» Мартынова и Акимова внести поправки в программу партии, подготовленную Лениным.

Дискуссия возникла по вопросу о праве наций на самоопределение. Против него выступали польские социал-демократы и бундовцы. Поляки считали, что этот пункт будет на руку польским националистам. Бундовцы выступали за культурно-национальную автономию евреев. Консенсуса по данному вопросу достичь не удалось, и фракция Бунда покинула съезд.

После изменения числа делегатов, голосованием съезд утвердил «искровскую» программу, состоящую из двух частей – «программы-максимум» и «программа-минимум». В программе-максимум говорилось о конечной цели партии, организации социалистического общества и об условии осуществления этой цели, социалистической революции и диктатуре пролетариата. Это выражалось пунктами программы:

- самодержавие народа, сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

- всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет, тайное голосование при выборах, право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения, двухгодичные парламенты, жалование народным представителям;

- широкое местное самоуправление, областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

Программа-минимум освещала ближайшие задачи партии:

- свержение царского самодержавия;

- установление демократической республики;

- введение 8-часового рабочего дня, программный пункт Социалистического Интернационала;

- установление полного равноправия всех наций, утверждение их права на самоопределение, «право» не подразумевало его реализацию;

- уничтожение остатков крепостничества в деревне, перевести весь земельный фонд в собственность Советов. Ленин ставил своей задачей, лишить крестьянина статуса собственника земли и перевести его в разряд сельского пролетария;

- возвращение крестьянам отнятых у них при реформе, помещиками земель, «отрезков», хотя они уже были возвращены, при земельных реформах царского правительства.

После этого стало ясно, что произойдет раскол между «искровцами», «экономистами» и бундовцами. Но и среди самих «искровцев» тоже произошёл раскол.

Раскол начал проявляться ещё до съезда. В редакции «Искры» было шесть человек – Плеханов, Ленин, Мартов, Потресов, Аксельрод и Засулич. Число это было четным и часто

в работе редакция приходила в патовое состояние, поскольку сторонники Ленина и его оппоненты имели равное количество голосов, Плеханов при голосовании имел два голоса. Чтобы сделать работу редакции эффективной, в его представлении, Ленин предложил ввести седьмого, Троцкого, но Плеханов был категорически против, и тогда Ленин предложил сократить число редакторов, исключить Потресова, Аксельрода и Засулич по причине того, что он считал их плохими журналистами из-за малого количества работ, подготовленных ими для «Искры». Ленин приводил пример, что для 45 выпусков «Искры» Мартов написал 39 статей, сам Ленин – 32, Плеханов – 24, в то время как Засулич – 6, Аксельрод – 4, Потресов – 8. Этим предложением Ленин вызвал обвинение, что он стремится господствовать в партии.

В результате голосования съезд большинством в 28 голосов против 22 при 1-ом воздержавшемся, принял первый параграф устава, членства в партии, в формулировке Мартова, «всякий, принимающий её программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из её организаций». Ленин настаивал на, «личном участии в одной из партийных организаций».

Все остальные параграфы устава были приняты без значительных разногласий.

Съезд создал партийные центры, органы управления, Центральный Орган печати, «Искра», Центральный Комитет и Совет Партии, высший руководящий орган РСДРП.

Было решено ликвидировать ненормальное положение за границей, где были две социал-демократические организации, «Заграничная лига русской революционной социал-демократии» и «Союз русских социал-демократов за границей». Съезд признал «Лигу» единственной заграничной организацией РСДРП, это была организация, созданная Лениным. В знак протеста, 2 представителя «Союза русских социал-демократов за границей», ушли со съезда. Ушли со съезда также 5 бундовцев после того, как съезд отказался принять Бунд в РСДРП на началах автономии, и отверг ультиматум Бунда о признании его единственным представителем евреев-рабочих в России.

Уход со съезда 7 делегатов изменил соотношение сил в пользу сторонников Ленина. В результате, именно они получили большинство мест при выборах в Центральные Органы.

В ЦК партии были избраны Глеб Кржижановский, Фридрих Ленгник, оба заочно, так как на съезде они отсутствовали и Владимир Носков, делегат съезда с совещательным голосом. Все трое, сторонники Ленина.

Был избран также пятый член Совета партии, Георгий Плеханов, Совет Партии состоял из 5 членов, 2 от редакции Центрального Органа, 2 от Центрального Комитета, пятым членом был избран Плеханов. Членами Совета Партии после съезда стали Аксельрод, Ленгник, Ленин, Мартов и Плеханов.

Высший руководящий орган, Совет партии был не ленинский, Ленин в Совете был в одиночестве. Оставалось только одно, перенести борьбу за свою программу действий в другие органы партии, в Центральный Орган, в редакцию «Искры» и в Центральный Комитет.

В редакцию «Искры» были избраны Ленин, Мартов и Плеханов. Но Мартов отказался от работы в редакции, потому что не принимал политику тотального доминирования Ленина над коллегами, по работе в партии.

«Мягкий» искровец Мартов был необычайно твёрд, в принципиальных вопросах. Он немедленно ответил на письмо Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры», появившееся в декабре 1903 года. По Мартову, письмо Ленина, это «конденсированный экстракт всех пущенных против так называемого «меньшинства» партии извращений истины». Мартов в своём ответе резюмировал, «К моменту партийного съезда «искровство», как особая форма революционного социал-демократизма, изжила себя».

Потом начались изменения в составе ЦК, в связи с арестами членов за революционную деятельность и отказами некоторых членов ЦК от политической деятельности.

Таким образом, к марту 1905 года в ЦК оставались только Леонид Красин и Алексей Любимов.

Ленин представлял на II съезде, «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии», которая была основана Лениным в октябре 1901 года, в Швейцарии. В «Лигу» вошли, заграничный отдел организации «Искра» и революционная организация «Социал-демократ», включавшая в себя группу «Освобождение труда», Плеханова. Не будучи членом никакой социал-демократической организации в России, иначе Ленин не смог бы стать делегатом съезда.

Ленин имел на съезде при голосовании 2 голоса. Задачи «Лиги» состояла в том, чтобы распространять идеи революционной социал-демократии и содействовать созданию боевой социал-демократической организации. «Лига», согласно её уставу, являлась заграничным отделом организации «Искра». Она вербовала сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживала её, организовывала доставку газеты в Россию и издавала популярную марксистскую литературу. II съезд РСДРП утвердил «Лигу» в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета, и обязал её работать под руководством и контролем ЦК РСДРП. «Лига» добывала и концентрировала деньги и ресурсы для революционной работы.

После II съезда РСДРП в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевизма. На её втором съезде, в октябре 1903 года, меньшевики провели новый устав «Лиги», направленный против Устава Партии, принятого на II съезде РСДРП. С этого времени «Лига» стала оплотом меньшевизма. Просуществовала «Лига» до 1905 года.

Изменение состава съезда позволило Ленину провести большинство резолюций съезда в собственной редакции, о месте Бунда в РСДРП, об экономической борьбе, о праздновании 1 Мая, о международном конгрессе, о демонстрациях, о терроре, о пропаганде, об отношении к учащейся молодёжи, о партийной литературе, о распределении сил. Съезд принял также решения по ряду тактических вопросов, об отношении к либеральной буржуазии, об отношении к эсерам, о профессиональной борьбе, о демонстрациях и другие.

Примечание: Юлий Осипович (Иосифович) Мартов (Цедербаум) родился в 1873 году, в Стамбуле, в зажиточной еврейской семье. Его дед был основоположником первых в России еврейских газет и журналов. Семья уехала из Турции после начала русско-турецкой войны 1877 года. В России Мартов стал одним из основателей Бунда. А затем он познакомился с Лениным, в 1901 году, на съезде РСДРП в Минске, они стали друзьями и единомышленниками. Но с 1903 года каждый пошел своей дорогой.

Мартов, после эмиграции, в 1920 году, в Германию, состоял членом Загранбюро ЦК РСДРП, возглавлял газету «Социалистический вестник», продолжал свою борьбу с «ленинизмом» в международных социалистических организациях. Ленин, в 1918 году, в своих отповедах действиям Мартова против Сталина, назвал Мартова, «насекомое, выделяющее ядовитую жидкость». В последней своей статье, Мартов выразил уверенность в неизбежном уходе, «окопно-казарменного квази-социализма» и замене его в России «правовым режимом демократии». Умер он от туберкулёза в Берлине, в 1923 году, там же был кремирован и урна с прахом захоронена в Берлине.

Ленин, кооптированный через три месяца после съезда, в состав ЦК РСДРП, продержался в нем чуть больше года, в начале 1905 года он был исключен из состава ЦК. Правда, через пару месяцев на III съезде партии Ленин вновь избран в ЦК, но уже на будущий 1906 год на IV съезде он снова вне ЦК, а на V съезде в 1907 году Ленин избирается только кандидатом в члены ЦК РСДРП.

Глава 8

Русско-Японская война. «Кровавое Воскресенье». Поп Гапон. III съезд РСДРП. Подготовка к Вооружённому восстанию, 1905 год

После II съезда РСДРП, Ленин прекратил деятельность в Центральном Органе газета «Искра» по двум причинам, первая, политическую деятельность Ленина меньшевики заблокировали, путём захвата меньшевиками большинства в редакции «Искра» и в Совете Партии. Вторая причина, Ленина лишили, в том числе и свободного доступа к партийной кассе. Он уже не имел возможности кассой единолично распоряжаться. Кроме всего прочего, партийная касса находилась в доверительном управлении у трёх германских социал-демократов, Каутского, Либкнехта и Клары Цеткин. Это тоже создавало для Ленина дополнительные препоны при доступе и распоряжениях партийными финансами. Ему надо было всё своё и без каких-либо ограничителей и контролёров. К исполнению этого плана он и приступил.

По инициативе Ленина, был создан в 1904 году, общероссийский Большевистский партийный центр, «Бюро Комитетов Большинства», (БКБ), для созыва III съезда РСДРП, это было озвучено для легального прикрытия, а фактически «Центр» занимался «эксами», добытием денег для партийной жизни революционеров-профессионалов, большевиков, сторонников Ленина. Были намечены кандидатуры в БКБ, утвержденные затем в ноябре-декабре 1904 года на областных подпольных партийных конференциях в России, на которых были представлены 13 большевистских партийных комитета. Был основан орган большинства, газета «Вперед». Ленин активно стал строить «собственную» партию внутри РСДРП.

Меньшевики в ноябре 1903, при содействии Плеханова, Красина и Носкова захватили большинство в Совете партии и редакции «Искры», а летом 1904 года и большинство в ЦК РСДРП. Потеря газеты «Искра» и ЦК заставила Ленина добиваться созыва III съезда партии, для обсуждения создавшегося положения. Меньшевики были против созыва съезда, боясь потерять узурпированное ими руководство партией.

В это время уже шла Русско-японская война, которая началась 27 января (9 февраля) 1904 года, и которая продолжалась до сентября 1905 года.

С началом русско-японской войны Александр Парвус (Гельфанд) опубликовал в газете «Искра» серию статей «Война и революция», в которых, назвав идущую войну «кровавой зарёй предстоящих великих свершений», предсказывал неизбежное поражение России и, как следствие, революцию. Все его предсказания сбылись, что раскрывало его причастность к происходившим событиям.

Война между Российской и Японской империями шла за контроль над Маньчжурией, Кореей и Жёлтым морем. Эта война стала первой большой войной с применением новейшего оружия, дальнобойной артиллерии, броненосцев, миноносцев.

Всё это новейшее оружие требовало финансовых вложений и способствовало развитию промышленного производства, преодолению текущего промышленно-финансового мирового кризиса, начавшегося в 1900 году. Финансирование японской стороны, осуществлял финансовый капитал США, финансирование российской стороны осуществляли так же представители финансового капитала США в России, банковский дом Животовских.

Кроме этого, царское правительство России рассчитывало задушить, при состоянии войны, революционные силы, много лет взращиваемые для Российской империи, на территории европейских государств Германия, Англия, Франция и в США. Вместо подавления и ликвидации революционных сил, дело дошло до, активизации этих революционных сил, до собы-

тий, «Кровавого Воскресенья» 9 января 1905 года, и вооружённых восстаний в Москве, С.-Петербурге, и во многих других городах Российской империи, на Черноморском флоте. Царское самодержавие показало свою «окостенелость», неспособность перестроиться к жизни в новейших мировых условиях и катилось к «закату».

Война между Россией и Японией началась нападением на корабли российского флота, шедшие из Балтийского моря в российскую военно-морскую базу Порт-Артур, Японским военно-морским флотом. Корабли Российской империи шли на базу, которая была основана на Ляодунском полуострове, Квантунская область, в акватории Жёлтого моря. Россия вела интенсивное освоение дальнего Востока, строила железные дороги, Китайскую-Восточную Железную Дорогу, в дополнении к существовавшему ТРАНССИБУ, сократившую дорогу до Владивостока на 512 вёрст. Это привело к вооружённым конфликтам России с Китаем и угрожало японской экспансии в этих районах Китая. Горючего материала, для начала войны было в избытке.

Война закончилась подписанием мирного договора в г. Портсмут США, при участии с российской стороны премьер-министра Витте, 23 августа (5 сентября) 1905 года.

Пред-история событий 9 января и крестного хода рабочих к царю.

Всё это событие, под названием «Кровавое Воскресенье 9 января», произошло под руководством священника Русской православной церкви Георгия Аполлоновича Гапона, который привёл рабочих, участников этого Крестного Хода с иконами, хоругвями, крестами и портретами императора на Дворцовую площадь к Зимнему дворцу и при участии Великих Князей Императорской фамилии, Владимира и Сергея, отдававших команду войскам, выстроенных на этой же площади, стрелять по иконам, хоругвям, крестам, портретам брата-императора и просто по безоружным рабочим, пришедших на площадь с членами своих семей к царю с петицией, открыть огонь ружейными залпами.

Григорий Гапон был уроженцем села Белики, Кобелякского уезда, Полтавской губернии. Родился он 5 (17) февраля 1870 года в семье крестьян.

В исторической литературе СССР и современной России, господствует миф, что Гапон был агентом-provocатором царской охраны.

В реальной жизни, Гапон был организатором и бессменным руководителем рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», организатором январской рабочей забастовки и массового крестного шествия рабочих и их семей к царю с петицией, в которой перечислялись их требования, 9 (22) января 1905 года.

В возрасте 7 лет, Григорий был отдан в начальную школу, где проявил большие способности к учёбе. По совету сельского священника родители решили отдать сына на обучение в духовное училище. Успешно сдав вступительный экзамен, Гапон поступил во второй класс Полтавского духовного училища. В училище отличался любознательностью и был одним из лучших учеников. В училище Гапону стали доступны запрещённые сочинения Льва Толстого, которые оказали на него большое влияние.

По окончании духовного училища Гапон поступил в Полтавскую духовную семинарию. Продолжая учёбу в семинарии, Гапон стал открыто высказывать толстовские идеи, что привело его к конфликту с начальством семинарии. Ему пригрозили лишением стипендии, в ответ на что он заявил, что сам отказывается от стипендии, и стал подрабатывать на жизнь частными уроками. В 1893 году успешно окончил семинарию, однако из-за конфликта с начальством не получил диплома первой степени, дававший право на поступление в университет. По окончании семинарии, он устроился работать в земской статистике и продолжал подрабатывать частными уроками.

В 1894 году, Гапон женился на купеческой дочери и по её совету решил принять духовный сан. О своём намерении он рассказал полтавскому епископу Иллариону, и тот обещал ему

покровительствовать, сказав, что ему нужны такие люди, как Гапон. В том же году Гапон был рукоположен сначала в дьяконы, а затем и в священники. По решению епископа Иллариона, он получил должность священника, в без-приходной церкви «Всех Святых», при полтавском кладбище. В качестве священника, Гапон проявил незаурядный талант проповедника, и на его проповеди стало стекаться множество народа. Стараясь согласовывать свою жизнь с христианским учением, Гапон помогал беднякам и соглашался безвозмездно совершать духовные требы для бедных прихожан из соседних церквей. В свободное от богослужений время, Гапон устраивал собеседования на религиозные темы, которые собирали множество слушателей, хотя его церковь и была без приходной. Растущая популярность молодого священника привела его к конфликту со священниками соседних приходов, которые стали говорить, что он похищает у них паству. Гапон, со своей стороны, обвинял их в фарисействе и лицемерии.

В 1898 году от внезапной болезни умерла молодая жена Гапона. Осталось двое маленьких детей, Мария и Алексей. Это событие стало поворотным моментом в жизни Гапона. Чтобы избавиться от тяжёлых мыслей, он поехал в С.-Петербург, поступать в Духовную Академию. Диплом второй степени не давал ему права на поступление в Академию, поэтому Гапону пришлось заручиться поддержкой епископа Иллариона, который состоял в дружеских отношениях с обер-прокурором Святейшего Синода Константином Победоносцевым. Получив рекомендательное письмо от Иллариона, Гапон явился к Победоносцеву и по его протекции, поступил на 1-й курс Академии.

Учёба в Духовной Академии быстро разочаровала Гапона. В преподаваемых предметах он видел только мёртвую схоластику, которая не давала ему ответа на вопрос о смысле жизни. Лишившись душевного равновесия, Гапон забросил учёбу и летом 1899 года уехал поправлять здоровье в Крым. В Крыму он посещал местные монастыри, раздумывая, не уйти ли ему в монахи, однако решил, что жизнь в монастыре несовместима со служением народу. Большое влияние на Гапона оказало знакомство с художником Василием Верещагиным, который советовал ему сбросить рясу и работать на благо народа, и с либеральным армянским публицистом Григорием Джаншиевым.

Возвратившись в С.-Петербург, Гапон начал участвовать в благотворительных миссиях, занимавшихся христианской проповедью среди рабочих. В 1899 году Гапон начал выступать в качестве проповедника в Церкви Милующей Божьей Матери, в Галерной Гавани, на Васильевском острове. Старостой этой церкви, в то время, был товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, Владимир Саблер.

Проповеди Гапона собирали множество людей, и нередко церковь не вмещала в себя всех слушателей, число которых достигало до 2000 человек. Галерная Гавань была местом обитания питерских босяков, и Гапон нередко проводил целые дни, общаясь с обитателями Горьковского «Дна». В своих проповедях он исходил из той мысли, что труд есть основа и смысл жизни, и старался пробудить в слушателях сознание своего человеческого достоинства. Однако Гапон не был доволен своей деятельностью проповедника. Сталкиваясь с бедняками, он стал задаваться мыслью, как реально помочь этим людям вернуться к человеческой жизни.

В 1900 году Гапон был назначен на должность настоятеля сиротского приюта святой Ольги, а также законоучителя и священника приюта Синего Креста. Эти приюты для девушек содержались на пожертвования людей высшего света, и вскоре молодой священник приобрёл популярность в петербургских придворных кругах. Особенное влияние Гапон имел на придворных дам, которые видели в нём чуть ли не пророка, призванного возвестить новые истины и раскрыть тайный смысл учения Христа. Несколько раз Гапон приглашался служить на торжественных праздниках вместе со святым Иоанном Кронштадтским, который оказал на Гапона сильное влияние. Иногда Гапон служил литургии с ректором Духовной Академии, будущим патриархом Сергием, Страгородским. Он также нередко посещал, проходившие под председательством Сергия, Религиозно-философские собрания в С.-Петербурге. Одновременно Гапон

продолжал работать в среде питерских рабочих и бедняков, среди которых он скоро приобрёл огромную популярность. Ему нередко случалось отстаивать бедного человека от различных несправедливостей, чем он вызывал к себе нерасположение и вражду со стороны власть имущих. Наталкиваясь на сопротивление чиновников, Гапон говорил, «До царя дойду, а своего добьюсь».

В 1902 году Гапон составил новый проект системы благотворительных учреждений. Проект предусматривал создание трудовых колоний для реабилитации безработных босняков, образцом для которых послужил Кронштадтский Дом трудолюбия. На эту тему Гапоном был написан доклад для подачи императрице Александре Фёдоровне. Доклад был одобрен градоначальником С.-Петербурга, Николаем Клейгельсом, однако не получил дальнейшего хода.

Летом 1902 года из-за конфликта с попечительным советом, Гапона отстранили от должности настоятеля приюта Синего Креста. В ходе конфликта, Гапон настроил свою многочисленную паству против попечительного совета приюта Синего Креста. Уже тогда, Гапон умел управлять толпой. Уходя из приюта, Гапон забрал с собой, окончившую курс, воспитанницу Александру Уздалёву, которая впоследствии стала его гражданской женой, так как по канонам РПЦ, вдовый священник не имеет права на повторный брак. В это же время, Гапон был отчислен с 3-его курса Духовной Академии, причиной исключения была не сдача Гапоном переходных экзаменов. Председатель попечительного совета приюта Синего Креста, Николай Аничков, написал на Гапона донос в Охранное отделение, и Гапон был вызван туда на допрос. Это событие и послужило поводом для его знакомства с Департаментом полиции.

Осенью 1902 года, Гапон был восстановлен в духовной академии, по протекции митрополита Антония (Вадковского), который оказывал ему покровительство. В 1903 году Гапон успешно окончил Духовную Академию, написав дипломную работу на тему: «Современное положение прихода в православных церквях, греческой и русской», и получил должность священника при тюремной церкви «Святого Михаила Черниговского» городской пересыльной тюрьмы С.-Петербурга.

Осенью 1902 года Гапона познакомили с начальником Особого отдела Департамента полиции Сергеем Зубатовым. Зубатов занимался созданием подконтрольных полиции рабочих союзов, и Гапону было предложено принять участие в этой работе. Цель Зубатова состояла в том, чтобы созданием легальных рабочих организаций снизить влияние, оказываемое на рабочих революционной пропагандой. Зубатову удалось создать успешно действующие организации в Москве, Минске и Одессе, а в 1902 году он попытался перенести свой опыт в С.-Петербург, где было основано «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства».

Гапон был привлечён к делу по организации «Общества», как популярный в рабочей среде священник. По некоторым данным, Гапон пользовался покровительством петербургского градоначальника Николая Клейгельса, у которого был на хорошем счету и считался своим человеком. По инициативе градоначальника Гапону было поручено изучить взгляды Зубатова на рабочий вопрос и постановку дела в зубатовских организациях. Зимой 1902—1903 годов Гапон посещал собрания зубатовского общества, беседовал с Зубатовым и его учеником Соколовым, а затем совершил поездку в Москву, где ознакомился с деятельностью московской зубатовской организации. По итогам этой поездки Гапон написал доклад, копии которого были поданы градоначальнику Клейгельсу, митрополиту Антонию и самому Зубатову. В докладе Гапон подвергал критике существующие зубатовские организации и предлагал основать новое рабочее общество по образцу независимых английских профсоюзов. Главная идея Гапона состояла в том, что зубатовские общества слишком тесно связаны с полицией, что компрометирует их в глазах рабочих и парализует рабочую самодеятельность. С точки зрения Зубатова, взгляды Гапона на рабочий вопрос являлись «опасной ересью».

В августе 1903 года Зубатов, из-за личной ссоры с министром внутренних дел Вячеславом Плеве, был отправлен в отставку и выслан из Петербурга. После отъезда Зубатова, петербургская рабочая организация осталась в подвешенном состоянии, и Гапон оказался его естественным преемником. В это время «Петербургское Рабочее Общество» было крайне малочисленным и влачило жалкое существование. Осенью того же года Гапон взялся за воссоздание организации в соответствии со своими идеями. С этой целью им был написан новый «Устав Общества», резко ограничивающий вмешательство полиции в его внутренние дела. Согласно новому уставу, весь контроль над деятельностью организации осуществлялся её представителем, роль которого отводилась самому Гапону. Это делало его единственным посредником между рабочими общества и администрацией. Залогом успеха новой организации Гапон считал принцип рабочей самостоятельности, когда дело ведётся не чинами полиции, а кружком рабочих, проникшихся сознанием собственных интересов. 15 февраля 1904 года новый «Устав Общества» был утверждён заместителем министра Петром Дурново.

В результате, вплоть до января 1905 года, власти не знали, что происходит в стенах Гапоновского «Собрания», и события 9 января явились для них полной неожиданностью. Это было не политическое «Общество», с настоящими рабочими во главе.

8 января 1905 года, Гапон был объявлен в розыск. После событий 9 января Гапон стал объектом самых активных поисков полиции, а после бегства за границу был взят под наблюдение Заграничной агентурой Департамента полиции. Собрав группу инициативных рабочих, Гапон предложил им «бросить форму московской организации, освободиться от опеки административных нянек и создать материальную независимость». Предложение было поддержано рабочими, и 30 августа 1903 года на Выборгской стороне, на деньги рабочих, была открыта первая чайная-клуб, ставшая центром нового общества. Встав во главе организации, Гапон быстро удалил из него ставленников Зубатова и назначил на все ответственные посты своих людей. Вскоре чайная-клуб был торжественно открыт, под названием «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга».

Оказавшись во главе «рабочего Собрания», Гапон развернул активную деятельность. Формально Собрание занималось организацией взаимной помощи и просветительством, однако Гапон придал ему иное направление. Из числа верных рабочих Гапон организовал особый кружок, который называл «тайным комитетом» и который собирался на квартире Гапона. Ближайшими соратниками Гапона по «тайному комитету» были рабочие Васильев и Варнашёв. На собраниях кружка читалась нелегальная литература, изучалась история революционного движения и обсуждались планы будущей борьбы рабочих за свои права. Замысел Гапона состоял в том, чтобы объединить широкие рабочие массы и поднять их на борьбу за свои человеческие права, за свои экономические и политические интересы.

Первое время дело организации продвигалось туго, и до весны 1904 года численность Собрания не превышала нескольких сот человек. Стремясь расширить свою организацию, Гапон стал искать связей с влиятельными рабочими, которые могли бы привести в Собрание новых членов. Осенью 1903 года ему удалось привлечь к работе в Собрании влиятельную группу рабочих с Васильевского острова, известную под названием группы Карелина. Ведущую роль в этой группе играли супруги Алексей Карелин и Вера Карелина. Это были люди, прошедшие через социал-демократические кружки, но имевшие тактические расхождения с социал-демократической партией. Их объединяла нелюбовь к партийной интеллигенции и стремление найти пути для открытой деятельности в рабочих массах.

Гапон безусловно не проповедовал революционную идею освобождения рабочего класса, путём вооружённого восстания, поэтому подпольная партийная деятельность ему не требовалась. Он стремился создать легальную организацию рабочих по легальному плану, для улучшения их социального и материального положения, и надеялся на выполнение этой задачи, если отдельные группы инициативных рабочих соберутся около него и поддержат его. Таким

образом он думал организовать общество, ведя дело возможно осторожнее, рабочее общество, в которое должно войти возможно большее число членов. Он считал себя призванным стать во главе движения массы людей, а рабочие для этого максимально ему подходили, стать своего рода «апостолом пролетариата». Насчитывая в обществе несколько десятков, а, может быть, и сотен тысяч, можно организовать такую пролетарскую армию, с которой в конце концов правительству и заводчикам придётся считаться, в силу необходимости, и будет возможность улучшить социальное положение рабочих. В этом состоял план Гапона, и он полагал, что такой план имеет будущность.

В «тайном комитете» была принята «программа пяти», ставшая программой организации. Программа, содержащая в себе как экономические, так и политические требования, впоследствии целиком вошла в состав петиции, с которой рабочие шли к царю 9 января 1905 года. «Распространяйте эти мысли, стремитесь к завоеванию этих требований, но не говорите, откуда они», напутствовал рабочих Гапон.

С весны 1904 года рабочие стали вступать в «Собрание» массами, и численность «Собрания» в короткое время возросла до нескольких тысяч.

Осенью 1904 года по инициативе либерального «Союза освобождения» в стране началась кампания земских петиций. В земских петициях и в левой печати выдвигались требования к правительству и царю, конституции и народного представительства. В начале ноября 1904 года Гапон, по своей инициативе, установил связь с представителями «Союза освобождения» и пригласил их на заседание своего «тайного комитета». По приглашению Гапона на встречу прибыли Кускова, Прокопович и Яковлев-Богучарский. Либералы предложили рабочим присоединиться к земской компании и обратиться к властям с такой же петицией, с какими выступали земские деятели. Гапон, со своей стороны, ознакомил их со своей мартовской «программой пяти».

По договорённости с «Союзом освобождения» в отделах стали распространяться либеральные газеты «Наша жизнь» и «Наши дни», «Сын отечества». Газеты читались на рабочих собраниях, а руководители отделов давали им соответствующее толкование. «Газетная тактика» привела к резкой политизации «Собрания», что проявилось в быстром росте его численности. В декабре 1904 года «Собрание» насчитывало уже 9000 членов, а в начале января 1905 года возросло до 20000.

В это самое время произошёл инцидент, с увольнением четырёх рабочих с Путиловского завода, который придал событиям новый оборот.

27 декабря, 1904 года, состоялось заседание руководителей отделов «Собрания» на Васильевском острове, и была принята резолюция. В принятой резолюции, от заводчиков требовали восстановить, на своих местах, уволенных рабочих и уволить мастера Тетявкина. В случае отказа в выполнении требований, рабочие заявляли, что не ручаются за сохранение в городе порядка. После принятия резолюции в более узком кругу руководителей «Собрания», был поднят вопрос о петиции. Гапон и на этом заседании был против подачи петиции, убеждая рабочих вести только стачку. «Я, человек практический и думаю, как бы не вышло из этого хуже, говорит Гапон. Я глубоко убеждён, что стачку мы выиграем, а петиция, нелепость сейчас». Внутренняя оппозиция «Собрания» считала, что именно сейчас наступил самый удобный момент для подачи петиции царю.

3 января, 1905 года, у министра финансов В. Н. Коковцова состоялось совещание заводчиков и фабрикантов, на котором обсуждались меры по прекращению рабочей забастовки. По итогам этого совещания Коковцов написал доклад на имя императора, который был подан ему 5 января. В докладе Коковцов утверждал, что требования рабочих незаконны и невыполнимы для промышленников, а исполнение некоторых из них могло бы нанести тяжёлый урон российской промышленности. В частности, установление 8-часового рабочего дня на Путиловском заводе, выполнявшем ответственный заказ для Маньчжурской армии, могло бы приве-

сти к непоправимым последствиям на военном фронте и потому вообще недопустимо. Коковцов также обращал внимание царя на то, что забастовкой руководит, допущенное властями «Собрание» во главе со священником Гапоном и сообщал, что обратился по этому поводу в Департамент полиции. Царь ознакомился с докладом.

4 января Гапон во главе делегации явился к директору Путиловского завода А. И. Смирнову и зачитал ему список экономических требований. По поводу каждого пункта требований Гапон давал объяснения и возражал на замечания, делаемые директором, причём неоднократно обращался к сопровождавшим его рабочим со словами: «Не так ли, товарищи?» Смирнов в очередной раз отказал в удовлетворении требований, указав основания, почему они неисполнимы. На следующий день забастовка была распространена на другие заводы Петербурга, и ими были также предъявлены широкие экономические требования. 5 января Гапон ходил с делегацией в правление акционеров Путиловского завода и убедился, что требования рабочих не будут удовлетворены. 6 января, он отправился к министру внутренних дел Святополк-Мирскому, но тот отказался его принять. После того, как стало ясно, что все экономические средства борьбы исчерпаны, Гапон решил перейти на путь политики и обратиться непосредственно к царю.

6 января Гапон приехал в Нарвский отдел «Собрания» и произнёс зажигательную речь, в которой призывал рабочих обратиться со своими нуждами непосредственно к царю. Сущность речи состояла в том, что на рабочего не обращают внимания, не считают его за человека, правды нигде нельзя добиться, все законы попорчены, и рабочие должны поставить себя в такое положение, чтобы с ними считались, как с людьми. При этом Гапон призывал всех рабочих, с жёнами и детьми, идти 9 января в 2 часа дня к Зимнему дворцу.

В тот же день Гапон составил текст петиции на имя царя. В основу петиции была положена мартовская «программа пяти», к которой Гапон добавил пространное предисловие и краткое заключение. Предисловие, написанное в стиле церковного красноречия, включало в себя обращение к царю, описание бедственного положения и бесправия рабочих и требование немедленного созыва Учредительного собрания. «Не откажи в помощи Твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнёт чиновников. Разрушь стену между Тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с Тобой», – писал царю Гапон. В кратком заключении Гапон от имени рабочих выражал готовность умереть у стен царского дворца, если просьба не будет исполнена.

6, 7 и 8 января текст петиции читался во всех отделах «Собрания», и под ним собирались тысячи подписей. По подсчёту самого Гапона, подписей было более 100 тысяч.

По свидетельству очевидцев, толпа, возбуждённая Гапоном, пребывала в состоянии религиозной экзальтации. Люди плакали, топтали ногами, стучали стульями, бились кулаками в стены и клялись, как один, явиться на площадь и умереть за правду и свободу. В «Собрании» царил атмосфера мистического экстаза. Люди складывали пальцы крестиками, показывая, что эти требования для них святы и их клятва равносильна присяге на кресте. Ещё никогда, и нигде революционный подъём огромной народной массы, готовность умереть за свободу и обновление жизни, не соединялся с таким религиозным настроением. Популярность самого Гапона в эти дни достигла небывалых размеров. Многие видели в нём пророка, посланного Богом для освобождения рабочего народа. Женщины подносили к нему для благословения своих детей. Люди видели, с какой лёгкостью останавливались огромные фабрики и заводы, и приписывали это «силе» Гапона.

Предвидя, что царь не захочет выйти к народу из опасения за свою жизнь, Гапон потребовал от руководящего кружка рабочих поклясться, что они гарантируют безопасность царя ценой своей собственной жизни. Если, что-либо случится с царём, я первый покончу с собой на ваших глазах, говорил Гапон. По распоряжению, Гапона изо всех отделов «Собрания»

были выделены особые дружины, которые должны были обеспечить охрану царя. Их было до 1000 человек, и они наблюдали за порядком во время мирного крестного шествия.

Накануне выступления, Гапон направил письма, министру внутренних дел Петру Святополк-Мирскому и царю Николаю II, с призывом избежать кровопролития. В своём письме к царю, Гапон писал: «Если Ты, колеблясь душой, не покажешься народу и если прольётся неповинная кровь, то порвётся та нравственная связь, которая до сих пор ещё существует между Тобой и Твоим народом. Доверие, которое он питает к Тебе, навсегда исчезнет. Явись же завтра с мужественным сердцем пред Твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем неприкосновенность Твоей особы.»

8 января, выступая перед рабочими, Гапон уже высказывал мысль, что царь может не выйти к народу и выслать против него войска. В таких случаях он заканчивал свою речь словами: «И тогда у нас больше нет царя!» – и вся толпа отвечала хором: «Нет царя...». Накануне шествия вожаки движения уже не верили, что царь примет петицию. По словам Карелина, «ни у Гапона, ни у руководящей группы не было веры в то, что царь примет рабочих и что даже их пустят дойти до площади. Все хорошо знали, что рабочих расстреляют».

Утром 9 января, Гапон во главе Нарвского отдела «Собрания» двинулся в направлении Зимнего дворца. С ним шло не менее 50 тысяч человек. Другие рабочие шли от своих отделов, рассчитывая соединиться на Дворцовой площади. Перед выступлением Гапон обратился к толпе со словами: «Если царь не исполнит нашу просьбу, значит, у нас нет царя». В последний момент было решено придать процессии характер крестного хода. Из ближайшей часовни были взяты четыре хоругви, иконы и священническая епитрахиль, в которую облачился Гапон. Впереди шествия несли портреты царя и большой белый флаг с надписью: «Солдаты! Не стреляйте в народ!». Когда толпа приблизилась к Нарвской заставе, её атаковал отряд кавалерии. Гапон скомандовал: «Вперёд, товарищи! Или смерть, или свобода!», после чего толпа сомкнула ряды и продолжала движение.

Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных обще-полицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу», говорилось в правительственном докладе. Когда шествие вышло на дворцовую площадь, по толпе были произведены ружейные залпы, и первые ряды повалились на брусчатку. Залпами были убиты ближайшие соратники Гапона, рабочий Иван Васильев и телохранитель Михаил Филиппов, шедшие рядом с ним. Сам Гапон получил лёгкое ранение в руку и был повален на землю общим напором толпы. После последнего залпа задние ряды обратились в бегство, и шествие было рассеяно. Этот день вошёл в историю под названием «Кровавого воскресенья».

В воскресенье, 9 января, Царь Николай II предал свой народ, разорвал нравственную связь со своим народом, как последствие, народ предал царя, расстреляли впоследствии лично императора и его семью.

После расстрела демонстрации, Гапон был уведён с площади эсером Рутенбергом. По дороге Гапона остригли и переодели в светскую одежду, отданную одним из рабочих, а затем привели на квартиру писателя Максима Горького. Увидев Гапона, Горький обнял его, заплакал и сказал, что теперь «надо идти до конца». На квартире Горького Гапон написал послание к рабочим, в котором призывал их к вооружённой борьбе против самодержавия. В своём послании Гапон писал, «Родные товарищи-рабочие! Итак, у нас больше нет царя! Неповинная кровь легла между ним и народом. Да здравствует же начало народной борьбы за свободу!». Вечером того же дня Гапон вместе с Горьким пришёл на собрание левой интеллигенции в Вольно-экономическом обществе. Выступая перед собравшимися, Гапон призвал их поддержать народное восстание и помочь рабочим добыть оружие. После выступления Гапон был уведён и спря-

тан на квартире литератора Батюшкова. Здесь он написал ещё несколько посланий к рабочим с призывом к восстанию.

Григорий Гапон явился зачинателем пролетарских революционных выступлений, но при этом он реально боролся и за улучшение материального положения рабочих, а не за «долгой самодержавие».

После событий «Кровавого Воскресенья» 9-ого января, представители всех революционных партий России осознали мощь выступлений пролетариата, и начали активную фазу подготовки к вооружённому восстанию, ситуацию расстрела стремились использовать по максимуму.

10 марта 1905 года, Правительствующий Синод по представлению митрополита Антония (Вадковского) от 4 марта, лишил Гапона сана священника и исключил его из духовного звания. Гапон стал светским человеком.

В начале февраля 1905 года Гапон прибыл в Женеву, главный центр зарубежной деятельности русских революционеров. В это время о священнике-революционере писали все европейские газеты, и имя его было у всех на слуху. В короткое время Гапон приобрёл за границей такую славу, какой в прошлом не пользовался ни один русский революционер. Не зная иностранных языков, Гапон зашёл в Женеве в русскую библиотеку и назвал своё имя библиотекарю. Библиотекарь, который оказался социал-демократом, немедленно отвёл его на квартиру Георгия Плеханова. Плеханов встретил Гапона с распростёртыми объятиями и устроил ему чаепитие, на которое были приглашены главные лидеры социал-демократической партии, Засулич, П. Аксельрод, Л. Аксельрод, Потресов, Дан и другие.

Гапона, «взяли в плен» и несколько дней подвергали обработке, пытаясь обратить в «правоверного» социал-демократа. В разговоре Гапон высказал свою симпатию к социал-демократическому учению, и на следующий день в газетах появилось сообщение, что Гапон объявил себя социал-демократом. Однако Гапон не проявил стремления к теоретическим знаниям, и вскоре сблизился с эсерами, которых считал «практическими» людьми.

Переехав к эсерам, Гапон поселился на квартире Шишко. Здесь с ним познакомились главные деятели партии эсеров, Чернов, Савинков, Брешко-Брешковская, Гоц, Азеф, Русанов и другие. Эсеры окружили Гапона почитанием, за всё хвалили и познакомили с видными французскими политиками, Жоресом и Клемансо. В это время Гапон активно готовился к новому революционному выступлению, в котором рассчитывал сыграть главную роль. Готовясь встать во главе восстания, Гапон учился верховой езде, стрельбе из пистолета и искусству изготовления бомб. В беседах с эсерами Гапон говорил, что поклялся отомстить за 9 января, и готов использовать для этого любые средства. Чтобы подготовить народ к восстанию, Гапон писал революционные воззвания, которые печатались эсерами и нелегально ввозились на территорию России. В своих воззваниях он призывал к самым крайним методам борьбы с самодержавием.

В феврале 1905 года Гапон выступил с инициативой созыва межпартийной конференции, которая должна была объединить все революционные партии России в деле подготовки и проведения вооружённого восстания. Идея такой конференции принадлежала финскому революционеру Циллиакусу. Циллиакус предлагал деньги на приобретение оружия для предстоящего восстания. Как было установлено позже, деньги Циллиакуса на вооружённое восстание имели японское происхождение. Эта инициатива, по созыву межпартийной конференции исходила и от меньшевиков и фактически конференция стала съездом всех революционных партий, за исключением большевиков. Гапон с энтузиазмом схватился за это дело, и 7 февраля, он

обратился с «Открытым письмом к социалистическим партиям России», в котором призывал их объединиться в борьбе с самодержавием. Письмо было отправлено в Международное социалистическое бюро и разослано всем заинтересованным организациям. Чтобы обеспечить представительство революционных партий, Гапон вёл предварительные переговоры с их лидерами. Гапон встречался с представителями меньшевиков, большевиков, Бунда, «Союза освобождения» и различных национальных партий.

В начале февраля Гапон встретился с лидером большевиков Лениным. По воспоминаниям Крупской, накануне встречи, Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол. Гапон был живым куском нараставшей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался этой встречей. Встреча состоялась на нейтральной почве, в кафе, и прошла успешно. Ленин с Гапоном подружился и стал занимать у Гапона «деньги на революцию», на дела большевистской партии. Гапон всегда был при деньгах и раздавал их «в долг» пачками, при первой же просьбе. Сам он вёл жизнь аскета. Получаемые деньги всегда тратил на нужды рабочих. Аненнский, общавшийся с Гапоном за границей, писал, «И в Женеве, и в Лондоне Гапон жил скромно, и если тратил иногда лишний рубль, то только на телеграммы, галстуки и разъезды во втором классе». О бедной обстановке, в которой жил Гапон после возвращения в Россию, вспоминал журналист Пильский и многие другие.

Ленин горячо поддержал идею объединения и обещал выступить с ней на ближайшем съезде социал-демократической партии. По итогам встречи Ленин написал статью «О боевом соглашении для восстания», в которой приводил текст письма Гапона и выражал ему поддержку. Выступая на III съезде РСДРП, большевистском, Ленин характеризовал Гапона как «человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания».

Женевская межпартийная конференция состоялась в апреле 1905 года. На неё съехались представители 11 революционных партий России. Большевики в этой конференции не участвовали, у них проходил свой III съезд РСДРП, в Лондоне. Председательствующим на конференции был избран Гапон, секретарём, эсер Аненнский. Несмотря на уход с конференции социал-демократов, она дала ценные практические результаты. По итогам конференции были приняты две декларации, в которых провозглашались общие цели собравшихся партий, вооружённое восстание, созыв Учредительного собрания, провозглашение демократической республики и социализация земли. На конференции было достигнуто соглашение о создании единого боевого комитета, который должен был руководить подготовкой восстания. Кроме самого Гапона, в состав комитета вошли Брешко-Брешковская и князь Хилков. Назначение боевого комитета состояло в том, чтобы увеличить моральную силу революции, создать веру в единство революционных сил и облегчить боевые соглашения между партиями внутри России.

Князь Хилков, русский политический деятель, толстовец, революционер из княжеского рода Хилковых. В 1885 году, он, свою землю в триста восемьдесят десятин продал по низкой цене крестьянам, а сам, оставив себе надел в семь десятин, стал жить личным земледельческим трудом. В 1887 году Хилков вступил в переписку с Львом Толстым и стал сторонником толстовства. Его дом превратился в сектантский, толстовский центр. Хилков был женат без церковного брака на Цецилии Владимировне Винер (1860—1922), дочери своего знакомого по Кавказу, полковника Владимира Ивановича Винера, и также последовательнице Толстого. Дети их не были крещены, что, по тогдашним российским законам, лишало их состояния и титула. Это вызвало крайнее недовольство матери Хилкова, Юлии Петровны Хилковой. Хилков пропове-

довал крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви и брака, на началах социализма. В феврале 1892 года Хилков был выслан административно в Закавказье. Местом ссылки ему было назначено духоборческое село Башки-чет Борчалинского уезда Тифлисской губернии. В 1896 году Хилков был переведен в уездный город Вейсенштейн, нынешний Пайде, Эстляндской губернии. В 1898 году получил разрешение уехать за границу. После короткого визита в толстовскую колонию в Пурлее в Англии, Хилков в августе 1898 поехал в Канаду, где осматривал места для предполагавшегося переселения духоборов и вёл переговоры с канадским правительством о переселении духоборов. Среди лиц, занимавшихся обустройством духоборов на новом месте, вспыхнули разногласия по финансовым вопросам. Хилкова обвинили в том, что при осмотре земли, предложенной канадским иммиграционным комитетом, он не обратил должного внимания на важные экономические и климатические факторы, потому что канадское правительство дало Хилкову взятку.

Поселившись в июле 1899 года в Женеве, где находилась его семья, Хилков сотрудничал с социал-демократами Бонч-Бруевичем и Величкиной. Сотрудничал в толстовском издании «Свободная мысль» и участвовал в создании марксистского журнала «Жизнь». Сотрудничал он и в газете «Искра». Одновременно сотрудничал с религиозным изданием евангельских христиан «Беседа».

Начиная с сентября 1901 года Хилковым была издана серия революционных противоправительственных брошюр под общим названием «Народные листки». В числе их была брошюра, им самим составленная, «Об уличных беспорядках. Мысли военного», призывавшая к вооружённой борьбе с правительством. Хилков советовал формировать «десятки» и боевые дружины для вооружённой борьбы. В 1902 году Хилков перешёл уже к прямой пропаганде массового террора, заявляя, что каждый революционер должен быть террористом.

В 1903 году Хилков вступил в партию социалистов-революционеров, входил в заграничный комитет эсеров. Активно участвовал в конспиративной работе революционеров.

В ноябре 1905 года Хилков вернулся в Россию и поселился в своем хуторе Павловка. Взгляды его претерпели радикальное изменение, теперь он становится истовым православным и усерднейшим апологетом церкви. Из революционеров вернулся в князи. Бывший толстовец и бывший революционер уговаривает своих сыновей посвятить себя военной или государственной службе. Когда началась война 1914 года, Хилков решил вновь поступить на военную службу. Царь его простил! По личному распоряжению Николая II он был назначен войсковым старшиной Кубанского 3-го Хоперского полка, в котором служил еще в годы русско-турецкой войны. 15 октября 1914 года он был убит в Карпатах, находясь в разведке.

Ленин, кооптированный через три месяца после II съезда РСДРП, в состав ЦК РСДРП, продержался в нем чуть больше года, и в начале 1905 года он был исключен из состава ЦК. Правда, через пару месяцев, в апреле, на III съезде партии, который был чисто большевистским, Ленин был избран в ЦК. Меньшевики отказались от участия в этом съезде и провели в Женеве свой съезд, который они назвали конференцией. По этому событию, Ленин говорил, два съезда, две партии. У большевиков съезд проходил в Лондоне, начался он 12 (25) апреля. На нём был представлен 21 большевистский комитет. Ленин получил мандат делегата съезда от Одесского комитета.

В мае 1905 года Гапон на короткое время вступил в партию эсеров. Инициатором его вступления был Рутенберг. Как следует из мемуаров Рутенберга, эсеры надеялись, что партийная дисциплина свяжет Гапона и удержит его от попыток проводить самостоятельную политику. Гапону было предложено заняться изданием «Крестьянской газеты». Однако у самого Гапона были иные планы. По словам Аненнского, Гапон попытался подчинить всю партию эсеров и руководить всеми её делами. Едва вступив в партию, он потребовал, чтобы его ввели

в центральный комитет и посвятили во все конспиративные дела. В этом ему было отказано, и Гапон остался недоволен, не будучи в состоянии смириться с положением рядового члена партии.

Чернов характеризовал Гапона как крайнего анархиста, не способного сговариваться с другими.

Гапон давал свою характеристику революционных партий, после ознакомления с ними. Социал-демократов Гапон называл «талмудистами» и «фарисеями», а про эсеров говорил, что его не удовлетворяет их программа и тактика. Сам он решил организовать «Рабочую Партию», на основе своего «Собрания» в С.-Петербурге.

Инициатива Гапона по созданию «Рабочей Партии» была активно поддержана либералами из «Союза освобождения» во главе со Струве. В июле 1905 года в письме к Прокоповичу Струве писал, «Следует, не теряя времени, приехать за границу для переговоров и соглашения с Гапоном и основания совместно с ним «Рабочей Партии» и начертания плана компании. Это станет крупным делом и его нужно как можно скорее подвинуть вперёд». Идея рабочей партии была поддержана также Максимом Горьким, который в том же месяце писал, что в Питере «быстро и крепко сливается новая партия, исключительно рабочие, бывшие члены Гапонова общества, и определял их численность в 30 000 человек. По утверждению Гапона, Горький обещал пожертвовать на счёт «Рабочего Союза» 100 тысяч рублей, однако впоследствии отказался от этой идеи, под влиянием большевиков.

Летом 1905 года Гапон поселился в Лондоне, где познакомился с местными русскими эмигрантами, Петром Кропоткиным, Н. Чайковским, Волховским и другими. С Кропоткиным у Гапона установились наиболее дружеские отношения, к нему он относился с большим уважением и ставил его выше всех русских революционеров. Под влиянием Кропоткина, Гапон увлёкся идеями анархо-синдикализма и продолжал интересоваться этим учением и после возвращения в Россию. Кропоткин, со своей стороны, говорил, что Гапон, это «большая революционная сила», и защищал его от нападков партийных революционеров. Кропоткин познакомил Гапона с английскими тред-юнионами, которые заинтересовались положением рабочих в России и обещали пожертвовать крупные суммы денег на Гапоновский «Рабочий Союз».

Проживая в Лондоне, Гапон получил от английского издательства заказ на написание своей автобиографии. Для работы над книгой Гапон пригласил журналиста Давида Соскиса, который писал под диктовку Гапона на английском языке. Через несколько месяцев книга была готова и вышла большими тиражами под заглавием «The Story of My Life», «История моей жизни». Впоследствии книга была переведена на многие языки мира, включая русский. Деньги, заработанные литературным трудом, Гапон жертвовал на нужды рабочей организации. Последняя глава книги называлась «Будущее русской революции» и заканчивалась следующими словами:

«...По всему этому я могу с уверенностью сказать, что борьба идёт быстро к концу, что Николай II готовит себе судьбу одного из английских королей или французского короля недавних времён, что те из его династии, которые избегнут ужасов революции, в недалёком будущем будут искать себе убежища на Западе.»

Тем же летом Гапон по просьбе еврейской общины написал небольшую брошюру против еврейских погромов. Брошюра вышла под названием «Послание к русскому крестьянскому и рабочему народу от Георгия Гапона». В «Послании», написанном в стиле церковной проповеди, Гапон утверждал, что царские власти сознательно натравливают бедный народ на евреев, чтобы отвратить его от борьбы со своими истинными врагами, чиновниками, помещиками

и капиталистами. Послание заканчивалось следующими словами: «Русский народ, народ православный, народ христианский! Как думаешь ты, если бы Христос Спаситель наш явился теперь в Своём земном виде в нашу Русь святую, то не заплакал ли бы Он ещё горше вторично, видя, как ты празднуешь светлое Его воскресение великими погромами Его народа любимого, бедноты еврейской? Подумай и ответь – не мне, а себе, в сердце своём...». Брошюра была издана тиражом в 70 000 экземпляров и нелегально распространялась в России всеми революционными организациями, за исключением большевиков.

На пути в Россию, Гапон поучаствовал в предприятии по доставке оружия для вооружённого восстания в С.-Петербург. Инициатива предприятия принадлежала финскому революционеру Конни Циллиакусу, который пожертвовал на него большую сумму денег. Деньги были распределены между российскими революционными партиями и потрачены на закупку оружия. Для транспортировки оружия в Россию в Англии был зафрахтован пароход «Джон Графтон». Главную роль в приобретении и погрузке оружия сыграли эсеры, но для приёмки и распределения оружия в России у них не было достаточных возможностей. Тогда-то и было решено привлечь к делу Гапона с его рабочей организацией. Замысел Циллиакуса, Гапон встретил с восторгом и решил сам ехать в Россию для приёмки оружия. С помощью рабочего Петрова Гапон убедил Циллиакуса, что питерские рабочие уже готовы к восстанию и единственное, чего им не хватает, это оружия. Замысел Гапона был таков, «Десять или двадцать тысяч рабочих собираются к одной из приморских пристаней, поблизости Петербурга, и захватывают её в свои руки. В это время он, Гапон, подъезжает к пристани на корабле, нагруженном оружием. Рабочие вооружаются, и он во главе их двигается на Петербург».

Циллиакус вручил Гапону 50 тысяч франков и отдал ему свою яхту, на которой тот пустился в плавание через Балтийское море. Предварительно Гапон встретился с Лениным и договорился, что большая часть оружия будет передана большевикам, у которых к этому времени была хорошая боевая организация. Посредником между Гапоном и большевиками должен был выступить Максим Горький, который с этой целью выехал из Петербурга в Финляндию. В конце августа Гапон пересёк Балтийское море и прибыл в Финляндию, где укрывался от полиции деятелями Финской «Партии активного сопротивления». У берегов Финляндии бот, на котором находился Гапон, пошёл ко дну, и он спасся только благодаря собственной физической силе и ловкости. Вскоре, однако, пришло известие, что пароход «Джон Графтон» сел на мель в Финском заливе и большая часть оружия досталась полиции. По убеждению Циллиакуса, виновником неудачи был Азеф, глава боевой организации эсеров, сотрудничавший с полицией. Он принимал в предприятии по доставке оружия активное участие, и знал все подробности и детали этого дела.

После возвращения в Россию в октябре-ноябре 1905 года, из эмиграции, Гапон, выступил основателем революционной организации «Всероссийский рабочий союз». Так же он продолжал руководить возрождённым «Собранием русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», стал союзником графа Витте, сторонником реформ, провозглашённых Манифестом 17 октября, выступил как противник вооружённых методов борьбы с самодержавием.

В интервью американскому журналисту, Гапон сказал, «Пролетариат своим неуместным вооружённым восстанием в данное время может привести к страшно убийственной гражданской войне, которая зальёт братской кровью улицы, города и поля моей родины, разорит вконец страну, надолго ослабит пролетариат и, главное, вызовет реакцию и, пожалуй, военную диктатуру. Одним словом, вооружённое восстание в России в данное время есть тактическое безумие».

В марте 1906 года, Григорий Гапон был завлечён и убит в Озерках, С.-Петербург, группой боевиков-эсеров, в доме, который снимал Пётр Рутенберг. «Фарисеи» казнили «апостола пролетариата». В конце концов, Гапон стал мешать всем революционерам, так как гнул свою линию, мешал им «оседлать» рабочие массы трудящихся, в соответствии с их планами. Григорий Гапон был удушен верёвкой и подвешен на крюк, в доме в Озерках эсерами, по обвинению в сотрудничестве с властями и предательстве революции. Эсеры выполнили привычную для них «работу», иначе они изменников от себя не отпускали.

Глава 9

Вооружённое восстание 1905 год. Одесса, Севастополь, Корабли Черноморского Флота

4 февраля 1905 года, было совершено дерзкое убийство террористом-эсером, Иваном Каляевым, московского градоначальника и генерал-губернатора, Великого князя, Сергея Александровича, командовавшего расстрелом крестного хода рабочих, на дворцовой площади С.-Петербурга, 9 января. Это было отмщение за расстрел мирной манифестации рабочих на дворцовой площади С.-Петербурга, 9-ого января.

14 июня 1905 года вспыхнуло и длилось по 25 июня восстание на броненосце «Потёмкин». Оно послужило примером для восстаний на других кораблях Черноморского флота, и в городах черноморского побережья России. Россия была ещё в состоянии войны с Японией, до сентября этого, 1905 года.

Корабли русской 2-й Тихоокеанской эскадры, погибшие под Цусимой, были кораблями Балтийского флота Российской империи. Ещё в процессе формирования и следования «2-й Тихоокеанской эскадры» на Дальний Восток, на Черноморском флоте России стали циркулировать слухи, что возможна отсылка на театр военных действий и кораблей Черноморского флота, «3-й Тихоокеанской эскадры». После поражения при Цусиме, эти слухи усилились. Многие матросы, выслужившие срок службы, опасались и противились отправке на войну, они легко поддавались агитации со стороны революционеров.

Проходивший в Лондоне в апреле 1905 года III съезд РСДРП, который проводили только большевики, принял решение проводить в России политику, направленную на начало вооружённого восстания. Такие же решения приняли и руководящие органы других революционных организаций, меньшевики (РСДРП), социалисты-революционеры, анархисты, Бундовцы.

Выполняя решения съезда, военные организации РСДРП и других партий Севастопольского гарнизона, создали «Центральный объединённый Комитет», в состав которого вошли, Г. Вакуленчук, С. Дейнега, А. Петров, И. Черный, И. Яхновский и другие. Этот комитет матросы называли «Матросской централкой». «Централка» стала готовить всеобщее восстание на Черноморском флоте, запланированное на осень 1905 года. «Централка» установила связи с комитетами РСДРП ряда приморских городов, а также находящимся в Лондоне руководителем большевиков Лениным. Нарастающие революционные настроения на флоте, волнения солдат севастопольской крепостной артиллерии в начале июня 1905 года и выступления в их защиту матросов броненосцев «Екатерина II» и «Три святителя», заставили «Централку» перенести сроки начала восстания на лето 1905 года. События, произошедшие на броненосце «Потёмкин», после выхода его из ремонта с Николаевских верфей и направленного на учебные стрельбы, на морской полигон вблизи Одессы, были неожиданными для руководства большевиков «Централки». Вдохновителем восстания на «Потёмкине» стал Афанасий Матюшенко, минно-машинный квартирмейстер 1-ой статьи, младший унтер-офицер.

Политическая обстановка весной и летом 1905 года в Одессе была напряжённой. 1 мая в городе проводились традиционные мероприятия пролетариата, гулянья, сходки, митинги, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. Весной в Одессе более месяца длилась «всеобщая стачка», охватившая все одесские заводы, фабрики и мелкие мастерские, парализовавшая городскую жизнь и сильно усложнившая бытовые условия жизни для жителей. К стачке, «несознательные» работники, привлекались силой, путём угроз и даже избиений, разгромом

тех производств, которые отказывались бастовать. В город были введены казачьи части, которые патрулировали улицы совместно с усиленными нарядами полиции. Еврейское население города, составляющее в Одессе самое значительное национальное меньшинство, до 40% населения, или до 170 тыс. человек в абсолютной величине, встревоженное сообщениями о еврейских погромах, прошедших в некоторых городах Юга России, готовилось к погромам и в Одессе. Бунд приступили к организации «отрядов самообороны», члены которых вооружались огнестрельным оружием. В планы меньшевистской фракции РСДРП и Бунда, входило образование, по итогам восстания в Одессе, Южной-Русской республики.

В Одессе, и во всей России, в это время существовало две организации РСДРП, большевистский «Одесский комитет РСДРП» и меньшевистская «Одесская группа РСДРП» и Бунд, представители которого были во всех фракциях РСДРП. В мае 1905 года, для оказания влияния на забастовочное движение, этими группами была создана «Соединённая комиссия», в которую также вошли и представители обеих фракций РСДРП и Бунда.

В понедельник 13 июня 1905 года, рабочие завода сельскохозяйственных машин Иоганна Гена, проводившие к тому моменту уже более месяца забастовку с экономическими требованиями, решили провести совместную встречу, для обсуждения текущих дел и планов на будущее. С просьбой, о разрешении на такую встречу, к градоначальнику была послана депутация рабочих. Градоначальник, запросив мнение фабричного инспектора, в проведении встречи рабочим отказал. Тогда толпа рабочих, в 200—300 человек, решили собраться вопреки запрету властей, начали скапливаться на улице, у заводского управления. Полиция, видя проведение несанкционированного митинга, произвела аресты участников, выхватывая их прямо из толпы и отводя их в полицейский участок. Толпа рабочих последовала за арестованными к полицейскому участку, требуя освобождения арестованных. Для усмирения беспорядков были вызваны казаки. Собравшиеся рабочие стали забрасывать прибывших казаков камнями, причём среди казаков были раненые. Казаки дали залп по толпе боевыми патронами, двое рабочих было убито.

После этого, начались стычки рабочих с полицией и казаками во многих местах центра города. Организаторы беспорядков шли на разжигание конфликта, спецгруппы вели стрельбу в казаков и полицию из окон верхних этажей зданий, метали в них бомбы. Полиция самоустрашилась от ловли террористов.

В самый разгар беспорядков, в 20:00, этого же дня, 14 июня, на рейде Одессы появился броненосец «Потёмкин», захваченный восставшей командой. Члены избранного на броненосце комитета, «судовой комиссии» для управления кораблём, поставив корабль на якорь, на одесском рейде, собрались на совещание в адмиральской каюте. На совещании было решено, пригласить на борт корабля представителей городской социал-демократической организации, для чего в город по адресам, известным руководителям восставших, наутро были отправлены два курьера. Кроме того, были ещё два задания для курьеров, поиск топлива и провизии для корабля, и провести в Одессе демонстрацию похорон, убитого, якобы офицером экипажа, артиллерийского квартирмейстера унтер-офицера Григория Вакуленчука, который был одним из двух, организаторов бунта на корабле. Всего было убито в перестрелке между взбунтовавшимися матросами, захватившими стрелковое оружие и караульной командой, охранявшей броненосец, 12 человек, включая матросов и офицеров.

Восстание на «Потёмкине» было подготовлено и начато «кем-то», кто готовил и восстание в Одессе, вероятнее всего к исполнению этой задачи были привлечены эсеры, как партия, пользовавшаяся авторитетом среди матросов. Броненосец пришёл к Одессе, на полигон для проведения стрельб и проверки готовности вооружения после ремонта, точно в день начала Одесского восстания.

Броненосец «Князь Потёмкин Таврический» был на тот момент самым новым и одним из сильнейших кораблей Черноморского флота России. Постройка корабля затянулась, из-за произошедшего во время постройки пожара в котельном отделении и обнаруженных дефектов брони башен орудий главного калибра. Корабль только что успешно прошёл ходовые испытания и приступил к испытанию вооружения, на морском полигоне коса «Тендер», недалеко от Одессы.

Из-за продолжительных контактов с рабочими судоремонтных заводов, экипаж корабля был «разложен» революционной агитацией. Командир броненосца получал анонимные письма с предупреждениями о готовящемся восстании. За день до выхода в море на учебные стрельбы, с корабля было списано 50 матросов, которые сами подали прошение о списании, так как они знали о готовящемся восстании и не желали в нём участвовать. В тот же день командир корабля списал ещё около 40 матросов, которых считал неблагонадёжными. Меры безопасности, хотя бы по охране склада личного оружия, командиром корабля приняты не были.

На момент выхода в море, на борту броненосца находился экипаж из 781 матроса, 15 офицеров, двух врачей и священника. Увеличение численности команды по сравнению со штатной было вызвано тем, что в море было взято большое количество учеников кочегаров и машинистов. Молодых матросов призыва 1904 года, которые попали на борт корабля только весной 1905 года, было 28% от общего числа. Всего доля «новобранцев» составляла 56%. Сверхсрочников, опытных матросов, оставшихся служить на флоте по истечении положенных семи лет, было 16 человек. 80 матросов служили, до этого корабля, на других кораблях Российского флота. Из них, 14 матросов служили до «Потёмкина» на крейсере «Варяг», которые были участниками боя у Чемульпо, хотя по легенде, созданной позже, Варяг самозатопился, со всей командой.

Численность офицеров на корабле, вышедшем на стрельбы, была ниже штатной. Некомплект был связан с общей нехваткой офицерского состава на флоте из-за шедшей Русско-японской войны. Несколько штатных офицеров «Потёмкина» не вышли на стрельбы из Севастополя по различным причинам. Качество подготовки офицеров и опыт службы также были весьма низкими. Половина офицеров были малоопытными, 2—3 года как выпущенными из училищ, а четверо офицеров «Потёмкина», были гражданскими моряками, отбывавшими воинскую повинность в связи с Русско-японской войной. Увеличение числа команды по сравнению со штатной с одной стороны и некомплект, и отсутствие служебного опыта, имевшихся в распоряжении командира корабля офицеров, снижали возможности управления командой корабля.

На борту находились также 23 рабочих Николаевского судостроительного завода, вышедших в море для устранения различных заводских недоделок, они покинули борт броненосца в Одессе 16 июня 1905 года, через два дня после прибытия на рейд Одесского порта.

Бунт на броненосце начался из-за отказа части экипажа есть борщ, из-за некачественного мяса, заложенного в борщ и неоправданной попытки командира корабля, подавить бунт мерами устрашения расстрела на месте, при отсутствии боевых офицеров в экипаже, что стихийно переросло в вооружённое выступление, как мера самозащиты матросов. Испорченное мясо, с душком, был рядовым явлением для кораблей Черноморского Флота, из-за отсутствия на них холодильников, просто нужен был повод для бунта, а этот повод был всегда и на всех кораблях флота. Перед тем, как матросы отказались есть борщ, «пьющие» приняли, положенную по регламенту на флоте, перед обедом, чарку водки, 127 грамм, полстакана. Матросы-бунтари, которые захватили корабль в свои руки, убив при этом часть офицеров и своих же матросов, из-за неразберихи, были выпивши.

Восставшие матросы, после проведения собрания экипажа и выборов «судовой комиссии», по решению, принятому «судовой комиссией», повели корабль в Одессу, где надо было пополнить запасы угля, воды и продовольствия, и поддержать проходившие в городе антипра-

вительственные выступления, дождаться прибытия главных сил Черноморского флота, которые присоединятся к восстанию. «Судовая комиссия» состояла из 71 матроса старослужащих, из вожаков остался младший унтер-офицер Афанасий Матюшенко, второй вожак, унтер-офицер Григорий Вакуленчук, был убит шальной пулей. Все необходимые действия для экипажа, Матюшенко внедрял в сознание матросов на сходках экипажа и в «судовой комиссии», которая была создана в начале бунта, через своих ставленников. После того, как планы и надежды восставших не оправдались, броненосец, совершив поход от Одессы до Констанцы, потом до Феодосии и обратно в Констанцу, спустя одиннадцать дней, с начала восстания, сдался румынским властям в порту Констанца.

В порту Одессы.

В акватории порта Одесса, экипаж «Потёмкина», по подсказке портовых грузчиков и при их помощи, захватил транспорт «Эмеранс» с грузом угля. Рабочие порта, в количестве 300 человек, бесплатно, перегрузили с транспорта «Эмеранс» на броненосец 15000 пудов угля. Без угля, броненосец превращался в гору бездействующего железа.

Около 4:00, 15 июня, с броненосца на берег, был отвезён труп Вакуленчука, который был убит в перестрелке взбунтовавшихся матросов и караульной команды броненосца. Труп разместили на Новом молу в специально сооружённой палатке и приставили к ней караул. У трупа вывесили плакат, «матрос Григорий Вакуленчук застрелен старшим офицером за отказ есть борщ из протухшего мяса». На броненосец прибыли представители местных социал-демократических организаций и «Соединённой комиссии» восставшей Одессы. Большевики Афанасий и Наташа, представители меньшевиков и Бунда, Абрам Березовский и Константин Фельдман.

Около 8:00, к борту броненосца прибыла шлюпка с начальником Одесского торгового порта Герасимовым, товарищем прокурора Абрашкевичем и несколькими жандармами, под командой помощника пристава портового участка Фёдорова, с целью разузнать о происходящем на броненосце и причинах, приведших к восстанию команды. Матросы экипажа, заставили находящихся в лодке разоружиться, потребовав, чтобы те выбросили оружие за борт, а потом вообще прогнали шлюпку от броненосца.

При участии прибывших на корабль революционеров, было проведено собрание экипажа. Было составлено обращение восставших к войскам гарнизона и к жителям Одессы, с призывами поддержать восстание в городе. Одесской группой РСДРП, меньшевиками, эти воззвания были размножены в виде листовок и распространялись по городу. В конце собрания матросы потребовали убрать с корабля «вольных», двух представителей большевистской фракции РСДРП, Афанасия и Наташу, с корабля отправили на берег. А двух других представителей меньшевистской фракции РСДРП и Бунда, Абрама Березовского и Константина Фельдмана, под давлением второго руководителя бунта, Матюшенко, оставили на борту, и они стали идеологами восстания, большевики были удалены с корабля. Во время перехода в румынскую Констанцу, оставшиеся революционеры, подготовили документы для передачи румынским властям, «Обращение ко всему цивилизованному миру», в котором до всех адресатов доводилось, что моряки ведут борьбу за свержение самодержавия, второй документ, «Обращение к иностранным державам», в котором восставшие уверяли, что их действия не несут никакой опасности экономическим интересам иностранных держав в регионе. Про «борщ» ни в одном документе не упоминалось. Румынские власти передали эти документы российскому консулу в Констанце, а не иностранным представителям, как требовали восставшие.

С самого утра, 15 июня, в порту начала собираться толпа, полиция, ввиду своей малочисленности, не смогла предотвратить начавшегося стихийного митинга у тела убитого Вакуленчука, а к 10:00 полиция и вовсе покинула порт. Когда до команды броненосца дошли вести, что прибывающие в порт войска намереваются разогнать этот митинг, в 11:21 на мачте броненосца был поднят сигнальный красный флаг «Наш», означающий готовность к артиллерийской стрельбе, таким образом восставшие предупреждали сухопутное командование, что откроют

артиллерийский огонь по городу, если те попробуют применить силу против митингующих в порту. Этот же сигнальный флаг поднимался за время восстания на броненосце ещё дважды, на следующий день, 16 июня, при обстреле Одессы, и 23 июня при подготовке обстрела Феодосии.

Уже в советское время, произошло полное отождествление сигнального флага красного цвета, поднятого на броненосце, с красным знаменем революции.

Находящиеся на борту броненосца одесские социал-демократы пытались склонить «судовую комиссию» к решению о высадке десанта в Одессу и захвате ключевых объектов города, но «судовая комиссия» приняла решение не разбивать команду на части, а в полном составе экипажа ждать прихода эскадры, с которой, возможно, придётся вести бой. Фактически это был вежливый отказ, так как, «судовая комиссия» знала, что при высадке десанта на берег, десант на берегу разбежится, сдастся властям и на корабль мало кто возвратится.

К полудню, по приказу командующего Одесским военным округом, в город были введены два пехотных полка, Ставучанский из Бендер и Симферопольский из Екатеринослава, а также Донской казачий полк. В порту уже собралось до пяти тысяч митингующих человек. Войскам было приказано окружить порт, перекрыть все выходы из него и никого не впускать и не выпускать из него. В сам порт, войскам было приказано не входить, так как стало известно об угрозе броненосца открыть стрельбу по войскам, если они начнут действовать против собравшихся в порту людей.

В 18:15 портовое судно «Веха», только что прибывшее в Одессу и не имевшее сведений о происходящем в порту и в городе, было захвачено восставшими матросами. Все офицеры судна во главе с полковником Эйхеном были арестованы. «Веху» начали переоборудовать в госпитальное судно на случай боя с эскадрой.

В 21:00 «судовая комиссия» приняла решение, в случае встречи с эскадрой, первыми огня не открывать, но, если эскадра нападёт на «Потёмкин», дать ей бой. Все арестованные офицеры судна «Веха», были отпущены в Одессу, арестованных офицеров броненосца и миноносца было решено отпустить в Одессу на следующее утро, 16-ого. С наступлением темноты, в ожидании эскадры, была сыграна боевая тревога. Каждому орудью было выделено по шесть снарядов, торпедные аппараты приведены в боевую готовность, матросы легли спать на боевых постах, всю ночь воды вокруг броненосца освещали прожекторами.

Уже 15 июня 1905 года, секретарь Одесского комитета РСДРП большевиков Гусев направил в Лондон, Ленину письмо, в котором информировал о прибытии броненосца под управлением мятежной команды в Одессу и об открытии для революционеров уникальной возможности захватить в городе власть в свои руки и создать Временное революционное правительство.

Ленин узнал о происходящем в Одессе из газет, 17 июня, он направил в Одессу своего курьера, большевика Васильева-Южина, с инструкциями по расширению масштабов восстания. Дополнительно, якобы Ленин, напутствовала Васильева-Южина, «Задание очень серьёзное. Нам известно, что броненосец „Потёмкин“ находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать поднятое на нём восстание. Постарайтесь, во что бы то ни стало, попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант в город. Не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян к восстанию».

Васильев-Южин опоздал, прибыв в город 20 июня, когда броненосец ушёл из порта. Да и прибудь он во время, его не приняли бы на борт, там уже были революционеры, которые

не смогли добиться от «судовой комиссии» высадки десанта, и «вольных» на борт не допускали.

Постепенно ситуация в порту начала изменяться к худшему. Прибывшие с утра, 15-ого, в порт жители близлежащих благополучных районов, интересовавшиеся и сочувствующие происходящему на восставшем корабле, постепенно покидали порт, на их место пришла толпа с окраин, которой двигали желание поживиться имуществом, находящимся в портовых складах. Пользуясь отсутствием в порту полиции и войск, начали грабить товары на складах, разбивать бочки с водкой и вином. В порту начались поджоги и пожары. Войска, опасаясь обстрела со стороны броненосца, продолжали держать оцепление по периметру порта, не пропуская в порт новые толпы и никого, не выпуская из порта. В самом порту погромы, чинимые проникшими туда ранее, никто не останавливал. Только с наступлением темноты, войска, окружавшие порт, начали приступ, обстреливая толпы, пытающиеся покинуть порт. Были убиты и ранены сотни человек. Офицеры докладывали, что по войскам из толпы так же вёлся револьверный огонь, который по большей части был безвредным, из-за значительной дистанции между войсками и стрелявшими.

По официальным данным российского правительства, во время беспорядков в порту погибло и было ранено 123 человека.

16 июня, Броненосец неожиданно для правительственных сил, дал три холостых «траурных» выстрела в память о Вакуленчуке и два выстрела из 6-дюймовых орудий боевыми снарядами по городу, вожаки восстания позднее уверяли, что хотели попасть в дома градоначальника и командующего войсками, но промахнулись, направлявший орудия сигнальщик, якобы нарочно дал неверный прицел. Один снаряд поразил чердак жилого дома в центральной части города, но жертв по счастью не было, второй снаряд пролетел на окраину города, насквозь пробив дом Стрепетова на Бугаёвской улице, он, не разорвавшись, упал на территории сахарного завода Бродского. После обстрела началось бегство состоятельной части населения из Одессы.

Николай II, в 3:00 объявил Одессу, Одесское градоначальство и Одесский уезд на военном положении. 16 июня это было доведено до населения, расклейкой на улицах города плакатов. Во второй половине дня военное положение было объявлено в Севастопольском и Николаевском градоначальствах.

Около 9:00 восставшие матросы освободили и отправили на берег всех арестованных офицеров, кроме прапорщика Алексева, которому «судовой комиссией» было назначено исполнять обязанности командира корабля. Два офицера, поручик Коваленко и подпоручик Калюжнов, остались на восставшем броненосце добровольно. Присоединился к восставшим и младший врач Голенко. Младшие командиры броненосца, унтер-офицеры, боцманы и прочие были освобождены из-под ареста, и им было приказано исполнять их обычные обязанности под угрозой смерти, если они попробуют предпринять какие-либо действия против восставших.

В 9:00 к командованию Одесского военного округа была отправлена делегация матросов для получения разрешения на похороны Вакуленчука. В ходе переговоров, разрешение на похороны было получено. В 14:00 на берег были отправлены двенадцать невооружённых матросов, в качестве почётного караула во время похорон. При возвращении с похорон, почётный караул матросов был обстрелян армейским патрулём, двое матросов было убито, трое арестовано.

В 12:20 17 июня, броненосец «Потёмкин» встретился в море с объединённой эскадрой под командованием адмирала Кригера. Был проведён «немой бой», только с подачей сигналов флагами. Броненосец Потёмкин прошёл сквозь строй эскадры, корабли разошлись без открытия огня. В 12:50 броненосец «Потёмкин» развернулся и вторично прошёл сквозь корабли

эскадры, при этом к восставшему броненосцу присоединилась команда броненосца «Георгий Победоносец». Оба броненосца встали на рейде Одесского порта.

В отличие от «Потёмкина», восстание на «Победоносце» не сопровождалось избиением офицеров, их всех, кроме лейтенанта Григоркова, покончившего жизнь самоубийством, ещё при подходе к Одессе, посадили в шлюпку и на буксире миноносца №267 отправили на берег, высадив в семи милях восточнее Одессы. Высадившиеся на берег, в районе села Дофиновка, офицеры с «Георгия», полагавшие, что Одесса находится в руках революционеров, ушли в Николаев.

«Судовая комиссия» броненосца «Потёмкин» провела совместное совещание с представителями команды «Георгия Победоносца», на котором было принято решение о проведении совместных действий и о выборах на «Победоносце» «судовой комиссии» по примеру «Потёмкина».

Находящиеся на броненосце представители революционных партий, со своей стороны, написали от имени восставшего экипажа, второе обращение к командующему Одесским военным округом, в котором требовали вывода правительственных войск из Одессы, вооружение народа, установления народоправства, освобождения всех политических заключённых и доставки на борт броненосца угля и провизии.

События в Севастополе.

В Севастополе, под влиянием новостей с моря становилось беспокойно, волнения произошли среди военнослужащих минной и сапёрной рот, крепостного пехотного батальона. Команда броненосца «Екатерина II» на тайной сходке приняла решение присоединиться к восстанию. Заговор, однако, был тут же раскрыт, зачинщики арестованы, команда списана на берег, сам корабль разоружён.

Севастопольская буржуазия, опасаясь, как появления восставшего броненосца в главной базе флота, так и восстания самой базы, начала покидать город.

К 15:00, на «Георгии» начали брать верх, среди восставших, младшие офицеры и та часть команды, что отказывалась бунтовать, которые настаивали на сдаче властям прямо в Одессе или возвращении в Севастополь. Опасность, для одумавшейся команды «Георгия», в тот момент представлял революционный «Потёмкин». Пользуясь тем обстоятельством, что «Потёмкин» продолжал принимать уголь с захваченного и ошвартованного к нему 18 июня, углевоза, «Пётр Регир», корпус которого заслонил артиллерию «Потёмкина», броненосец «Георгий Победоносец» снялся с якоря, объявив по семафору, что уходит в Севастополь. Но на самом деле, проследовав мимо «Потёмкина», «Георгий» бросил якорь между ним и одесским берегом, таким образом, как бы защищая последний от пушек «Потёмкина», и около 17:00, сдался властям. Теперь уже «Георгий Победоносец» представлял угрозу для «Потёмкина». На «Потёмкине» началась паника, часть команды требовала открыть огонь по «изменнику», часть призывала последовать его примеру, но большинство приняло решение уходить из Одессы.

В 20:00 броненосец «Потёмкин», в сопровождении миноносца №267 и портового судна «Веха» покинул одесский рейд. «Судовая комиссия» приняла решение следовать в румынскую Констанцу.

«Георгий Победоносец» между тем был окружён баркасами с войсками. На борт броненосца поднялись караульные команды и начальник штаба Одесского военного округа генерал Безрадецкий. Всего было арестовано на броненосце 67 человек. К 19:00 корабль находился под контролем правительственных войск.

Экипаж судна «Веха», не желая бунтовать, имея на борту больных и раненых матросов «Потёмкина», воспользовался наступлением темноты и ухудшением видимости и погоды, отстал от броненосца. Рулевые, получив приказ, повели судно на Очаков, куда оно прибыло в 4:00, 19 июня и сдалось властям.

В 9:30, 19 июня, началось восстание на учебном судне «Прут», находившемся в плавании. Были убиты находящиеся на капитанском мостике вахтенный начальник и боцман, остальные офицеры и унтер-офицеры были арестованы. Восставшие направили захваченный корабль в Одессу, но, прибыв на рейд, «Потёмкина» там уже не застали. Тогда они решили вернуться в Севастополь и, подняв красный флаг, своим примером взбунтовать главную крепость Черноморского флота.

В 13:30, из Севастополя, на поиски «Потёмкина» отправился миноносец Стремительный», имевший задачу потопить мятежный броненосец, укомплектованный исключительно офицерами-добровольцами, желавшими отомстить восставшей команде за гибель офицеров.

В этот же день, в Севастополе было объявлено об увольнении со службы матросов старших сроков службы, 1896—1898 годов призыва. Наместник царя на Кавказе, Воронцов-Дашков, ввиду ожидавшегося прибытия восставшего броненосца к кавказским берегам, издал приказ о направлении войск во все порты края, Анапу, Новороссийск, Поти, Сухуми, а также об усилении войск в Екатеринодаре.

Прибытие в порт Констанца.

В 18:20, 19 июня, «Потёмкин», в надежде пополнить заканчивающиеся запасы провизии и топлива, пришёл в румынский порт Констанцу.

Румынское правительство предложило матросам сдаться на условиях военных дезертиров, что освобождало их от насильственной депортации в Россию, гарантировав им личную свободу, но запретило снабжать броненосец углём и провизией.

На рейде порта Констанцы находилась русская военная шхуна «Псеуапсе». Команда «Потёмкина» попыталась войти в контакт с командой шхуны и предложить ей присоединиться к восстанию. Командир шхуны капитан 2-го ранга Банов, при содействии капитана порта, перевёл шхуну в глубь гавани. Расположенные в Констанце румынские крейсера «Елизавета» и «Мирча» получили приказ открывать огонь по любому судну, попытавшемуся войти в гавань без разрешения, что они и сделали, когда утром, 20 июня, миноносец №267, следовавший за броненосцем, попытался войти в порт.

В 10:00, члены судовой комиссии встретились с капитаном порта Констанца капитан-лейтенантом Негру и известили его, что восставшие отклонили предложение румынского правительства и решили вернуться в Россию, для продолжения борьбы с самодержавием. Во время встречи, корабельная делегация передала румынской стороне 15 конвертов, с текстом составленных воззваний для вручения правительству Румынии, а также всем консульствам государств, расположенных в Констанце, Австро-Венгрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, САСШ, Сербии, Турции, Швеции и Франции. Все конверты были переданы румынским правительством русскому поверенному в Бухаресте С. А. Лермонтову, он передал их в Министерство иностранных дел, в Санкт-Петербурге, а оттуда «по высочайшему повелению» они были переданы шефу жандармов Трёпову.

В 13:20, «Потёмкин» покинул порт Констанцы, и миноносец №267 последовал за ним.

События в Севастополе.

Около 6:00, 20 июня, в море, на подходе к Севастополю, команда учебного судна «Прут» приняла решение прекратить восстание и сдаться властям. Из-под ареста был освобождён командир судна, капитан 2-го ранга Барановский, которому было возвращено командование. При подходе к берегу «Прут» был остановлен дозорными миноносцами, на борт учебного судна поднялся караул во главе с адмиралом Писаревским. Было арестовано 44 зачинщика мятежа.

Состоялось совместное совещание командиров морских и сухопутных частей, городских и полицейских властей, на котором высшие офицеры Черноморского флота охарактеризовали положение флота как «безнадёжное». Совещание, по воспоминаниям участников, «продемонстрировало растерянность и беспомощность, полную подавленность воли и духа, командного состава.

Матросы эскадры были приведены к повторной присяге. Разоружены береговые морские команды. Прошла волна арестов «неблагонадёжных» матросов, всего под арестом в Севастополе, к исходу этого дня, находилось 1500 человек. Адмирал получил из Главного морского штаба приказание, готовить показательную публичную казнь зачинщиков восстания на броненосце «Потёмкин». Это приказание последовало за инструкцией Николая II, «После самого скорого следствия и полевого суда надо привести приговоры в исполнение перед всей эскадрой и городом Одессой».

22 июня, в 6:00 броненосец «Потёмкин» и миноносец №267 прибыли в Феодосию. В 8:00, на броненосце были подняты флаги расплывания и специально изготовленный транспарант, представляющий собой фанерный щит, раскрашенный красной краской, на котором с двух сторон белой краской были нанесены следующие надписи: «Свобода, равенство и братство» и «Да здравствует народное правление». Катер с броненосца доставил в порт приказание городским властям Феодосии немедленно явиться на борт корабля.

Исполняя приказание восставших, в 9:00, на борт броненосца прибыли городской голова Феодосии Дуранте, гласный городской думы Крым, врач Муралевич. «Судовая комиссия» вручила прибывшим один экземпляр воззвания «Ко всему цивилизованному миру», для немедленного его объявления на публичном заседании городской думы и потребовала, под угрозой обстрела города, доставить на броненосец провизию, воду и уголь. Несмотря на запрет военных властей, городские власти, опасаясь артиллерийского обстрела города, приняли решение доставить на броненосец провизию.

В 16:00, портовое судно «Запорожец» доставило на броненосец «Потёмкин» продукты питания, четыре живых быка, 200 пудов муки, 40 пудов хлеба, 40 пудов мяса, 30 пудов капусты, 30 вёдер вина. В доставке угля и воды было отказано ввиду строгого запрета на то начальника гарнизона Феодосии генерала Плешкова.

В 1:00, «судовая комиссия» броненосца передала городским властям ультиматум, в котором потребовали немедленного снабжения углём, в противном случае через четыре часа они начнут обстрел города. В 5:00, городской голова обратился к жителям Феодосии с воззванием об угрожающей им опасности, в котором просил жителей покинуть город. Начальник гарнизона Феодосии своей властью объявил город на военном положении. В порт были скрытно введены войска.

23 июня. «Судовая комиссия» броненосца, решила самостоятельно овладеть баржами с углём, которые находились у причалов Феодосийского порта. В 9:00, катер с абордажной командой матросов вошёл в порт, матросы высадились на баржи и предприняли попытку завести на них буксировочные концы с катера, чтобы отбуксировать баржи к броненосцу. В 9:05, находившиеся в засаде войска открыли по матросам ружейный огонь, от которого погибло и было ранено шестеро матросов, несколько матросов попрыгало в воду и впоследствии попали в плен, катер с уцелевшими матросами, спешно вернулся к броненосцу.

На борту броненосца начались волнения, часть команды требовала наказания города, другая часть, во главе с прапорщиком Алексеевым, исполнявшим обязанности командира броненосца, по приказу «судовой комиссии», и младшими офицерами, была против стрельбы. О борьбе двух этих партий и о том, какая из сторон брала верх, можно было судить по ряду поднятий и спусков красного сигнального флага на мачте броненосца, означавшего «веду стрельбу». В конце концов возобладало мнение не обстреливать город, а уходить в Констанцу, и в полдень броненосец «Потёмкин» и миноносец №267 покинули Феодосию, так и не сделав по городу ни одного выстрела. Уходя, восставшие совершили обманный манёвр, начав ход, они легли на курс в сторону Новороссийска, и, только уйдя за горизонт, сделали поворот и легли на курс на Констанцу.

24 июня, ситуация в главной базе Черноморского флота, в Севастополе, оставалась напряжённой. С броненосца «Синоп» было свезено на берег всё огнестрельное оружие. На борт

поднялись две роты солдат. Под их караулом и под угрозой децимации адмиралу Тихменёву удалось заставить команду броненосца выдать бунтовщиков. Было арестовано шестнадцать матросов.

25 июня, утром состоялись переговоры членов «судовой комиссии» броненосца «Потёмкин», пришедшего накануне в полночь, в порт Констанцу, и румынских властей. Восставшие сообщили, что принимают условия, предложенные румынской администрацией 20 июня. В полдень броненосец Потёмкин был введён в порт Констанцы. Румынские власти спустили на броненосце Андреевский флаг и подняли Румынский флаг. К 16:00, команда броненосца была свезена на берег, где собралась на одной из площадей, и квартирмейстер Афанасий Матюшенко разделил между всеми матросами захваченную ими корабельную кассу. Впоследствии матросов перевезли в различные города и селения Румынии, отведённые властями для их проживания.

Команда миноносца №267 освободилась от вооружённого надзора со стороны броненосца только тут, в порту Констанцы. Сразу после получения «свободы», команда самостоятельно увела миноносец в Севастополь. И хотя по прибытии в Севастополь, моряков миноносца №267 заключили в «Бомборы», труднодоступный для проживания район, в километре от Малахова кургана, впоследствии все они были судом оправданы.

Уже 9 июля, через три дня, в Констанцу пришла эскадра из Севастополя под командованием контр-адмирала Писаревского в составе броненосцев «Чесма» и «Синоп», миноносок №261, 262, 264, 265. В 14:00, шесть шлюпок с «Синопа» доставили на броненосец «Потёмкин» десять офицеров и около 200 матросов. Произошла смена караулов, был спущен Румынский флаг и в 14:10, на флагштоке броненосца поднят Андреевский флаг. Русский священник отслужил молебен и окропил корабль святой водой, чтобы изгнать «дьявола революции».

Корабль находился в удовлетворительном состоянии, поэтому уже 11 июля, в 19:20 эскадра Писаревского покинула Констанцу. «Синоп» вёл на буксире «Потёмкин», на котором в Россию возвращались 47 матросов и кондукторов, прапорщик Алексеев и подпоручик Калужнов. С ними находился и активный участник восстания, машинист Кашугин. Он не успел съехать с корабля, и русские офицеры схватили его.

14 июля «Синоп» ввёл «Потёмкин» в Южную бухту Севастополя. Остатки бывшей команды сняли с броненосца и отправили под арест, на учебное судно «Прут».

Румыния отказалась выдать бунтовщиков России, что послужило причиной обострения отношений между двумя странами. Более того, после произошедших событий в прессе Румынии начали появляться материалы о том, что Россия находится на пути к полному разложению, и Румыния должна быть готова к тому, чтобы при удобном случае предпринять шаги для присоединения к своей территории Бессарабии.

В документах департамента полиции, данные о партийной принадлежности бунтовщиков, упоминаются в делах 15 матросов, 11 из них, в том числе Матюшенко, назвали себя социал-революционерами, 3 назвали себя, социал-демократами и 1 назвал себя, анархистом.

23 августа сентября, 1905 года был подписан мирный договор с Японией, завершилась Русско-Японская война поражением России, подписанием договора в городе Портсмут, США.

Ноябрьское восстание в Севастополе.

Руководителем восстания стал лейтенант Шмидт. Вооружённое выступление матросов Черноморского флота и солдат Севастопольского гарнизона, рабочих порта и Морского завода, произошло в период с 11 ноября по 15 ноября 1905 года.

Вечером 18 октября 1905 года в Севастополе был получен текст манифеста 17 октября. Первоначально известие было воспринято в городе положительно, народ ликовал, люди обнимались, поздравляли друг друга. Однако вскоре ситуация изменилась. Около Военно-морского музея собрался стихийный митинг. После митинга его участники вместе с присоединившимся к ним портовыми рабочими, ремесленниками двинулись на демонстрацию по улицам города.

Демонстранты, возглавляемые известным в Севастополе народовольцем Иваном Емельяновым, подошли к зданию городской думы, из неё на собрание думы были направлены делегаты. Толпа демонстрантов достигала 8—10 тысяч человек. Под влиянием лозунгов демонстрация переросла в политическую, был разорван портрет Николая II, принято решение следовать к тюрьме для освобождения политических заключённых. Среди прочих, на митинге у тюрьмы выступил социалист-революционер, лейтенант Шмидт.

Толпа была разогнана выстрелами 49-го пехотного Брестского полка, при этом погибло 8 и было ранено 50 участников митинга. Вечером того же дня Шмидт обратился в городскую думу с требованием о наказании виновных в гибели демонстрантов.

19 октября собралась городская дума, на заседании кроме входящих в состав думы гласных присутствовали «делегаты от народа», среди которых Шмидт и Вороницын. По свидетельству самого Вороницына на заседании присутствовал и только что назначенный, товарищем министра внутренних дел князь Урусов, который не мог выехать в Петербург в связи с забастовками железнодорожников. На заседании было принято решение о создании дружин собственной охраны, народной милиции, которая должна была патрулировать город вместо полиции и армии. В тот же день забастовали Реальное и Техническое училище, закрыта классическая гимназия, торговые и промышленные заведения, проходят митинги. Вечером того же дня с моря возвращается Главный командир Черноморского флота адмирал Чухнин.

20 октября, состоялись похороны жертв расстрела, собравшие около 10 тысяч демонстрантов. На похоронах Шмидт также выступил с речью, ставшей известной как «клятва Шмидта», «Клянемся в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав». Вечером того же дня Шмидт был арестован, и заключён на флагманский эскадренный броненосец «Три святителя», было возобновлено следствием дело «о потере им казенных денег». Городская дума немедленно заявила ходатайство об его освобождении. Народная милиция, была распущена просуществовала всего три дня, на улицы Севастополя были возвращены полицейские.

26 октября рабочие Севастополя избрали Шмидта «пожизненным депутатом» Совета, который потребовал немедленного освобождения Шмидта, как их депутата. К нему присоединились участники митинга, проходившего 30 октября на Приморском бульваре. 2 ноября, из-за ухудшившегося здоровья Шмидта перевели в госпиталь. Утром 3 ноября Шмидт вышел из палаты и увидел, что часовых охранявших его нет, беспрепятственно покинул госпиталь. Шмидту было запрещено появляться на митингах, его увольнение было ускорено и состоялось 7 ноября.

1 ноября должны были состояться выборы в Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов. В связи с этим планировалось проведение больших митингов у матросских и солдатских казарм. Адмирал Чухнин, чтобы не допустить проведения митинга у флотских казарм, направил туда сводный отряд из матросов флотских экипажей и солдат Белостокского полка, которые заняли выходы из казарм и не выпускали матросов на митинг.

В начавшемся противостоянии матрос Петров выстрелил из винтовки в штабс-капитана Штейна, возглавлявшего учебную команду 50-го Белостокского полка, и убил его, выстрелил и в контр-адмирала Писаревского, старшего флагмана дивизии, ранив его. Петров был схвачен, но практически сразу освобождён матросами. После этого дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отведены в канцелярию. Утром они были освобождены, но изгнаны из казарм.

К восставшим матросам флотской дивизии присоединились солдаты Брестского полка, крепостной артиллерии, крепостная сапёрная рота, а также матросы дежурной роты броненосца «Синоп», посланной Чухниным для усмирения восставших.

В ночь на 12 ноября был избран первый Севастопольский Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов, который возглавил Вороницын, социал-демократ, меньшевик.

11 ноября «Очаков» вышел в море для пробы башенных орудий, а по возвращении в порт вечером команда узнала о событиях в экипажах.

12 ноября в городе началась всеобщая забастовка. Значительная часть матросов флотской дивизии и часть солдат Брестского полка поддержали восставших.

Утром 12 ноября состоялось первое заседание Севастопольского Совета. К вечеру были выработаны требования восставших: созыв Учредительного собрания, установление 8-часового рабочего дня, освобождение политических заключённых, отмена смертной казни, снятие военного положения, уменьшение срока военной службы. Был создан исполнительный орган Совета, «Матросская комиссия», в которую вошли представители всех флотских экипажей.

В ночь на 13 ноября Брестский полк был выведен из города в лагерь Белостокского полка. Город был объявлен на военном, а крепость на осадном положении.

13 ноября началось восстание на крейсере «Очаков». Офицеры вместе с кондукторами покинули корабль. Восстание возглавили Частник, Антоненко и Гладков.

Во второй половине дня 14 ноября на «Очаков» прибыл лейтенант Шмидт, подняв на нём сигнал, «Командую флотом. Шмидт».

В ночь на 15 ноября, ударные отряды овладели минным крейсером «Гридень», миноносцем «Свирепый», миноносцами №265, №268 и №270 и несколькими мелкими судами, а в порту захватили некоторое количество оружия. Тогда же к восставшим присоединились экипажи канонерской лодки «Уралец», миноносцев «Заветный», «Зоркий» и учебного корабля «Днестр», минного транспорта «Буг».

Утром на всех восставших кораблях были подняты красные флаги. Чтобы привлечь на сторону восставших всю эскадру, Шмидт обошёл её на миноносце «Свирепый». Затем «Свирепый» направился к превращённому в тюрьму транспорту «Прут». Вооруженный отряд матросов во главе со Шмидтом освободил находившихся на судне матросов с броненосца «Потёмкин».

К восставшим присоединилась команда «Пантелеймона», сменившего имя броненосца «Потёмкин», но сам броненосец уже не представлял большой военной силы, так как был разоружён ещё до начала восстания.

Во второй половине дня 15 ноября, восставшим был предъявлен ультиматум о сдаче. Не получив ответа на ультиматум, верные правительству войска начали обстрел восставших кораблей. Ещё до окончания срока ультиматума канонерка «Терец» открыла огонь по катеру с «Очакова» на котором восставшие пытались доставить на «Пантелеймон» замки к орудиям. После начала обстрела миноносец «Свирепый» предпринял отчаянную, но безуспешную попытку атаковать «Ростислав» и «Терец», но попав под перекрёстный обстрел был подожжён и выведен из строя. В Южной бухте был затоплен командой минный заградитель «Буг», так же затонул от полученных повреждений миноносец №270. Из кораблей правительственной эскадры лёгкие повреждения рангоута получил только крейсер «Память Меркурия». После двухчасового боя восставшие сдались.

Лейтенант Шмидт, матросы Гладков, Антоненко, кондуктор Частник были приговорены к смертной казни, расстреляны 6 марта 1906 года на острове Березань, 14 человек, приговорены к бессрочной каторге, 103 человека, приговорены, к каторжным работам, 151 человек направлен в дисциплинарные части, более 1000 человек наказаны без суда.

Председатель Севастопольского Совета матросских, солдатских и рабочих депутатов, Вороницын, был приговорён к смертной казни, но в виду его несовершеннолетия, ему ещё не исполнился 21 год, казнь была заменена каторжными работами. Расстреляли Вороницына в 1938 году, большевики, в возрасте 52 лет, за диверсионную работу. Работал он в этот период заведующим технической библиотеки завода №19 в Перми.

Восстание на броненосце «Потёмкин», нанесло убытков Российской империи на десятки миллионов рублей, подорвало международную торговлю России в Черноморском регионе, раз-

рушило международный престиж Российской империи, как твердыни русской монархии. Под вопросом оказалась незыблемость российской государственности.

Суд над матросами с броненосца «Потёмкин» начался 17 февраля 1906 года, после разгрома ноябрьского восстания в Севастополе. Троиш, Александра Заулошнова, 22 лет, Фёдора Луцаева, 28 лет, и Тихона Мартянова, 23 лет, приговорили к смертной казни, но на основании царского указа от 21 октября 1905 года о смягчении наказаний за политические преступления, совершённые до издания манифеста 17 октября 1905 года, казнь заменили 15-летней каторгой. Матросы Сергей Гузь, 28 лет, Иван Задорожный, 23 лет, и Феодосий Кашугин, 27 лет, также были приговорены к каторге, первый, на десять, второй, на три с половиной года, третий, на шесть лет. Остальных отдали в арестантские роты и подвергли другим наказаниям. Прапорщика Алексева, врача Галенко и подпоручика Калюжного уволили со службы. 23 февраля, вице-адмирал Чухнин, приказом №293 утвердил приговор.

Добровольно из эмиграции, до Февральской революции, в Россию вернулось 138 матросов. Всего же из первоначального экипажа «Потёмкина», включая тех, кто отказался эмигрировать и вернулся в Севастополь из Констанцы, на борту броненосца, в Россию вернулось 245 человек, 31% команды. Остальная часть команды оставалась в эмиграции. Большинство из эмигрантов вернулось в Россию уже после революции, освободившей матросов-бунтовщиков от грозившей им судебной ответственности.

В 1955 году, все живые участники восстания были награждены орденами Красной Звезды, а двое, орденами Красного Знамени. Советская власть, десятилетиями грелась в лучах славы восстания матросов с броненосца «Потёмкин», присваивая их революционной деятельности большевиков.

Глава 10

1905—1906 годы. Вооружённые восстания в городах. Манифест 17 Октября.

Предыстория событий в России и за рубежом

Из воспоминаний Павла Милюкова. По просьбе Ленина, я виделся с ним в 1903 году, в Лондоне, когда я оказался там проездом в Бостон, США, куда меня пригласили для чтения лекций, по теме «Кризис в России». Наша беседа перешла в спор, об осуществимости предсказываемого им, Лениным, темпа развития событий, и спор оказался бесполезным. Ленин всё долбил свое, тяжело шагая по аргументам противника. Как бы то ни было, идея «буржуазной революции», долженствующей предшествовать социалистической, была и у него, и осталась надолго. Доводов противника Ленин не воспринимал, стоял на своём неколебимо.

Борьба противоположных тенденций в международном рабочем движении отчетливо проявилась в работе 6-ого конгресса II Интернационала, состоявшегося в августе 1904 года в Амстердаме.

Конгресс происходил в обстановке революционного подъема масс во многих странах и обострения противоречий между великими державами. Едва закончились американо-испанская и англо-бурская войны, как на Дальнем Востоке, в феврале 1904 года, разразилась русско-японская война.

Империалистической политике и шовинистической пропаганде господствующих классов противостояла международная солидарность пролетариата. Символом её было дружеское рукопожатие, которым при открытии Амстердамского конгресса обменялись, под бурные аплодисменты его участников, представители русских и японских социалистов, Георгий Плеханов и Сэн Катаяма.

В центре работы Амстердамского конгресса стоял вопрос о «международных правилах социалистической тактики». Это был вопрос об отношении к ревизионизму, ревизии марксизма, которая была начата Бернштейном, германским социал-демократом.

Резолюция конгресса требовала создания во всех странах единых социалистических партий, но в ней не выставлялось важнейшее условие их объединения, признание теории революционного марксизма.

Конгресс сделал определенный шаг вперед, приняв резолюцию о массовой стачке рабочих. Стачка рассматривалась только как оборонительное средство, никакой вооружённой борьбы рабочих не предусматривалось.

Ленина не было на этом международном конгрессе, он будет выведен на конгрессы II Интернационала Плехановым, только в 1907 году, в Штутгарте, через 3 года.

Конгресс принял «Резолюцию по социализму», в ней говорилось, что только достижение социализма сделает возможным «мирное культурное развитие» человечества и «освоение мировых минеральных ресурсов» в интересах всего человечества. Социализм объявлялся Конгрессом средством мирового объединения человечества.

Конгресс 2-ого Интернационала призывал использовать капиталистическую войну, приводящую к экономическому и политическому кризису, для усиления возбуждения народных масс, с целью ускорения падения капиталистического классового господства.

Ленин «взял на вооружение» эту «Резолюцию Конгресса», отредактировав её под свои задачи, вооруженного восстания пролетариата, с целью захвата власти и установления его, пролетариата, диктатуры, но при этом уточнил, что диктатура пролетариата осуществляется под руководством её авангарда, партии революционного типа.

После Конгресса, для выработки общей позиции, антиправительственных сил Российской империи, была организована и проведена Парижская межпартийная конференция, в сентябре-октябре 1904 года. В ней участвовали 8 организаций из 19 приглашённых. Приглашения были посланы от имени лидера финских оппозиционеров, Конни Циллиакуса. В Париж своих делегатов направили организации, Партия Социалистов Революционеров, Союз Освобождения, Лига «народова» Польша, Партия Польских Социалистов, Финские оппозиционеры, Грузинская партия социалистов-революционеров-федералистов, Латвийская социал-демократическая рабочая партия, Белорусская «Социалистическая Грамада», в качестве наблюдателя присутствовала армянская партия Социальная Федерация, «Дашнакцутюн».

Раньше, в феврале этого же года, началась война России с Японией, из-за нападения на русскую военно-морскую эскадру, шедшую из Балтики на военно-морскую базу России в Жёлтом море, Порт-Артур, военно-морских сил Японии. Императорская Япония объявила войну Российскому самодержавию, стремившемуся упрочить своё присутствие на Дальнем Востоке.

Социал-демократические партии, отказались от участия в конференции, поскольку их руководители получили информацию, что в организации конференции принимает активное участие японский резидент, полковник Акаси, и он финансирует это мероприятие. Георгий Плеханов заявил Циллиакусу, «социал-демократия намерена сохранить полную независимость по отношению к военным противникам царского правительства».

Сама по себе, эта война, в которую втянули Россию из-за материальных выгод банкиры и авантюристы, «разбойничья шайка», покровительствуемая свыше, была непопулярна среди русского общества. Постоянные поражения и отступления генерала Куропаткина, капитуляция Порт-Артура, уничтожение первой эскадры, всё это больно било по национальному самолюбию русских. Поражение при Цусиме, показало полную неспособность царского правительства не только управлять, но и вести войну в защиту интересов России, в современных условиях капиталистического мира.

Революция, нараставшая в России, которую император и его окружение, хотели «потушить» при помощи «маленькой победоносной войны», получала от этой войны новую, ещё более разрушительную силу.

Главным предметом Парижской конференции была выработка общей декларации, которую огласил представитель «Союза Освобождения», Павел Милюков. Декларация включала в себя требования, во-первых, свержения самодержавия и исключения любых посягательств на конституционные права Финляндии, во-вторых, замену царизма демократической формой правления, на основе всеобщих выборов, в-третьих, введение национального самоопределения с предоставлением национальным меньшинствам права на отделение и отказом от притеснений по национальному признаку и, в-четвёртых, осуждение агрессивно-захватнической политики России за её пределами. Последнее требование имело в виду продолжавшуюся Русско-японскую войну и было главной целью тайных организаторов конференции, японцев.

Четвёртый пункт резолюции был исключён из окончательного текста Декларации, большинством голосов.

Текст резолюции конференции был опубликован печатными органами всех собравшихся партий, в один и тот же день, в середине ноября 1904 года. Текст резолюции произвел большое впечатление на российское и мировое общество.

От январского «Кровавого Воскресенья», до апреля, в лихорадочный 1905 год, события разворачивались в ускоренном темпе. Произошло разделение между ветеранами народнического течения, искавшими опоры в крестьянстве, и молодым течением марксистов, разделившихся на «легальных» и «нелегальных», искавших опоры в учении Маркса о пролетариате. Служение народным массам, продолжало считаться у обоих направлений, основной задачей «интеллигенции».

После бомбы Каляева, в феврале, и убийства им Великого Князя Сергея Александровича, руководившего расстрелом шествия рабочих на дворцовую площадь к царю, был издан царём секретный циркуляр, для министра внутренних дел, «не препятствовать существующим общественным и сословным учреждениям подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства». Публика истолковала этот «секретный» циркуляр, как разрешение публично обсуждать вопросы государственного устройства, а растерявшаяся полиция подтвердила это толкование своим временным невмешательством. Общество получило, таким образом, возможность высказаться уже не в «явочном» порядке, установленном практикой антиправительственных организаций, а полулегально.

В 1905 году, шла борьба между большим количеством партий, каждая из которых представляла интересы какого—либо из социальных слоёв российского общества или национальности. Кроме борьбы за свержение самодержавия, они декларировали достижение требований представляемого ими социального слоя, боролись за власть своей партии, а другие, просто боролись за личную власть своего лидера.

Начиная с июля 1905 года, в утренних выпусках газет пошли сообщения о рабочих стачках в разных городах России, к рабочим начинали примыкать и союзы всевозможных професий, и железнодорожные служащие, и мелкие ремесленные группы. Все чаще приклеивалось к забастовкам и название «всеобщих». Наряду с рабочим движением, разгоралось и крестьянское, особенно в черноземных губерниях.

«Боевые дружины» профессиональных социал-революционеров, совершали террористические акты, направляя свои удары, по чиновникам администрации, от губернаторов до околоточных и урядников, на чиновников полиции и на жандармов. Как показывали, следовавшие за убийствами, судебные расследования, для ликвидации мелких чинов полиции, стал практиковаться революционерами, наём, в качестве исполнителей, для совершения террористических актов, исполнителей из уголовного элемента, за денежную оплату. Но имидж для партии, как революционной силы, тем не менее создавался, объявлениями исполнителей членами партий.

Когда большевики предприняли попытку поменять в Европе деньги, экспроприированные в Тифлисе Камо, был скандал, который превратил всю РСДРП, в глазах европейцев, в уголовную организацию.

Когда меньшевики, во время революции 1905—1907 года, предприняли попытку проводить экспроприации у грузинских промышленников, владевших месторождениями марганца в «Чиатури», связанный с большевиками грузинский социал-демократ Сталин и его группа, выполняли функции охранного отделения, изымали награбленные деньги у меньшеви-

ков и возвращали их ограбленным промышленникам, и выдавливали грузинских меньшевиков в Россию. Большевики «крышевали» грузинских промышленников от меньшевиков, не безвозмездно.

Среди радикалов всех направлений в РСДРП, практиковалось присвоение денег для партии, но особенно успешно это делали большевики, чаще других проводившие успешные акты экспроприации, которые они называли «эксами». Деньги шли не только в партийные кассы, но и пополняли личные кошельки боевиков.

В 1906—1907 годах, экспроприированные большевиками деньги использовались ими для создания и финансирования школы боевых инструкторов в Киеве и школы бомбистов во Львове. В них обучали и несовершеннолетних, по закону Российской империи, лица моложе 21 года. Это явление усилилось после взрыва насилия 1905 года. Экстремисты использовали и детей, подростков для выполнения разнообразных боевых задач. Дети помогали боевикам изготавливать и прятать взрывные устройства, а также принимали участие непосредственно и в самих терактах. Большевики и эсеры, обучали и вербовали несовершеннолетних, объединяя будущих малолетних террористов в специальные молодёжные ячейки. Их было легче убедить совершить политическое убийство, потому что их не могли приговорить к смертной казни, как несовершеннолетних, что им и внушалось.

Опытные террористы передавали свои навыки четырнадцатилетним подросткам и другим детям, давали им опасные партийные задания, использовали их при перевозке компонентов взрывчатых веществ.

Общий смысл «революционных актов», «экссов», характеризовался отсутствием ярко выраженного политического характера, но была единая цель, объединявшая отдельные революционные течения, свержение самодержавия. Социалистические партии пропагандировали общие лозунги Социалистического Интернационала, и не ставили конкретные задачи, в соответствии с российской действительностью, представляемых ими «рабочих и крестьян». Не было еще и систематического руководства из центральных органов революционных партий. Революция развивалась стихийно.

Сохранялось в обществе и влияние «Народников», оно ещё не было вытеснено агитацией социал-демократов, а среди крестьянства это влияние преобладало. Сохранялась и возможность внесения в массы более умеренных, «буржуазных» политических требований, экономического и законодательного характера.

Монополистом, завладевшим российским пролетариатом, в это время, стала новая, антиленинская «Искра». Меньшевики оттеснили Ленина от руководства газетой «Искра». Но, ленинские «якобинцы», стремившиеся перехватить руководство пролетариатом у «жирондистов-ново-искровцев», на 3 съезде РСДРП в Лондоне, первом чисто большевистском съезде, наметили, в отсутствие меньшевиков, дальнейший шаг к полной победе «пролетарской диктатуры». Эта диктатура, должна была явиться результатом успешного вооруженного восстания, которое низвергнет самодержавие, с его дворянством и чиновничеством, и заменит его республикой, с революционным правительством во главе.

Вся эта упрощенная проекция ленинских идеологических построений в политическую жизнь России, своей общедоступностью и абсолютной формой утверждений, требований и обещаний, гораздо сильнее действовала на массы, чем заумные, полные поправок, резолюции, которые выдвигали, собравшиеся на свою конференцию в Женеве меньшевики, пытавшиеся их противопоставить решениям Лондонского, третьего съезда РСДРП, большевиков.

В конце июля, Ленин дал свой сравнительный анализ большевистских и меньшевистских резолюций в своей брошюре «Две тактики». Главное различие между ними было, не столько в лозунгах, сколько в способах их осуществления. То, что Ленин уже в мае смело поставил на первую очередь, для меньшевиков оставалось тогда за горизонтом практической политики. Лишь в октябре и ноябре эти лозунги не только показались осуществимыми, но и были превзойдены, при содействии Троцкого.

Троцкий себе приписывал поправку, по которой «революционное правительство», с преобладанием социал-революционеров, должно было образоваться, не после победы вооруженного восстания, а в самом процессе этого восстания, как руководящая восстанием власть. Эта поправка Троцкого и была положена в основу тактики «Петросовета», как ее представлял себе Троцкий.

Неудачу восстания в С.-Петербурге, Троцкий объяснил тем, что Ленин, «запоздал приехать из-за границы», а без него большевики, были «беспомощны». Но у Троцкого было и другое объяснение, «Все элементы победоносной революции были налицо, но эти элементы еще не созрели». Это было вернее, но когда из этого признания делался вывод, что, стало быть, «несозревшая» революция не могла быть «победоносной», то Троцкий отступал на ещё дальше, пусть так, но революция «перманентна», использовал он аргументы своего учителя, Александра Парвуса (Гельфанда), и, если революция ещё не побеждает, то она проводит «генеральную репетицию», и когда-нибудь победит.

Прибывший, наконец, в Петербург Ленин сразу заметил, побывав анонимно на хорах в здании Вольно-экономического общества, расположенного на Забалканском проспекте, где заседал «Петросовет», что «здесь – говорильня», «рабочий парламент», а нужен орган власти, орган партийного руководства большевиков надвинувшейся революционной развязки. Никто из присутствовавших, не узнал «вождя мирового пролетариата», отсутствовавшего в России пять лет. «Боевые организации» партии занялись подготовкой вооруженного восстания в С.-Петербурге. Проводился сбор денег, на вооруженное восстание, для этого на собраниях различных антиправительственных течений, пускался головной убор «котелок» по кругу, для сбора денег. На фабриках, эти головные уборы, делали полный сбор. Начавшаяся в С.-Петербурге на некоторых заводах стачка, так и не стала всеобщей и вооружённое восстание не состоялось.

Леонид Красин отвечал за финансовую деятельность РСДРП. Во время революционных событий он был одним из основных организаторов экспроприаций, ограблений, с целью захвата денег, которые шли на революционную деятельность. Основную роль в финансировании как большевистских, так и эсеровских организаций, и их боевиков, в ходе подготовки и осуществления активной фазы восстания, сыграли пожертвования московских заводчиков, выходцев из старообрядческих общин, Морозовых, Коноваловых, Прохоровых.

Красин осуществлял получение денег от Саввы Морозова, поскольку он выполнял функции инженера по строительству электростанции в Орехово-Зуево для фабрик Морозова, и имел с ним частые встречи. Красин получал ежемесячно от Саввы 2000 рублей на партийные потребности. По утверждению Троцкого, «примиренческий Центральный Комитет партии, под руководством Красина, выступал в это время против Ленина». Сами Ленин и Красин, по их воспоминаниям, временно отложили свои разногласия по вопросам о партийном единстве и значении различных частей РСДРП и, несмотря на личное соперничество, стали сотрудничать в деле подготовки вооруженного восстания.

Московские заводчики-старообрядцы финансировали террористов, с целью ускорения смены устаревшего законодательства, защищавшего интересы дворянской аристократии, на современное, соответствовавшее европейскому. По действовавшему тогда законодательству, ко всем лицам не дворянского, «подлого» сословия, можно было применять телесные наказания в полицейском участке, то есть бить розгами. Заводчикам-промышленникам хотелось всё это отменить, привести законодательство в соответствии с современностью, и кроме этого, по религиозным мотивам, староверы стремились к смене династии, искажившей истинное православие.

Посредником между большевиками и Саввой Морозовым была и актриса Мария Андреев. Летом 1903 года в Женеве, при посредничестве Петра Красикова, она познакомилась с Лениным, а через год вступила в РСДРП. По поручению Ленина, со второй половины 1903 года, Андреева стала целенаправленно заниматься сбором денег для большевиков. Её деятельность оказалась успешной, она постепенно приобретала размах, актрисе удавалось раздобывать весьма крупные суммы. Андреева была в интимной связи с Саввой Морозовым и одновременно считалась гражданской женой Максима Горького. Горький и Савва Морозов находились в дружеских отношениях. Горький, Марию Андрееву ни к кому не ревновал, и разрешал ей вести «свободный» образ личной жизни. Газеты «Искра», а также редактируемая Горьким большевистская газеты «Новая жизнь», издателем которой числилась Мария Андреева, содержались на средства Саввы Морозова, он пожертвовал на эти партийные газеты несколько миллионов рублей. В редакции газеты, «Новая жизнь», в доме Лопатина, на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки, произошла первая встреча Горького с Лениным, в конце ноября 1905 года.

Прибыв нелегально в С.-Петербург, Владимир Ульянов-Ленин, в редакции «Новой жизни» проводил все встречи с одно-партийцами, а также заседания ЦК и Комитета С.-Петербурга. Он взял под контроль размещение материалов в газете. В «Новой жизни» стали публиковаться актуальные статьи Ленина по вопросам вооружённого восстания. Здесь, в здании газеты, Ленин стал регулярно встречаться с Максимом Горьким.

При комитетах РСДРП создавались специальные боевые и военные организации. Первые, организовывали боевые дружины, вторые, развёртывали работу в армии. Ленин призывал к «наиболее радикальным средствам и мерам как к наиболее целесообразным», для чего лидер большевиков рекомендовал создавать «отряды революционной армии... всяких размеров, начиная с двух-трёх человек, которые должны вооружаться сами, кто чем может, ружьё, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога...», и делает вывод, что эти отряды большевиков не должны ничем отличаться от террористических «боевых бригад» эсеров.

Вместе с двумя своими ближайшими соратниками, Александром Богдановым и Леонидом Красиным, Владимир Ленин тайно, внутри Центрального комитета РСДРП, в котором преобладали меньшевики, организовал небольшую группу, под названием «Большевистский центр», специально для добывания денег для ленинской фракции. Этот «Центр» организовывал проведение «эксов», ограблений банков, вымогательства и прочее. На практике «Большевистский центр» был подпольным органом внутри РСДРП, организующим и контролирующим экспроприации и различные формы вымогательства денежных средств у фабрикантов и заводчиков, вплоть до убийств.

Общее руководство, по подготовке восстания в России, осуществляла Боевая техническая группа при ЦК РСДРП, которую возглавил Леонид Красин. «Группа» занималась приобретением и транспортировкой оружия, включала в себя лаборатории по изготовлению взрывчатых веществ и бомб, формировала, и обучала отряды боевиков для участия в вооружённом восстании и революции, готовила и обучала руководителей, способных возглавить боевую группу. В качестве руководителя боевой группы, Красин сам принимал участие в Московском вооружённом восстании.

Также Красин организовал подпольную типографию в Петербурге, принимал активное участие в организации большой октябрьской забастовки в рамках всероссийской стачки. Был избран в Петербургский совет рабочих депутатов.

Вместе с Горьким организовал первую большую легальную партийную газету «Новая жизнь».

1905 год. Восстания в городах Российской империи. Дарование Манифеста 17 октября.

Восстания в Российской империи, с октября 1905 года, по январь 1906 года произошли и были подавлены войсками и полицией в Москве, Красноярске, Екатеринославе, Харькове, Новороссийске, на Мотовилихинских пушечных заводах, близ Перми, в Ростове на Дону, в Сормово и Канавино, у Нижнего Новгорода, в Горловке, Донбасс и в других местах Российской империи.

Для проведения восстаний, везде, создавались «Советы» и боевые дружины, которые на короткое время брали власть и провозглашали республику. Но, подходили воинские части и подавляли восстание. В декабре было казнено, в ходе подавления восстаний, без суда, 376 человек. Поражение декабрьских восстаний привело к значительному ослаблению революционных партий и к потере их авторитета среди населения, из-за бесчинств, грабежей и убийств, совершённых боевиками против мирных граждан.

Но восстания оказали воздействие на самодержавие. В разгар Московского восстания, были приняты законы, которые закрепляли и конкретизировали положения манифеста 17 октября. Двусмысленность «конституционного» манифеста 17 октября, заключалась в отказе пересматривать основные Законы империи и в сохранении функций самодержца. Отсутствовало само выполнение манифеста 17 октября.

Попытка восстания в С.-Петербурге. Для руководства восстанием был образован Объединённый Совет, 13 октября. На учредительном заседании, проходившем в здании Технологического института, присутствовало 40 делегатов от предприятий Петербурга. В Совете были и представители от мелких мастерских в 30—40 человек. К середине ноября 1905 года в «Общегородской Совет Рабочих Депутатов С.-Петербурга», «Петросовет», входило 562 депутата от 147 предприятий, 34 мастерских и 16 профсоюзов. Без выборов, в «Совет» и его Исполнительный комитет, были кооптированы представители центральных и местных организаций РСДРП, Партии социалистов-революционеров, Бунда и Польской Социалистической Партии, всего 44 человека. Эсеры были во главе с Авксентьевым. «Совет» был под сильным влиянием социал-демократов, решения «Совета» принимались в согласии с решениями представителей обеих фракций РСДРП. Первым председателем «Совета» стал представитель Одесского комитета РСДРП Саул Зборовский, он от председательства сразу отказался и 14 октября, на этот пост был избран беспартийный адвокат Носарь-Хрусталёв. Он был номинальным Председателем, фактически в «Совете» руководили Александр Парвус (Гельфанд) и Лев Бронштейн (Троцкий).

В октябре 1905 года, с началом Всероссийской стачки, Парвус (Гельфанд) по подложному паспорту приехал в Россию. Прибыв, как и Троцкий, в Петербург в конце октября, он опередил многих других эмигрантов-революционеров, которые вернулись в Россию только после провозглашённой царём амнистии, Декретом от 17 октября. Троцкий и Парвус приняли непосредственное участие в создании Петербургского совета рабочих депутатов и вошли в его Исполнительный комитет. Вместе с Троцким, Парвус арендовал русскую «газету-копейку», которая с новыми редакторами быстро приобрела популярность, тираж её в считанные дни поднялся с 30 до 100 тысяч, а через месяц достиг 500 тысяч экземпляров, что в 10 раз превышало тираж большевистской газеты «Новая жизнь», издававшейся под руководством Ленина.

Вопрос о захвате власти в Петербургском Совете не стоял. Лозунги, которые выставлял Совет, чтобы расчистить почву для будущей революции, озвучивал Лев Троцкий, прибывший в С.-Петербург из эмиграции, из Женевы. В своих выступлениях он говорил, «мы не нуждаемся в соглашениях с царскими временщиками, а требуем всеобщего избирательного права и тому подобное», излагал программные требования конституционных демократов, требовал созыва учредительного собрания. Со времён начала своей эмиграции, Троцкий находился в оппозиции к Ленину и к его программным требованиям. В Москве уже началось восстание, и встал вопрос о том, чтобы поддержать, во что бы то ни стало московское вооруженное восстание. Парвус, предложил выйти на Невский проспект, чтобы умереть или победить. И в момент его выступления, кто-то, провокатор или другой, крикнул, «полиция»! В зале Совета началась паника, многие сорвались с мест на выход, умирать не собирались.

Большевики петербургской группы РСДРП считали Государственную Думу «бессильной», предлагали отколоть трудовиков от «либеральных партий», «обострить конфликты внутри Думы, и на почве требования от Думы, выступить с открытым обращением к народу. Плеханов объяснял большевикам, что, дискредитируя Думу, они тем самым поддерживают царское правительство, которое не будет дожидаться, пока народ придет на выручку, а просто разгонит Думу. Большевики твердили свое, народу придется всё взять самому, дело идет о решительной борьбе вне Думы. Большевикам удалось подсунуть фракции трудовиков в Думе предложение, «организовать на местах комитеты, избранные всеобщим избирательным правом, для обсуждения аграрного вопроса». Прогноз Плеханова сбылся, 1-я Дума, начав работу в конце февраля, просуществовала 72 дня, и была распущена императором, 9 июля 1906 года.

Петербургские большевиков, тогда исповедовали не точку зрения Ленина, а отзовистскую точку зрения Александра Богданова, Ленин был против организации профсоюзов, а Богданов за.

1905 год стал «звёздным часом» Александра Парвуса. Он писал статьи и прокламации, стал одним из тех, кто определял стратегию и тактику Петербургского Совета и составлял проекты его резолюций, выступал с пламенными речами в Совете и на заводах, стал популярен и влиятелен в С.-Петербурге. Все резолюции «Петросовета» были составлены и написаны Парвусом и Троцким, которые в тот период причисляли себя к меньшевикам.

В конечном итоге, московское восстание не получило поддержки из С.-Петербурга. Революционность пролетариата С.-Петербурга, отсутствовала. Исключение составило, энергичное, молодое поколение, которое готово было выступить на сцену с оружием. Важно было склонить к восстанию, агитацией солдат, матросов, и этим расчистить почву для того, чтобы свергнуть укоренившуюся веками монархию. Но этого не произошло.

Советы были объявлены не партийными комитетами. Количество делегатов в каждом Совете, от всех партийных течений, достигало сотни человек. Управлялись Советы Исполнительными комитетами. В члены комитета выбиралось по два представителя от каждой партии. Вся борьба политических платформ начиналась в Исполнительном Комитете, а не в Совете. Рабочие предъявляли экономические требования к фабрикантам, основными их требованиями были 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы. За время войны подорожало продовольствие и предметы потребления, зарплаты были заморожены на довоенном уровне, трудовой народ обнищал.

О вооруженном восстании мало кто думал. На исполнение требований стачечников, по экономическим вопросам, фабриканты не шли. Шла Русско-Японская война, у всех фабрикантов были военные заказы, с установленными сроками исполнения.

Осенью 1906 года, вместе с другими членами Исполкома, Парвус предстал на открытом судебном процессе, получившем большой общественный резонанс. В отличие от Троцкого, приговорённого к пожизненному поселению в Сибири, с лишением всех гражданских прав, Парвус получил 3 года ссылки в Туруханский край. Но, как и его ученик, Троцкий, по пути в ссылку бежал, вернувшись сначала в Петербург, а затем в Германию, где его ожидал большой скандал. Парвус был подвергнут партийному суду Германских социал-демократов, по требованию Горького. Парвус был литературным агентом Горького в Германии и скрывал в свою пользу гонорары от спектаклей, полученные им в Берлине и в других городах Германии, поставленных по пьесам Горького.

У обоих, у учителя и у ученика была обувь, в каблуки которой были спрятаны золотые червонцы, которые они использовали для подкупа охраны во время побега.

В начале своей революционной деятельности, Парвус (Гельфанд), какое-то время, входил в террористическую организацию «Народная воля». Ее члены пытались интерпретировать марксистские положения применительно к российским реалиям и пришли к выводу, что в России, феодальном крестьянском государстве, переворот может быть совершен только «снизу», с помощью крестьянских масс. Но что они думали по поводу религии, в которой Маркс усмотрел «опиум для народа»? Как можно было убить веру в «доброе царя» в русском крестьянине, приверженце традиций и обрядов? Этот вопрос был полностью проигнорирован революционерами.

Кроме этого, в среде членов союза «Освобождение труда», марксистской организации, основанной Плехановым, считали, что путь России к революции непременно связан с индустриализацией. Поэтому революция в России должна осуществляться пролетариатом, который создавался капиталом и развитием промышленности. Так это проповедовал Плеханов, основатель движения «Освобождение труда», тем самым поставив перед рабочими задачу, самим себя «освободить». К позиции Плеханова присоединились Игнатъев, Засулич, Дейч, Аксельрод, которые объявили себя русскими марксистами.

Израиль Лазаревич Гельфанд (Парвус), в этом увидел определенную логику и принял их сторону, присоединился к ним. Он завёл связи с фабрикантами, торгующими оружием. В конце 1904 года, Парвус сблизился с Троцким, которого познакомил со своей теорией «перманентной революции» и увлёк его ею.

Троцкий стал адептом теории «перманентной революции» разработанной Парвусом. Познакомившийся с ним в редакции «Искры» Троцкий, считал Парвуса «выдающейся марк-

систской фигурой конца прошлого и начала нынешнего столетия», и позже вспоминал, что уже в те годы Парвус «был одержим совершенно неожиданной мечтой, разбогатеть».

Вначале восстания арестовали Председателя «Петросовета», Хрусталева-Носаря, 26 ноября, а потом, 3 декабря, и весь «Петросовет», в составе 267 членов, в здании Императорского Вольного Экономического Общества, располагавшегося на Забалканском проспекте, современный Московский проспект.

Примечание: Георгий Хрусталёв-Носарь, 1877 года рождения, из крестьян Полтавской губернии. Учился в Переяславской и Киевской гимназиях, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Будучи студентом, сотрудничал в журнале «Русское богатство» и поддерживал отношения с Михайловским, Кропоткиным, Мечниковым. За участие в студенческом движении был отчислен, но потом получил право сдать экзамены за университетский курс экстерном. Получив диплом, Носарь стал помощником присяжного поверенного в Харькове. Был членом «Союза освобождения». Сблизился с Григорием Гапоном, под руководством Гапона участвовал в организации Советов Рабочих депутатов, пользовался авторитетом у рабочих С.-Петербурга. Поэтому, когда был организован «Петросовет», в который вошли все антиправительственные организации С.-Петербурга, Хрусталёв-Носарь был единогласно избран его первым председателем.

Примечание: Бронштейн Лев Давыдович (Троцкий), родственник, по матери, банкиров Животовских, связанных с банкирским домом Якова Шиффа, США, что помогало ему, вместе с семьёй, безбедно жить во время его эмиграции в США. Родился 26 октября (7 ноября) 1879 год, в семье богатых землевладельцев-арендодателей из числа еврейских колонистов земледельческого хутора неподалёку от села Яновка, умер 21 августа 1940, Койоакан, Мексика, убит наёмником террористом. Этапы идеологического пути, конституционный монархист, меньшевик, искровец-большевик, создатель разновидности марксизма, которое назвали его именем, «троцкизм». Дважды был ссыльным, при монархическом режиме, был лишён всех гражданских прав в России, в 1905 году. В 1932 году был лишён советского гражданства. Один из основателей и идеологов Коммунистического, Четвёртого Интернационала, в 1938 году.

После ареста Исполнительного Комитета «Петросовета», попытка ответить всеобщей забастовкой и обратить ее в вооруженное восстание в С.-Петербурге не удалась, большевистские агитаторы не сагитировали воинские части Петербургского гарнизона к восстанию. Портсмутский мир с Японией был только что заключен, но войска еще не вернулись с театра военных действий. «Герой» мира, Витте вернулся в Петербург, на него были обращены все взоры, как на единственно возможного восстановителя внутреннего мира, чем он и занялся, входя в личное взаимодействие со всеми руководителями, всех антиправительственных течений, стремясь прийти с ними к соглашениям и погасить конфликты.

Забастовка железнодорожников создала дополнительную проблему, прервав возможность передвижения между С.-Петербургом и Москвой по железной дороге. Она остановила деятельность всех отраслей государственной и общественной жизни. Правительство совершенно растерялось.

Восстание в Москве. Революционеры всех партий обратили внимание на Москву, где только что создали Совет Рабочих Депутатов и пытались организовать восстания в воинских частях.

2 декабря 1905 года в Москве восстали солдаты 2-го гренадерского Ростовского полка. Они выбрали полковой комитет, который выдвинул требования созыва Учредительного собрания, передачи земли крестьянам, освобождения политических заключенных и обратился с воззванием ко всем войскам московского гарнизона поддержать его требования. Это воззвание нашло отклик в других гренадерских полках 1-й и 2-й дивизий Гренадерского корпуса. Был создан Совет солдатских депутатов из представителей Ростовского, Екатеринославского и некоторых других гренадерских полков. Но командованию гарнизона, с помощью верных присяге драгун и казаков 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии того же Гренадерского корпуса, удалось изолировать ненадежные воинские части в казармах, лишив их доступа к оружию.

Стачка в Москве началась с конца сентября 1905 года, с целью добиться экономических уступок и политических свобод. Забастовки охватили всю страну и переросли во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. К середине октября, в различных отраслях промышленности России, бастовало свыше 2 млн человек.

В ходе забастовки, в конце сентября и в октябре в Москве, возникли следующие советы рабочих депутатов по профессиям, Совет депутатов типографских рабочих, Совет депутатов пяти профессий, Совет депутатов столярного производства. Это были организации для руководства стачкой рабочих определенных профессий, не претендовавшие на политическое руководство. Это были, рабочие организации профсоюзного типа. Под партийным руководством были только боевые группы, объединившихся партий.

Московский Совет Рабочих Депутатов, собравшийся в училище Фидлера, для выборов Исполнительного Комитета, был разгромлен войсками, 5 декабря, поэтому единый руководящий центр восстания так и не успел возникнуть, восстание развалилось на отдельные очаги сопротивления. Училище Фидлера уже давно было одним из центров, в котором собирались революционные организации, там часто происходили и митинги.

В ночь на 8 декабря произошла перестрелка боевиков с городовыми. В 3 часа ночи был разграблен боевиками оружейный магазин Биткова, на Большой Лубянке.

Днём, 8 декабря, появились на улицах «боевые дружины» и начались стычки с войсками. К вечеру забастовка перешла в открытое восстание, началась постройка баррикад. Небольшая горсть рабочих сражалась за этими тонкостенными сооружениями в течение целых пяти дней против войск, находившихся на данный момент в Москве. На шестой день прибыл гвардейский Семеновский полк, вызванный из С.-Петербурга. Против него, засевшие на Пресне боевики, всего две-три сотни, продолжали вести бой еще в течение пяти дней, пока, наконец, восстание не было подавлено окончательно. Это стоило разрушения целого квартала и гибели сотен случайных прохожих, попадавших под такой же случайный обстрел.

9 декабря, торговец на Тверской, фруктовщик Кузьмин, не пожелавший подчиниться требованию боевиков, был тут же уложен на месте тремя револьверными выстрелами. В ресторане «Волна», в Каретном ряду, боевики изранили ножами швейцара, не пожелавшего их впустить. Восстание выливалось в разбои, мародёрство, ограбления и убийства первых, попавших под горячую руку, или по «списку», полицейских чинов, вместе с их семьями, включая детей.

В тот же день, 9 декабря, войска вновь бомбардировали училище Фидлера, где засели боевые дружины. С балкона была брошена в войска бомба. Было произведено 12 орудийных выстрелов и несколько ружейных залпов, после чего революционеры сдались в числе 118 человек, потеряв 3 убитыми и 15 ранеными. Со стороны войск убит один прапорщик и ранены 3 пехотных нижних чина, драгун и жандарм. В училище обнаружили и изъяли 12 бомб, много оружия и большое количество патронов.

10 декабря началось массовое строительство баррикад. К строительству баррикад боевики принуждали местных жителей. Из-за баррикад производилось несколько выстрелов в подходившие войска или полицию, после чего боевики разбегались, уходили проходными дворами. К баррикадам подтягивали пушки и расстреливали их прямой наводкой, вместе с оставшимися там любопытными. Тоже самое происходило при производстве стрельбы со стороны боевиков из жилых домов и дворов. Погибшие во время восстания, со стороны восставших, основная масса, обыватели. Городские здания разрушали правительственные войска с применением артиллерии.

На квартире у Марии Андреевой, в Георгиевском переулке в Москве, во время восстания, скрывались Красин и Бауман, в квартире хранились ручные гранаты, револьверы, изготавливались бомбы. Мария Андреева, также не отвергала и внимания к своей персоне, со стороны Николая Баумана.

Боевики встречали сопротивление и со стороны рядовых обывателей, патриотов-монархистов. Так, Николай Бауман был убит ударом по голове металлической тростью, удар, который произвёл рабочий Николай Михайлин. Между ними произошёл инцидент.

18 октября, Бауман в пролётке, с красным флагом в руке, ехал по улице и кричал, «Долой царя, Товарищи присоединяйтесь!». Из толпы гулявших рабочих, они праздновали дарование царского Манифеста, в пролётку заскочил рабочий, Николай Михайлин, с возгласами, «я царю пять лет, верой и правдой, он манифест..., а ты его долой», стал выталкивать Баумана из пролётки. Во время завязавшегося единоборства Бауман стрелял в Михайлина из револьвера, но тот уклонился от выстрела и защищаясь ударил Баумана тростью. Бауман вывалился из пролётки без револьвера, вскочил на ноги и стал убегать. Михайлин догнал его и несколько раз опять ударил Баумана тростью, попадал и по голове. В результате от полученных побоев, Бауман умер. Есть и другая версия гибели Баумана, его убрали, как свидетеля по делу об убийстве Саввы Морозова, в котором он принимал участие, партийцы свои же, заматали следы. Через несколько дней были организованы торжественные похороны Баумана, с участием многотысячной толпы, с проклятиями в адрес «кровавого режима» и агитацией к восстанию. Николая Михайлина, в 1922 году, ликвидировали, тихо, без суда и юридических формальностей, по спискам «врагов народа».

Эта всеобщая забастовка и, прежде всего, забастовка железнодорожников, вынудили императора пойти на уступки. 17 октября был издан Манифест, «Об усовершенствовании государственного порядка». Манифест 17 октября даровал гражданские свободы, неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Манифестом был обещан созыв Государственной Думы, что по сути, влекло изменение государственного строя страны, её превращение из абсолютной монархии в конституционную.

Сразу же возникли новые, легальные профессиональные и политические союзы, по всему спектру отношений к внутренней политике правительства. Были созданы или перешли на легальное положение, Партия социалистов-революционеров, РСДРП, Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», Русская монархическая партия, «Союз Русского Народа» и другие.

Манифест 17 октября был серьёзной победой в борьбе за народное представительство во власти, но крайние левые партии, большевики и эсеры, не поддержали Манифест. Большевики объявили о бойкоте 1-ой Думы и продолжали курс на вооружённое восстание, принятый ещё в апреле 1905 года на III съезде РСДРП, большевиков, в Лондоне. Несмотря на громадные уступки Царя, сделанные в Манифесте 17 октября 1905 года, с дарованием обществу широких гражданских и политических свобод, вскоре, после этой значительной реформы, революция приобрела насильственный и погромный характер.

27 ноября (10 декабря) в Москве вышел первый номер легальной большевистской газеты «Борьба», средства на которую выделил издатель Сергей Скимунт. Газета была посвящена целиком революционному движению рабочего класса. Всего вышло 9 номеров, последний номер вышел с воззванием «Ко всем рабочим, солдатам и труженикам!», призывавшим к всеобщей политической стачке и вооружённому восстанию.

Московские власти самоустраились от борьбы с восстанием и не оказывали никакой поддержки ни армии, ни обывателям.

Адмирал Дубасов ввёл в Москве и Московской губернии положение чрезвычайной охраны, привлёк к восстановлению порядка 5 тысяч человек пехоты и кавалерии, при 16 орудиях и 12 пулемётах. Войска и полиция сосредоточились в центре Москвы, заняли Николаевский вокзал, а также почтамт, телефонную станцию, Московскую контору Государственного банка, арестовали членов Федеративного совета.

Количество вооружённых революционеров-дружинников не превышало 1000—1500 человек. Большинство обладало мало пригодными револьверами и 700—800 человек из этих дружинников, были вооружены этими револьверами. Применяя типичную тактику партизанской войны, они не удерживали позиций, а стремительно и порой хаотично перемещались с одной окраины на другую, от одной баррикады к другой. Кроме того, в ряде мест действовали небольшие мобильные группы, летучие дружины, под руководством боевиков-эсеров и сформированная по национальному признаку дружина студентов-кавказцев. Командовал одной такой дружиной Сергей Коненков, ставший известным скульптором при советской власти, а под его началом действовал будущий поэт Сергей Клычков. Боевики нападали на отдельные воинские посты и городовых.

Инструкция для боевиков гласила, не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в три-четыре. Пусть лишь этих отрядов будет как можно больше, и пусть каждый из них выучиться скоро нападать и скоро исчезать. Не занимайте укреплённых мест. Войско их легко сможет взять, либо просто повредить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы, из которых просто стрелять и просто уйти.

Ленин, возвратившись в эмиграцию, после неудачи с восстанием в С.-Петербурге, слал оттуда инструкции на листовках, для восставшего населения, как нападать на полицейских и царские войска, при отсутствии оружия.

В ночь с 14 на 15 декабря, из Петербурга в Москву, по действовавшей Николаевской железной дороге, прибыли ещё 2 тысячи солдат Семёновского лейб-гвардии полка.

С 15 декабря начали возобновлять работу магазины, учреждения и некоторые предприятия и газеты.

16 декабря, прибыл в Москву из Варшавы 16-й пехотный Ладожский полк под командованием полковника Карпова, которые вскоре подавили оставшиеся очаги сопротивления. Основная часть Семёновского полка завязала бои на Пресне и начала её обстрел.

18 декабря штаб обороны Пресни отдал приказ прекратить сопротивление, часть дружинников скрылась, часть была захвачена, некоторые расстреляны на месте.

3-й батальон Семёновского полка под командованием полковника Римана с 16 декабря по 21 декабря восстановил контроль над ближайшими к Казанскому вокзалу станциями Московско-Казанской железной дороги, при этом было расстреляно около 150 человек. К 19 декабря восстание было подавлено.

В этот же день, 19 декабря, меньшевики и эсеры распустили свои дружины и прекратили сопротивление. Боевики перешли на режим конспирации, руководители уехали за границу. Под суд пошли рядовые революционеры непрофессионалы.

Восстание вызвало многочисленные человеческие жертвы среди мирного населения Москвы, погибло как минимум 580 ни в чём не повинных москвичей, 14 московских дворников и 36 московских полицейских, среди горожан было много раненных. Была нарушена нормальная функция городского хозяйства, осложнён подвоз продовольствия и топлива в город, серьёзный ущерб причинён имуществу города и граждан, несколько десятков жилых, производственных и общественных зданий сгорело или было разрушено в ходе боёв, многие улицы лишились разобранного для строительства баррикад дорожного покрытия, булыжного камня, освещения, телефонной связи. Всё это, среди суровой московской зимы. Усилился отъезд жителей из Москвы за границу, с 1 января по 12 июня 1906 года выдано было почти столько же загранпаспортов, сколько было выдано за весь 1905 год.

Всего в ходе восстания в Москве погибло 424 человек, 34 военнослужащих и полицейских, 84 дружинника, остальные жители города, ранено 680 человек, из них 108 военнослужащих и полицейских, 43 дружинника. В результате обстрелов, пожаров и массового строительства баррикад, дома и объекты городского хозяйства получили значительные повреждения. В Москве и Московской губернии к 27 января 1906 арестовано 936 человек, несколько тысяч рабочих уволено. 68 участников боёв на Пресне в 1906 году приговорены к различным срокам каторги, тюремного заключения и ссылки. Поражение Московского восстания привело к спаду революционного движения во всей Российской империи.

«Боевики» и террористы, революционеры-профессионалы укрылись на конспиративных квартирах, основная их масса вернулась в Швейцарию или Лондон. Под суд пошли революционеры-любители, которым бежать было некуда и денег у них не было для побега. Они осуждались судами к различным мерам наказания, смертная казнь, каторга, ссылка и прочее.

Глава 11

1905—1906 годы. Продолжение.

Вооружённые восстания в городах

Восстание в Нижнем Новгороде.

Политические митинги начались в Канавино после манифеста о свободе, 17 октября, 1905 года. На митингах ярко заявил о себе бухгалтер-железнодорожник Сергей Акимов и Дмитрий Колинский. Пропаганда, о немедленном исполнении положений Манифеста, привела к забастовкам на Канавинских заводах в ноябре 1905 года. Серьёзно забастовали трамвайные служащие, которых поддержали извозчики. Сами извозчики строго наказывали тех из своей среды, кто продолжал работать. Началась забастовка и у почтовых служащих.

Канавинские околоточные и городовые, в защиту своих прав, выдвинула требования к полицмейстеру. Они требовали:

- выплату денег за наряды на Нижегородской Ярмарке и на обмундирование,
- не участвовать в задержании политических,
- увеличения своего месячного денежного содержания,
- городовые хотели нести службу на постах, а не заменять собой кучеров, писарей, лакеев,
- обращения старших полицейских чинов к младшим, уважительного,
- убрать из сыскной службы агентов с уголовным прошлым,
- исполнения обязанностей, только по охране граждан и не хотели исполнять обязанностей жандармерии.

Полицейстер сообщил им, что готов выдать деньги за службу на Ярмарке и на обмундирование, а в случае проведения собрания и отказа выполнять приказы, городовые будут иметь дело с казаками. Также, полицейское начальство усмирило своих «бунтарей» с помощью ихних жён, проведя с ихними жёнами встречи и собеседования. Конфликт был погашен, 2-х зачинщиков «бунта» ушли со службы. Министр Трепов, выслал 10 000 рублей для выплаты «бунтовщикам».

«Манифест о свободах», не до конца продуманный, «вдохновил» и самих полицейских, на защиту своих прав.

Губернатора, никаких серьёзных мер к разгону антиправительственных соборщ не предпринимал, пользуясь наличием секретного указа, от центральных органов, «не препятствовать собраниям.». Только 9 декабря 1905 года, губернатор отдал приказ о разгоне митингов в Канавино.

Губернатора Унтербергера, уволили от службы, и назначили нового губернатора, статского советника Фредерикса, переведённого в Нижний Новгород с должности вице-губернатора Тобольской губернии.

Восстание началось 14 декабря 1905 года, с утра, в Канавино. На площади, перед Московским вокзалом, революционеры проводили митинг, участники митинга запели революционные песни. Около 14 часов из Гордеевки, подошла манифестация жителей с белыми флагами, портретами Николая II и иконами. В её рядах были и ломовые извозчики, и грузчики. Первым шёл Соколов. Руководитель революционного митинга Акимов подбежал к присутствующим двум полицейским наблюдателям и попросил их остановить подошедших манифестантов, которых революционеры называли черносотенцами.

Черносотенные организации появились в Нижнем Новгороде, как и по всей России, только после манифеста Императора от 17 октября 1905 года, разрешившего создание политических организаций в Российской Империи. В средневековой Руси «черной сотней» назы-

валось податное посадское население, основа для формирования государственного бюджета. Правительство до нарастания революционных событий, не было заинтересовано в инициативе снизу, даже в инициативе правого толка. Министр внутренних дел Плеве не одобрял ни Зубатова, с его рабочими организациями, ни других каких, не подотчетных правительству организаций. Их не преследовали, но и не культивировали. Востребованы «черные сотни» стали при нарастании революционных событий 1905 года, которые были организованы различными партиями. Прежние методы воздействия на бунтовщиков, аресты, ссылки, тюрьмы, даже массовые расстрелы и казни, не приносили снижения волнений в населении. Правительство решило попытаться укротить революционное движение руками верноподданного народа.

К черносотенцам не примкнул, не присоединился ни один из выдающихся деятелей русской культуры. Но озлобление против них, русских интеллигентов, со стороны, деятелей черносотенного движения, было сильным. Как только их не называли в партийной печати, «Хриstopродавцы, изменники России, интеллигентская шушера, жидолюбы», такими «титулами» они награждали в своих печатных изданиях Льва Толстого, Чехова, Горького, Мережковского, Леонида Андреева. Как результат, начались погромы, иноверцев с участием населения.

21 октября 1905 года, в годовщину восшествия на престол Николая II, промонархически настроенные граждане, провели молебен и манифестацию в поддержку монарха. Манифестанты ходили по разным улицам города, распевая «Боже, царя храни». Кроме государственного флага, впервые появился белый стяг. Из прилегающих сёл подтянулись крестьяне, и общее число манифестантов достигло 20000 человек. Шествие возглавил Нижегородский епископ Исидор. Белые флаги неспроста появились в руках манифестантов, белый цвет был символом православия. 22 октября 1905 года, нижегородская черносотенная организация союз «Белого знамени», была официально зарегистрирована. Союзом «Белого Знамени» руководил комитет из 21 человека, в основном священники и купцы.

С ноября 1905 года началась активная работа «Бело-Знаменцев» с населением. Они начали выпускать газету «Минин», печатные листки и прокламации. Основными идеологическими лозунгами «Бело-Знаменцев» являлись, «Православие, Самодержавие, Народность». Они ратовали за восстановление абсолютной власти монарха, требовали жёсткой расправы с либеральной интеллигенцией и студенчеством, соблюдение действовавшего законодательства, в отношении еврейского населения.

Ещё одна, вновь образованная черносотенная организация, «Союз русского народа», СРН, был активен только в районах с многонациональным смешанным населением. Он активно действовал на Украине, в Белоруссии и в 15 губерниях «черты еврейской оседлости», прописанной в российском законодательстве. Русскому населению, деятели СРН внушали, «Русский народ, „развесил уши“, слушает революционеров агитаторов, еврейских ораторов, верит им идёт за ними».

Возвращаемся к событиям манифестации. Полицейские потребовали у предводителя манифестантов, черносотенцев, Соколова, не провоцировать драки с революционерами, но было поздно. Часть манифестантов, подойдя к вокзалу, начали разбирать деревянный забор сквера на колья и ринулись на революционеров. Революционеры побежали в здание вокзала, а дружинники революционеров, открыли огонь по черносотенцам. Полицейские, которые находились между противными сторонами, были ранены выстрелами и отошли в здание вокзала вместе с революционерами. Революционеры забаррикадировались в здании вокзала. Полицейские ушли из здания вокзала, выйдя с другой стороны, на железнодорожные пути. Митингующих выбили из здания вокзала на следующий день, 15 декабря. После второго выстрела из прибывшей пушки, вместе с артиллерийской обслугой, митингующие сдались. К этому времени, дружинников у митингующих осталось только 7 человек, остальные ночью ушли, с другой стороны вокзала, по путям. Полицейские не позволили казакам расстрелять главарей митинга, сказав им, что у них приказ всех захваченных доставить живыми в часть.

Толпа начала избивать подозрительных людей, сильно досталось студенту Шумилову, шедшему с повязкой красного креста. У толпы его отбил околоточный надзиратель.

Сразу после событий, в полицейскую часть потянулись люди за компенсацией от ущерба, ими полученного во время разгона революционеров. Полицейские вежливо отправляли потерпевших к губернатору. При розыске восставших в Канавино, нашли только 19-ти летнего Ивана Мездрякова, который участвовал в устройстве баррикад. Его приговорили к 4 годам пребывания в арестантских ротах, но Мездряков принял участие и в подготовке побега революционеров из тюрьмы и хранил самодельную бомбу, за что ему добавили ещё 8 лет каторги. Остальных дружинников не нашли, они знали где им скрываться.

Предводителю революционеров Акимову, присудили 4 года каторги, так как суд принял решение, что огонь, который революционеры открыли из револьверов по черносотенцам, носил «оборонительный» характер.

Владимир Ульянов, посещая Нижний Новгород в 1893, 1894 и 1900 годах, встречался и с Сормовичами, активистами революционерами, консультировал их в вопросах революционной деятельности.

После событий 9 января, в С.-Петербурге, в Сормово началась волна непрерывных забастовок и столкновений с полицией, бастовало по несколько тысяч человек. Основная масса рабочих на Сормовских заводах состояла из крестьян-староверов, которые с детства были воспитаны в духе неприятия царской власти.

17—18 февраля рабочими был создан «Совет уполномоченных», который, 5 марта на общем собрании с заводской администрацией, выдвинул экономические требования, 8 часового рабочего дня, повышение заработной платы, прекращение вычета 1% заработной платы на нужды церкви, и возвращение уволенных за участие в стачках. Администрация частично удовлетворила требования «Совета».

За первые три месяца 1905 г. в Сормово и Канавино прошла 51 забастовка.

28 апреля, по приказу комитета партии социал-революционеров, был убит ротмистр Грешнер, начальник отделения наружного наблюдения, прямо у входа в охранное отделение. При преследовании террориста смертельно был ранен караульщик Курицын. Убийцу догнали и задержали. Им оказался дворянин Пензенской губернии Никифоров.

12 августа 1905 года, по приговору суда террорист был повешен.

Поскольку в Сормово была организована и хорошо вооружена дружина из рабочих-революционеров, в несколько сотен человек, полицейские стали избегать вмешиваться в события, происходившие в Сормово.

В Нижнем Новгороде стали распространять слухи о Сормовском бунте. Богатые обыватели, боясь, что Сормово пойдёт на Нижний, грабить и убивать, стали покидать город, а из среды мелких и средних собственников стало формироваться черносотенное движение. Усилия администрации Сормовского завода, разрядить обстановку раздачей премий, эффекта не дало.

9 июня, в полу-годовщину «Кровавого Воскресенья», на заводах города бастовало около 50 000 человек. Силы полиции, солдат и донских казаков стали патрулировать на улицах посёлка. У Дарьинского леса, прошла сходка-митинг дружинников-революционеров, на котором решено было выступить против черносотенцев, якобы совершивших в Нижнем Новгороде погром.

Руководители нижегородской еврейской диаспоры имели ассимиляционные настроения, и рядовые члены тоже. Еврейская молодёжь и интеллигенция шли в революцию, участвовали в революционном движении в Нижнем Новгороде в рядах РСДРП, Партии Социалистов Революционеров. Сионистских организаций в Нижнем Новгороде не было до 1907 года. Последний еврейский погром, в Нижнем Новгороде, произошёл в 1881 году, 24 года назад, до описываемых событий.

11 июня, бастующие, в основном представители боевых дружин всех партий, направились из Сорново в город, с целью устрашить черносотенцев, а фактически с целью раздуть восстание. Произошла их стычка с черносотенцами в городе. В стычках с чёрной сотней было убито 6 и ранено 13 человек с обеих сторон. Стычка бастующих и черносотенцев произошла на Острожной площади. Митинг был посвящён январским кровавым событиям 1905 года в Петербурге. Революционеры произносили антиправительственные речи, но толпа верноподданных государю граждан напала на митингующих с целью разгона этого мероприятия. Колонна черносотенцев состояла из торговцев, подрядчиков, извозчиков, каменщиков и других жителей, оставшихся без доходов и работы в результате забастовок, то есть тех, кто решил регулярного заработка в результате череды забастовок. Черносотенцы тоже создали «Охранную Артель», по примеру революционеров, для охраны своих сподвижников. Один из участников революционного митинга, Александр Гейнце, из револьвера произвёл выстрелы в колонну черносотенцев, подходившую к митингующим. Своим выстрелом он ранил извозчика Ключьева в плечо. Толпа схватила стрелявшего революционера и забила его на месте. Другой революционер, Вениамин Лазарев вбежал в квартиру Евсея Уланова, и они оба, из квартиры, открыли огонь по толпе, но ни в кого не попали. Толпа ворвалась в эту квартиру, но стрелявшие убежали, скрылись в Народном доме, где спрятались, их не нашли, они спрятались в котле.

На площадь прибыли губернатор Унтербергер и полицмейстер Таубе и стали предпринимать меры, чтобы спасти избиваемых революционеров из рук разъяренной толпы. Попытки полиции и казаков отбить революционеров у толпы были не удачными.

На смерть толпой оказались забиты 3 человека. С опасными ранениями в больницы доставили 18 человек.

Основной целью черносотенцев были организаторы и активисты революционного движения, еврейским погромом это нападение назвать невозможно, просто в рядах революционеров было много евреев, около трети. Организаторы нападения у черносотенцев были задержаны полицией и подверглись разбору. Полиция произвела аресты подрядчика Ключьева, трактирщика Журавлёва и сапожника Семёнова, ещё шестерых черносотенцев взяли под полицейский контроль. Полиция защищала митингующих революционеров от черносотенцев.

Все партии и движения имели свою тактику борьбы с самодержавием, эсеры – индивидуальный террор, социал-демократы – стачки, кадеты – выступления в Государственной думе, изменения в законодательстве. Революционеры использовали все поводы и возможности, чтобы разжечь восстание в городе.

Черносотенцам не принадлежала монополия погромной тактики, хотя именно погромы были кульминационными моментами всех их действий, главным смотром сил и наиболее радикальным средством их борьбы с революционными течениями. Евреи старались защитить себя от погромов, и для защиты вооружались огнестрельным оружием, обычно пистолетами. Евреи были тем «фитилём», которым разжигались беспорядки и бунты в Российской империи, начиная с народовольцев. После схода с политической сцены империи народовольцев, этим же приёмом, для возмущения и народного бунта, стали пользоваться социалисты-революционеры, в народе и в печати они назывались эсерами. Департамент полиции всегда знал, о начале погромов, и для защиты богатых евреев выставлялись, на дни погрома, охранные караулы.

Правительственные субсидии являлись одним из главных источников финансирования черносотенных союзов. Субсидирование осуществлялось из секретного фонда Министерства внутренних дел. Финансируя черносотенцев, правительство тем самым получало возможность влиять на их политику. На периферии основным источником денежных поступлений являлись пожертвования населения. В самом худшем финансовом положении находились сельские отделения черносотенцев. Пресса черносотенцев и других монархистов была малочисленна из-за недофинансирования.

15 июня завод Сормово вновь бастовал. Министр Внутренних дел потребовал ликвидировать очаг беспорядков, и администрация завода объявила локаут. С 1 августа завод закрылся, 12 000 рабочих было уволено. Это выбило социальную базу из-под революционеров, основная масса рабочих из крестьян разъехалась по своим селениям, где шли напряжённые сельскохозяйственные работы и рабочие руки были востребованы. Но потребность страны в военной продукции, вынудила заводскую администрацию, с 17 августа начать запуск оборудования, к 25 августа завод работал полностью. Вновь назначенный директор завода Приемский отличался деспотичными методами правления, но забастовки продолжались.

12 июля, охранное отделение, ликвидировало типографию РСДРП и арестовало большинства членов «технической группы» партии, занимавшихся вооружением дружинников.

8 сентября, была ликвидирована вторая типография революционеров. Операция была очень эффективной, поскольку активных революционеров лишились агитационной литературы. Кроме того, обыски у членов РСДРП, изъяли документацию по формированию боевой дружины в Сормово. Была изъята литература по изготовлению взрывчатых веществ и Устав Боевой Группы. В это же время, жандармское управление ликвидировало «Крестьянскую группу» эсеров, объединившихся с социал-демократами. Эти действия нормализовали обстановку в Сормово в сентябре, но уже с октября, забастовки начались вновь, к ним присоединились семинаристы, учащиеся и студенты, после выхода Манифеста, всем хотелось митинговать и протестовать.

14 октября Сормовские революционеры поддержали всероссийскую забастовку, объявленную московскими железнодорожниками, стачка разрасталась.

Царский Манифест 17 октября 1905 года, обещавший демократические свободы, вызвал всеобщее ликование и подъём стачечного движения.

18-го октября, утром, многотысячная толпа двинулась от ворот завода в сторону города, где влилась в 45-тысячную манифестацию на Благовещенской площади, которая потребовала освобождения из тюрем революционеров. Тюремное начальство открыло камеры в остроге, который располагался рядом с Нижегородским Кремлём, в котором находилась резиденция губернатора. Попытка толпы, подстрекаемой и направляемой революционерами, прорваться на территорию Нижегородского Кремля была пресечена солдатами, приготовившимися стрелять на поражение.

Революционеры вышли из «подполья» и начали кипучую деятельность, явочным порядком захватив в Сормово здание народной столовой. Разместили в нём комитеты большевиков, меньшевиков и эсеров, организацию цеховых уполномоченных, боевые дружины, рабочую милицию и народный суд. 2 месяца завод находился в руках Объединённого Комитета, рабочие в цехах делали самодельное оружие, пики, сабли, кастеты, снаряжали взрывные устройства. Токарь Париков, по заранее сделанным чертежам, собрал самодельную пушку. Снаряды для нее отливались в литейном цехе, а потом снаряжались на квартире в Сормово.

В итоге было сформировано и вооружено несколько незаконных вооружённых формирований, наиболее боеспособным из которых была боевая дружина во главе с Павлом Мочаловым, насчитывавшая около 200 человек. Еще одна такая же «дружина» была сформирована в Канавино, во главе с революционером Сергеем Акимовым.

Вновь назначенный губернатор, Фредерикс, в связи с нехваткой воинских подразделений в губернии, а волнения шли по всей губернии и требовали присутствия вооружённой силы, кроме того необходимо было охранять железную дорогу, объявил мобилизацию резервистов-обывателей. На добровольной основе была сформирована «патриотическая дружина» и вооружена оружием, полученным из воинских хранилищ.

В формировании «Патриотической дружины» участвовали и монархические организации, «Союз Михаила архангела», «Белое знамя», «Союз русского народа». Общими усилиями,

вооружённое восстание революционеров в Сормово и Канавино было подавлено достаточно быстро.

Газеты сообщали о том, что распоряжением властей создан «военно-полицейский отряд добровольцев» численностью около 300 человек, в их числе – группа крестьян Печерской слободы, включая чинов запаса. Дружину разместили в Грузинских казармах, по соседству со штабом 77-й пехотной дивизии. Волонтерам выдали трехлинейные винтовки образца 1891 года. Для обучения назначили двух армейских офицеров. «Патриотической дружиной» командовали, подполковник Арзамасского полка Хаборский, отставной подполковник Мошкин и помощник полицмейстера Балабанов. Часть дружины в количестве 110 человек под начальством пристава Де-Бура участвовала в охране здания вокзала и полотна железной дороги.

Но большой роли, в развернувшихся 14—15 декабря в Сормово и Канавино боестолкновениях, «Патриотическая дружина» не сыграла. Основную работу по водворению порядка выполнили армейские подразделения. В разгар событий в губернском городе оставалось не более роты пехотинцев и сотни казаков, а также немногочисленный личный состав запасной, конно-артиллерийской батареи.

14 декабря было покончено с терроризировавшей район Сормово боевой дружиной Павла Мочалова. Накануне, губернатор Фредерикс обратился к генерал-майору Лебедеву, «Прошу распоряжения Вашего превосходительства о немедленном командировании в Сормово взвода конной артиллерии в помощь гражданским властям и находящимся там казакам». Первый бой начался 13 декабря, около 2 часов дня. Отряд вооруженных винтовками городских и спешенных казаков предпринял атаку на баррикады, где засели около 150 боевиков во главе с командиром дружины Павлом Мочаловым. Боевики открыли огонь по правительственным частям с баррикады и с третьего этажа местной школы. Был убит армейский офицер и ранены несколько казаков. Наутро, к зданию прибыл взвод артиллерии. У Дарьинского моста заняла позицию рота Арзамасского полка. Около 11 часов по баррикадам и зданию школы был открыт прицельный огонь из трехдюймовых пушек. После этого боевики разбежались, они вели военные действия партизанскими методами.

На другой день, был подавлен очаг мятежа в Канавино. В ночь на 15 декабря в Канавино прибыл взвод артиллерии к зданию вокзала. По вокзалу было сделано несколько оружейных выстрелов, одновременно была открыта ружейная стрельба. Боевики выбросили белый флаг. Среди сдавшихся оказались лидеры Канавинских большевиков Сергей Акимов и Солон Левит. Всего удалось задержать около 10 человек, революционеров любителей молодого возраста, от 17 до 26 лет. Их командиры, революционеры-профессионалы, сбежали. После этого войска были двинуты к Башкировскому училищу. Боевики оттуда так же сбежали, в перестрелке был ранен околочный надзиратель Михаил Ухов.

Охранное отделение совместно с жандармским управлением и полицией начинает повальные обыски по установленным лицам, причастным к революционной и террористической деятельности. Обыски в середине декабря у революционера Ждановского нашли зашифрованные списки боевой дружины, были обнаружены и ликвидированы две лаборатории по изготовлению бомб.

17 декабря по агентурной информации задержали двух террористов, готовивших подрыв Макарьевской полицейской части. При обысках у боевиков партии социал-революционеров, револьверов было изъято 50 штук. К концу декабря 1905 года, была пресечена деятельность стачечного комитета, координировавшего революционные выступления.

Революционные волнения устраивались в разгар тяжелой войны с Японией, когда на фронте проливали кровь тысячи русских солдат и офицеров, а в тылу народ напрягал силы, чтобы помочь своим армии и флоту выстоять. Газеты нагнетали обстановку, печатали сведения об актах революционного террора, от которых гибли сотни представителей власти и мирных

граждан. В городе, на глазах у населения создавались и вооружались революционные боевые отряды, готовились склады оружия и бомб.

Все это вызывало гнев и возмущение у населения лояльного к власти и к самодержавию. Сплочение осенью и зимой 1905 года активной части этого большинства населения, на которую либералы и радикалы навесили ярлык «черносотенцев», было актом самообороны, ответом на грабёж и убийства, исходившие от террористов и революционеров.

В начале 1906 года активные мероприятия проводились в отношении членов РСДРП, 16 февраля была ликвидирована очередная партийная типография. Кроме обычной пропагандистской литературы, у многих находили оружие и взрывные устройства.

Скрывшиеся члены РСДРП решили направить свои усилия на агитацию крестьян, но ввиду малых денежных средств и нехватки литературы особого успеха эта деятельность не имела.

К августу 1906 года, благодаря хорошей агентурной работе, была выявлена оставшаяся группа членов РСДРП, и 8 августа изъята их типография, проведены массовые аресты.

2 августа была ликвидирована оставшаяся на свободе боевая группа Партии эсеров. Благодаря агентуре предотвратили налёт на Госбанк, арестовали московских боевиков Партии эсеров.

Эсеры совместно с анархистами, стали проводить «эксы», занялись грабежом денежных средств. Своевременная агентурная информация помогла быстро задержать грабителей.

С апреля по октябрь 1906 года было изъято у революционеров, 3 мимеографа, 2 типографских станка, 2 гектографа, подложные паспорта, 21 револьвер, 3 ружья, 3 бомбы и готовая агитационная литература.

В сентябре, по указанию Столыпина, полицейские отделения составляют списки для увольнения государственных служащих, сотрудничающих с революционными организациями.

С начала 1907 года громко о себе начали заявлять анархисты. В анархисты уходили психически неуравновешенные революционеры, часто склонные к садизму, что увеличивало их опасность для простых горожан. Уже 10 марта анархисты ограбили заводскую контору, похитив 1165 рублей. Тогда же формируется группа анархистов-коммунистов, которые откололись от Партии эсеров. Именно они и совершили этот грабёж. Но благодаря агентурным данным почти все были вскоре задержаны. В августе 1907 года, оставшиеся на свободе анархисты-коммунисты совершили нападение на станцию Суроватиху, застрелив двоих жандармов. Затем они ограбили Каменское почтовое отделение. По делу было задержано 12 человек.

После объявления Высочайшего Манифеста о даровании политических свобод в Нижнем Новгороде не только образовались или легализовались оппозиционные партии, но и возникло мощное право-консервативное движение. 22 октября 1905 года был учрежден Союз «Белое знамя», выступающий под лозунгами «Православие, Самодержавие, Народность». Из стана нижегородских правых исходила критика как безответственных мечтателей-либералов и преступных, по их мнению, левых экстремистов, так и отдельных представителей власти, проявляющих слабость и нерешительность в деле наведения общественного порядка. К издержкам и перекосам этого движения можно было отнести нагнетание его лидерами национального вопроса, что в прочем было лишено какой-либо расистской окраски, а носило сугубо политический характер.

В условиях острейшей нехватки войск Константин Фредерикс принимает решение удовлетворить просьбу активистов союза «Белое знамя» о формировании «Патриотической дружины». Интересно, что викарный епископ Исидор, являвшийся неформальным вождем этого православно-патриотического союза, тотчас выступил в печати с разъяснением, что дружину

создает не «Белое Знамя», имеющее своей программой умиротворение и просветительство, а лишь отдельные его члены в частном порядке участвуют в данном начинании.

Добровольческий отряд утратил статус официального военно-полицейского формирования в начале 1906 года. После ликвидации революционных боевых дружин надобность в нем отпала, отряд был разоружен и распущен по домам. Формально, Патриотическая дружина сохранялась и в последующие годы, возобновляя свою практическую деятельность по мере надобности. В мае 1913 года, во время визита императора Николая II в Нижний, дружина была воссоздана с целью охраны царской особы, по списку в ней значился 301 человек.

После 1905 года Нижегородская губерния покрылась густой сетью отделений консервативно-монархических организаций – Союза русского народа и Союза имени Михаила Архангела. В Нижнем Новгороде, наряду с «Белым Знаменем», оформился Георгиевско-Мининский отдел Союза Русского Народа. Лидерами этих патриотических объединений в разные годы состояли фельдшер Петр Шитов, педагог Владимирского реального училища Степан Смотраков, маляр по вывескам Гавриил Стрелков, настоятель Казанской церкви о. Николай Орловский, священник Алексеевской церкви о. Петр Ласточкин, нотариус Иосиф Одинцов, служащий торговой фирмы Михаил Стебик.

В Сормово возник местный отдел Союза Михаила Архангела, который возглавил мастеровой завода Семен Колотков. В уездах также выдвинулось немало способных лидеров-патриотов, например, в Выездной Слободе многочисленную организацию «союзников» возглавил Василий Чичканов, а в Городце, протоиерей Архангельского храма о. Владимир Орлов. Массовое народно-патриотическое движение, развернувшееся в 1905 году, послужило, наряду с военной силой, важнейшим фактором преодоления революционной антигосударственной смуты.

27 ноября 1906 года в Нижнем Новгороде прошел судебный процесс над участниками декабрьского вооруженного восстания в Сормово. Вооруженных бандитов, виновных в параличе производства и безработице населения, насаждении анархии, гибели десятков представителей власти и мирных обывателей, судил, с соблюдением всех процессуальных норм, царский суд. Большинство главных организаторов и вдохновителей кровавого мятежа, к тому времени, бежали из города и скрылись от правосудия, кто где. В основном революционеры-профессионалы, скрылись за границу, у кого были деньги партии. На скамью подсудимых сели второстепенные фигуранты дела, многим из которых едва минуло 17 лет, революционеры-любители, кому предстояло быть осужденными к различным видам наказания, смертная казнь, каторга, ссылка и прочее. Хотя на большинстве подсудимых была кровь невинных граждан, суд проявил к ним предельную гуманность, вынес очень мягкие и даже оправдательные приговоры. Революционеры-профессионалы, организаторы и главные вдохновители восстания, Мочалов, Павлов, Скосырев, Чугурин и другие, бежали и скрылись в других губерниях и за границей, убыли на свои заграничные базы, для восстановления сил и продолжения борьбы, революционеры-любители остались на местах, для освоения виселиц, тюрем и каторги. Подсудимых было 16 человек, о многом говорит их возраст от 17 до 29 лет, молодёжь.

Канавино и Сормово довольно сильно пострадали в ходе боев. В Сормово было разрушено 15 жилых домов и погибло 43 жителя. Под новый год в Нижнем Новгороде и Сормово были введены дополнительные меры безопасности. Губерния была объявлена на «положении чрезвычайной охраны», на улицах ввели комендантский час, запрещалось передвигаться группами более двух человек, доступ в окрестные леса также был закрыт. Все легальные и нелегальные организации рабочих, по распоряжению губернатора, были закрыты. Вплоть до Рождества шли аресты и обыски, всего было задержано около 300 человек. При этом рабочего Шимборского, пытавшегося устроить драку с конвоирами, застрелили прямо на улице, а его коллегу Минаина закололи штыками.

Глава 12

1905—1906 год. Вооружённые восстания в городах

11 – 12 января в Ярославле, Вильно, Ковно, Риге, Харькове, Саратове и других городах России, прошли восстания, в знак солидарности с рабочими С.-Петербурга, погибшими на Дворцовой площади. Революционное движение ширилось с каждым днем.

12 января, после «Кровавого Воскресенья, 9 января», Ленин писал, «Величайшее историческое событие происходит в России. Пролетариат восстал против царизма... Лозунг героического Петербургского пролетариата: „Смерть или свобода“ эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой». С.-Петербургские рабочие, во главе с Григорием Гапоном, шли к царю не за свободой или смертью, а за защитой своих трудовых прав и улучшением своей жизни. Стремление и задача Владимира Ленина состояли в том, чтобы «раздуть пламя революции», за чем шли рабочие, его не волновало.

Иваново-Вознесенск. 9 мая, 1905 года, на нелегальной партийной конференции, в присутствии представителей фабрик и заводов, участвовавших в марксистских кружках Иваново-Вознесенска, было принято решение начать забастовку. Руководил конференцией Фёдор Афанасьев, профессиональный революционер, на момент собрания исполнял обязанности секретаря Иваново – Вознесенского комитета РСДРП. Были рассмотрены и утверждены 26 требований к фабрикантам, включавшие в первую очередь требование 8-часового рабочего дня, уничтожение ночных и сверхурочных работ, установление минимума заработной платы, включая улучшение санитарно-бытовых условий работы и политические требования.

С 12 мая 1905 года, в Иваново-Вознесенске, около полудня, рабочие фабрики Бакулина бросили работу и вышли за ворота. Из воспоминаний участника забастовки, «Я работал тогда на ткацкой фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры». Мы, члены партийной организации, собравшись группой в несколько человек, раза два-три уходили на разведки, чтобы узнать, что делается на других фабриках. Заглянули на фабрику Бакулина, рабочие, бросив работу, большой толпой стояли у ворот и шумно разговаривали. На небольшом расстоянии от них, как раз против фабрики, в полном боевом порядке стоял отряд казаков». Когда мы вернулись на свою фабрику из последней разведки, было уже около четырех или пяти часов вечера. Рабочие еще продолжали работать. Несмотря на приподнятое, явно забастовочное настроение, поднять рабочую массу на забастовку оказалось нелегко. Все члены организации на фабрике ходили по корпусам и агитировали за забастовку, но рабочие не решались бросать работу».

Из «воспоминаний» видно, что забастовка начиналась усилиями революционеров-профессионалов и их помощников из числа местных, посещавших кружки по изучению марксизма, уговорить или принудить рабочих бросить работу и идти на митинг. Организаторами забастовки, были только члены РСДРП, фракция большевики.

В Иваново-Вознесенске, для помощи в организации восстания и оказания силовой поддержки, из С.-Петербурга, был прислан, вместе с дружиной боевиков, молодой, 20-ти лет, перспективный, революционер-большевик, товарищ Арсений. Это был Михаил Фрунзе. В 1904 году Фрунзе, приехал в С.-Петербург из города Верный (Алма-Ата), поступил на обучение в Технологический институт. В институте вступил в ряды РСДРП, и уже в декабре, этого же года был арестован полицией. В январе 1905 года, Фрунзе участвовал в шествии рабочих, организованном Георгием Гапоном, на Дворцовую площадь, к царю и был, во время обстрела колонны, ранен в руку. Боевики, которые прибыли с ним называли себя партийными кличками,

к ним в Иваново-Вознесенске присоединились и местные товарищи, боевики, Уткин (Станко), Морозов, Жиделев, и другие, всего около 60 человек.

К задним воротам фабрики «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры», подошли забастовавшие рабочие соседних ткацких фабрик Зубкова и Полушина и требовали, чтобы рабочие «мануфактуры», немедленно присоединились к ним. В это время, местные партийцы-большевики более решительно приступили к делу и стали ходить по цехам и громко кричать, «Бросай работу! Да здравствует стачка!». Рабочие остановили станки в двух ткацких корпусах и в прядильном корпусе и толпой стали выходить на широкий двор фабрики. А там, за задними воротами, ткачи двух соседних фабрик требовали открыть ворота.

В это время, в лесу, на берегу реки Талка, проходило собрание местных партийцев-большевиков. Собрание вёл секретарь местного комитета РСДРП Фёдор Афанасьев. На собрании обсуждались мероприятия текущего дня и предстоящие, приняли ряд решений по вопросу руководства стачкой.

В это же время, рабочих, прекративших работу, со всех фабрик и заводов привели на главную городскую площадь, по городским улицам, к мешанской управе. Здесь, после краткой речи, кого-то из присланных партийцев, постановили, разойтись по домам, а на другой день, 13 мая, собраться тут же, на городской площади, перед управой, к 10 часам утра.

13 мая, на следующий день, уже с 9 часов рабочие с фабрик и заводов, потянулись из всех рабочих кварталов на главную городскую площадь. Около 10 часов вся площадь и значительная часть прилегающих к ней улиц были сплошь заняты рабочими. В центре площади, как раз против здания городской управы, собралась вся городская социал-демократическая организация, окруженная живой стеной рабочих. В городе все остановилось, перестали дымить фабричные трубы, промышленная жизнь замерла. Все лавки и магазины закрылись. На площади стало уже тесно, а люди продолжали прибывать. Было тихо. Собравшиеся вели себя очень спокойно и мирно. Из окон городской управы выжидающе поглядывали лица чинов жандармерии и полиции. Число забастовавших на площади составляло 40 тысяч человек.

Около 11 часов один из рабочих принес табуретку и поставил ее в центре группы партийцев. На табуретку поднялся Евлампий Дунаев. Был он профессиональный революционер, бывший рабочим, за 8 лет до стачки, перешёл на партийную работу. Мгновенно наступила тишина. Взоры всех обратились на оратора. Осмотрев громадную толпу, Дунаев, после паузы, длившейся несколько секунд, произнес короткую речь. Он говорил о необходимости бороться до тех пор, пока требования рабочих, которые будут предъявлены фабрикантам и заводчикам, не будут удовлетворены. Он призывал забастовщиков, держать себя как можно спокойнее не шуметь, не кричать, никого не трогать. Когда Дунаев кончил говорить, в толпе пронесся гул одобрения.

После речи Дунаева, было внесено предложение, вручить требования рабочих фабрикантам и произвести сбор денег, в пользу бастующих. Сборщики в количестве 15 человек, были единодушно избраны, поднятием рук собрание. Они сразу же приступили к сбору, разойдясь по разным направлениям, с фуражками в руках.

Представитель забастовщиков, Семён Балашов, пошёл с требованиями рабочих в управу. Там его ждали директора фабрик и заводов, а не фабриканты. Все фабриканты, в это время уже были в Москве и проводили свои заседания в «Славянском базаре».

Семён Балашов, профессиональный революционер, на момент забастовки работал на аптечном складе, являлся командиром Иваново-Вознесенских боевиков, в количестве 60 человек. После гибели Афанасьева, 19 июня на Талке, стал секретарем комитета РСДРП, командиром боевиков был назначен Иван Уткин (Станко).

Директора фабрик, ознакомившись с «Документом, требования..» отказались его принять на том основании, что «требования» предъявлялись от имени рабочих фабрик и заводов, а были подписаны представителями, нелегальной в Российской империи, партии, а не самими

рабочими. Пришлось организовывать революционерам «Совет Рабочих Уполномоченных». При повторном оформлении «требований», уполномоченные рабочие потребовали убрать из документа все политические пункты, пришлось партийцам на это согласиться. Только после этого, «Требования» были приняты представителем хозяев на переговорах с рабочими, Свириским, и отправлены хозяевам фабрик в Москву, для принятия решения.

Сборщики обошли всю громадную толпу, собирая в фуражки медяки, мелкие серебряные монеты, а иногда и мелкие бумажки. Некоторые из сборщиков обходили не толпу, но и владельцев лавок и магазинов, которые после речи Дунаева вновь открыли торговлю. Они тоже бросали в фуражки разную мелочь, но делали это с явной неохотой.

Когда все сборщики вернулись в центр, к партийной группе, у каждого оказалась полная фуражка медяков, серебряных монет и мелких бумажек. Это была стачечная касса. Денег собрали несколько сотен рублей. Кроме Дунаева, на собрании выступали другие партийные товарищи. Они говорили, объясняли, присутствующим на митинге, почему им надо бороться за эти требования, какие требования надо выдвинуть рабочими. Митингующие отвергли выдвигать политические требования, соглашались только на экономические требования, введение 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы. Казаки и полицейские вели себя спокойно, поскольку отсутствовали антигосударственные лозунги в толпе митингующих и призывы агитаторов по свержению самодержавия.

Собрание закончилось поздно вечером, общественного порядка никто не нарушал, на другой день постановили собраться снова.

На другой день, в город прибыл губернатор, из Владимира. Вместе с другими чиновниками он смотрел из окон городской управы на собравшихся на городской площади. С первых же дней стачки, начали стягивать в Иваново-Вознесенск войска.

14 мая, на другой день собрание на площади возобновилось. Одновременно в разных частях площади были организованы выступления видных членов социал-демократической организации, разъяснявших предъявляемые хозяевам требования. Потом начались выступления общего характера, говорили о тяжелом положении рабочего класса, о причинах этого и необходимости решительной борьбы за улучшение своего положения. На площади стояли казаки в полном вооружении. Во время речей агитаторов из окон городской управы смотрели представители власти и барыни и господа, для них это было своего рода представление, интересное, пикантное зрелище.

На подмостки встал рабочий красильного цеха фабрики Грязнова, товарищ Лакин, участник подпольного кружка большевиков, и сделав внушительный жест по направлению к управе, начал декламировать отрывок, из поэмы Некрасова, «Размышления у парадного подъезда», указывая рукой в сторону управы,

«Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи».....

Голос у него был громкий, и его декламация произвела сильное впечатление на толпу. Хотя стих был и не про рабочих, а про крестьян, но все рабочие были из села, поэтому стихотворение на них воздействовало в нужном направлении.

Собравшиеся были в восторге, зато все выглядывавшие из окон управы физиономии моментально исчезли, окна в здании управы закрылись и долгое время не открывались.

Избрали «Совет Рабочих Уполномоченных», состав которого был утверждён утром, на партийном собрании, на Талке. Михаил Лакин, был так же избран в состав «Совета», и митингующие голосовали списком. Подавляющая часть депутатов была рабочая молодежь, возрастом до 25 лет, имела образование в объеме двух-трех классов начальной школы. Среди них не было ни одного со средним образованием. В состав Совета входили только рабочие, представители около 30 профессий, преимущественно текстильных. 70 депутатов были членами большевистской партии, была небольшая группа эсеров.

Собрания по выбору уполномоченных проводились с ведома и согласия губернатора, давшего гарантию неприкосновенности личности рабочих уполномоченных. Выборы уполномоченных производились по фабрикам, под руководством местных партийных ячеек.

Михаил Лакин, 1876 года рождения, часто выступал на митингах. Он являлся одним из самых талантливых ораторов на рабочих митингах. После выхода из-под ареста, по делам Иваново-Вознесенской стачки, Михаил Лакин, по партийным поручениям, перемещался по фабрикам и заводам во Владимирской губернии, с заданиями по организации местных боевых дружин и переводу экономических забастовок в политические, с лозунгами, «Долой самодержавие». В конце ноября 1905 года Михаил Лакин был убит наёмниками на текстильной фабрике «Ставровские мануфактуры братьев Бажановых», в селе Ундол, Владимирского уезда.

Губернатор запретил сборы митингов, в том числе и на центральной площади города. Несмотря на запрет, митинги продолжались, их проведение перенесли на реку Талка, недалеко от места проведения собраний партийного актива, на другом берегу реки Талка от партийного актива. Такая близость заседаний актива и проходящего митинга, позволяла оперативно решать тактические вопросы, возникавшие по ходу митинга.

По утрам, до начала митинга, здесь, на берегу Талки, в лесной сторожке, собирался городской комитет партии с партийным активом и намечал порядок дня. Здесь же, у лесной сторожки, на небольшой лужайке, проводились заседания исполкома «Совета», отделенное от места митинга рабочих, рекой Талка.

В состав исполкома были выбраны: председатель Совета Авенир Ноздрин, беспартийный, гравёр, его заместителем стал член РСДРП Николай Алексеев (Царский). Секретарями Совета были избраны рабочий большевик Николай Грачев, электрик Иван Добровольский и гравер Иван Суховский, казначеем – рабочий большевик Никодим Найденов. Все они составили президиум Совета, который, по существу, являлся его исполнительным комитетом. В обязанности председателя, заместителя и секретарей входило, собирать материал о ходе забастовки, вести учет бастующих, готовить вопросы для обсуждения их на пленумах Совета. Была создана комиссия по сбору средств в стачечный фонд во главе с Авениром Ноздриным. Была организована пропагандистская группа во главе с Семёном Балашовым, революционером-профессионалом, ему же было поручено, от имени Совета, ведение переговоров с фабрикантами. Была образована рабочая милиция во главе с Иваном Уткиным (Станко). 1884 года рождения, с 1902 года в РСДРП. Он был организатором и боевой дружины, обучал членов дружины стрельбе и поставлял им оружие. Был воспитанником Михаила Фрунзе.

В первые дни стачки, подъем настроения у рабочих был очень велик, число бастовавших увеличивалось с каждым днем. К бастующим рабочим текстильных фабрик и механических заводов присоединялись все новые группы рабочих из мелких мастерских. Вновь включившиеся в стачку шли прямо на площадь, вливались в общую массу и через своих руководителей в простых и бесхитростных словах говорили о своем тяжелом положении и о своих требованиях. Слушая жуткие рассказы рабочих мелких предприятий о бесчеловечной эксплуатации их хозяевами, толпа глухо волновалась, одобрительно приветствовала всех вновь вливающихся в ее ряды и обещала им свою братскую поддержку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.